

ГАРИ ЧАПИДЗЕ

**ПОД ЭТИМ
ГОЛУБЫМ
НЕБОМ**

ГАРИ ЧАПИДZE

**ПОД ЭТИМ
ГОЛУБЫМ НЕБОМ**

Тбилиси
2012

Сегодня писатель и учёный академик Гари Чапидзе предлагает читателю свою новую книгу „Под этим голубым небом“. В неё вошли три произведения писателя. Это „Криминальная аксиома“, „Клдекари“ и „Под этим голубым небом“.

В повести „Под этим голубым небом“ описываются события, происходившие во время Великой Отечественной войны. Бывший военнослужащий Георгий Мдинарадзе рассказывает своему молодому другу о борьбе партизан против немецких захватчиков на территории Белоруссии.

„Клдекари“ – что это? Легенда, сказка или фантазия? Читателю решать самому.

Десятиклассники Заза и Мака после долгих поисков попадают в необыкновенную страну Солнца. Они знакомятся с обычаями и традициями людей, ушедших из людского мира и добровольно заключивших себя в подземелье.

„Криминальная аксиома“ повествует нам об убийстве невесты директора Сачхерского фарфорового завода Арчила Цхадзе. Счастье молодых людей стало причиной их смерти.

Потеряв своих единственных, горячо любимых детей, осиротевшие матери Феридэ и Ануки начинают мстить убийцам.

Редактор – М. Придонашвили

ISBN 978-9941-0-5013-8

Под этим голубым небом.

Неделю тому назад мой друг отмечал свой день рождения. Гостей собралось человек сорок. Все: дети, женщины и мужчины сидели за праздничным столом. Когда гости натапцевались, напелись и наигрались, наслушались анекдотов, и их сердца наполнились радостью, юбиляр, успокоив гостей, обратился с просьбой к одному мужчине, возраст которого перевалил за полвека:

– Уважаемый дядя Георгий! Я слышал, что вы являетесь участником легендарного приключения. Если можно, поведайте нам о каком-нибудь эпизоде!

Георгий вздрогнул, так как не ожидал такой просьбы. Было видно, что перед его глазами пробежала какая-то сцена из прошлого, но он не смутился. Обведя взглядом собравшихся и заметив несколько пар глаз, смотрящих на него с интересом, сказал юбиляру:

– Несмотря на то, что я не мастер говорить красиво, и о себе не люблю рассказывать, всё равно я с удовольствием вспомню что-нибудь интересное!

Георгий задумался, взял курительную трубку, надавил пальцем. Из трубки автоматически высыпался пепел. Все с удивлением наблюдали за ним. Один из гостей, не удержавшись, произнёс вслух: „Интересно, где он нашёл такую трубку?“ Эти слова дошли до Георгия, но он, не показав виду, набил трубку душистым табаком, поджёг её и начал свой рассказ.

Глава первая. Трубка.

– Я заметил, что моя трубка вызвала у вас удивление. Позвольте поведать её историю.

Георгий, не дождавшись ответа, жадно втянул в себя дым и продолжил:

– У меня был один неразлучный друг Бритый. Мы проучились с ним с первого класса до окончания школы. В 1939 году нас вместе призвали на обязательную военную службу. Мы служили рядом с границей, в городе Полоцке, деля пополам кусок хлеба и помогая друг другу в горе и в радости. Время шло. Воинская служба подходила к концу. Вы наверное знаете, какая судьба у невезучего человека. Если невезучий найдёт и поднимет гвоздь, то его ударит электричество. Так случилось и со мной. Началась война... Фашисты с быстротой молнии захватили Полоцк, мы же еле успели отступить и укрылись в лесу. От военной части в живых остались только 97 человек. Все мы были рядовыми, ни у одного из нас не было офицерского звания. Для 97 человек был необходим руководитель: один или два, чтобы мы могли организованно действовать в тылу врага...

Солдаты выбрали меня своим командиром. Я не смог отказаться и поклялся отдать свою жизнь за каждого из них. Такую же клятву дали остальные бойцы моей сотни...

После клятвы мы углубились в лес, где нас не смогли бы найти фашисты. Мы принялись за постройку землянки, строительство которой продлилось до вечера следующего дня. А вечером мы решили напасть

на какую-нибудь вражескую часть, чтобы обеспечить себя пропитанием и боевым оружием. В полночь наш отряд вышел из леса и подошёл к деревне, где располагался враг. Без шума сняв караул, мы подожгли спящий вражеский лагерь и забрали многочисленное оружие, а также пропитание. В землянку отряд вернулся без потерь. Первая удача обрадовала всех, и конечно же меня, так как мой друг Бритый находился рядом...

Однажды ночью Бритый исчез куда-то, никто не знал, где он находился. Все бросились искать его, но не смогли напасть на его след. Всю ночь мы не спали. Как только рассвело, все увидели Бритого, держащего в руках фуражку немецкого генерала, с заткнутым за пояс револьвером. Он медленно вышагивал, закинув за плечо автомат. Все бойцы обрадовались... Бритый приблизился и, улыбаясь, передал мне фуражку и револьвер, сказав при этом: – Я не смог принести всех фуражек, но генерал достоин и после смерти быть бессмертным!

Он хотел улыбнуться, но увидев моё застывшее лицо, сконфузился и стоял передо мной, как провинившийся ребёнок. Я сделал ему выговор при всех и предупредил, что в случае повтора, он будет наказан.

Прошло время. Мы совершили несколько налётов на врага. Бритый отличился во всех боях. Враги стали более осторожными, они поняли, что действует какой-то партизанский отряд. Нам надо было немедленно менять наше укрытие.

Однажды вечером Бритый опять пропал. Сомнений не было: он опять решил напасть в одиночку на вражескую часть. Но на какую? Враг был везде...

Мы долго ждали Бритого, но он не появился. Расставив дозорных, мы легли спать, но сон не шёл ко мне. Перед рассветом мне приснилось, будто ко мне пришёл Бритый и сказал: „Поспешите! Утром меня сожгут!“ В ту же минуту я проснулся, сон взбудоражил меня. Я разбудил бойцов и рассказал о сне. Сон встревожил их. Отряд срочно выступил по направлению расположения вражеского лагеря. Осторожно выйдя из леса, мы осторожно подкрались к селу Барауха. Перед нашими взорами предстало ужасающее зрелище: Бритый был привязан к столбу, у его ног лежала связка хвороста. Его судили. Площадь была полна народу. С одной стороны стояли фашисты, а с другой – местное население. Их согнали сюда для устрашения.

В голове промелькнула единственная мысль: – Нельзя терять ни минуты! Мы должны начать наступление! Но как? Вместе с фашистами может погибнуть и местное население! Нет времени на раздумья, мы должны спасти гордость нашего отряда, или же отомстить за его смерть!

Вдруг один из фашистов поднёс зажжённый факел к хворосту, в тот же миг появилось яркое пламя. Глаза застилала пелена гнева. Я инстинктивно спустил курок автомата, бойцы открыли огонь. Немцы сначала растерялись, но вскоре опомнились. Завязался жесточайший бой не на жизнь, а на смерть. Я ни на один миг не оставлял Бритого без внимания. Над столбом взвилось пламя фосфорного цвета. Мы продвигались вперед. Пуля не брала меня, но подойти к Бритому поближе было невозможно. Немцы понимали, что

наш налёт был для спасения Бритого, поэтому он находился под усиленной охраной.

Бой длился четыре часа. Под конец несколько, оставшихся в живых, фашистов подняли руки вверх. Некоторые из них пытались бежать, но от пуль наших ребят не смог укрыться ни один из них. Немецкий офицер, укрывшись за дерево, бросил гранату в лежащих на земле местных жителей, затем дал очередь из автомата. Мы ответили ему огнём. Офицер вышел из-за дерева, бросил автомат и встал на месте. Я приказал не стрелять, но он сам вынес себе приговор. Достав револьвер, приставил его к уху и спустил курок. Тело офицера медленно осело на землю. В этом бою он был последним нашим противником.

Я первым бросился к столбу, к которому несколько часов назад был привязан Бритый. Всё вокруг превратилось в пепел, и только столб был объят пламенем. Мы подождали, пока не догорели уголья, и не остался один лишь пепел. Я насыпал ещё тёплый пепел в походную сумку и забросил её на плечо.

Из моего отряда в живых осталось 62 человека, из местных жителей – 18 женщин, детей и стариков. 16 немцев сдались в плен и теперь стояли перед нами. Перед пеплом друга я отомстил фашистам, расстреляв их собственноручно около того столба, где был сожжён мой друг... Мой отряд пополнился новыми бойцами из местных жителей. Мы похоронили погибших и укрылись в лесу.

...В нашем отряде был один скульптор, который был мастером своего дела. Я позвал его к себе, передал пепел Бритого и попросил в память о друге изго-

товить из пепла для меня ещё невиданную, лучшую из лучших курительную трубку.

Две недели он замешивал и сушил, соединяя с какими-то веществами пепел, и по прошествии двух недель принёс мне эту вещь. Георгий вздохнул и жадно затянулся трубкой.

Глава вторая.

Взгляды всех сидящих за столом были прикованы к Георгию, и никто не обращал внимания на то, что происходило за столом. Но вот дрожащий голос отца моего одноклассника Арчила Арабидзе привлёк наше внимание:

– Друг, скажи, кто ты? Не думаю, что имя сожжённого друга – Бритый, мне кажется, что нас что-то связывает... – Арчилу хотелось добавить ещё несколько слов, но его подвёл голос: в горле его будто ком застрял, из глаз текли слезы, которые он и не пытался утереть. Арчил, не дождавшись ответа Георгия, без извинений встал из-за стола и вышел в другую комнату. Мне показалось, что ему стало стыдно за свои слёзы и он вышел, чтобы скрыть их от гостей. Но я ошибся. Через минуту Арчил вышел к нам, держа в руках небольшую папку с бумагами. Положив её на стол и раскрыв, стал быстро копаться в ней. Совсем скоро он достал пожелтевший от времени листок, раскрыл его и, передав дрожащей рукой Георгию, сказал:

– Прошу зачитать громко это письмо и, не отказывайтесь, если придётся что-нибудь добавить. Я давно

разыскиваю вас, и вот какая-то сила свела нас в моем доме!

Мы удивлённо смотрели на Арчила и не могли понять, что было в его голосе: приказ или просьба. Возможно, что всё вместе. Но почему Арчил так разговаривал с этим безобидным человеком? Георгий выглядел растерянным: бледный, со слезами на глазах, стоял он, как изваяние, на лице его отражалась печаль.

– Да, – тихим, но твёрдым голосом произнёс Георгий. В голосе его не чувствовалось больше слёз. Я был удивлён изменившимся голосом Георгия. Теперь он был бархатным и приятным для восприятия. Слова, сказанные им, попадали в самое сердце и растекались тёплыми волнами по всему телу. – Я, Георгий Мдинарадзе! Что касается Бритого: это не было его настоящим именем. Мы дружили с рождения и я не понимал его навязчивости. Бритый ужасно не любил носить волосы и бороду и вечно сбрасывал их начисто. Поэтому его и прозвали Бритым. Это был физически очень сильный парень, одарённый самой природой – Григол Аквсентиевич Арабидзе!

– Мой брат! – жутким голосом завопил Арчил и зарыдал...

За этим праздничным столом раскрылась ужасная тайна, но все были довольны, хотя никто из нас не знал, чему мы радовались.

Георгий словно не слышал крик Арчила, он также не обратил внимания на его громкий плач. С прежним спокойствием он продолжил:

– Я не хотел открываться ни перед моими родственниками, ни перед друзьями. Все они считали меня

погибшим или пропавшим без вести. Сегодня я – олицетворение ужаса, а когда-то был человеком, полным сил и здоровья. Правда, долгое лечение и пластические операции вернули мне человеческий облик, но не собственный! Знакомые могут узнать меня только по имени и фамилии, только они остались неизменными. Письмо, которое передал мне уважаемый Арчил, написано мною после смерти Бритого. Я не смог скрыть от семьи настоящую правду: героизм и отвагу Бритого! Трубку, сделанную из пепла Бритого я передаю Арчилу. В дальнейшем он передаст её потомкам, чтобы в кругу родственников не был забыт Григол Арабидзе!

Сказав это, Георгий встал и передал дрожащей рукой трубку Арчилу. Арчил, держа трубку обеими руками и глядя в глаза Георгию, тихо произнёс:

– Нет, трубка с пеплом моего брата по грузинскому обычаю должна быть захоронена там, где покоятся в вечном царстве наши родители!

Мы разошлись поздно. Я и мои друзья проводили дядю Геогия до дому. По дороге он пообещал нам рассказать много интересных историй из своей жизни.

...Через неделю я встретился с дядей Георгием на захоронении трубки. Он сидел на почётном месте среди родственников погибшего и плакал от всего сердца. У гроба, в котором покоилась трубка, Георгий произнёс речь. Его слова проникли в самое сердце и заставили всех плакать, а я на всю жизнь запомнил его последние слова:

– Я не плакал, брат, когда жгли тебя, не плакал, когда видел пепел. Не знаю, наверное тогда было не

время плакать. Когда я стал носить трубку с пеплом твоим, каждый день несколько слезинок катились из моих глаз, но всё равно ты находился рядом со мной, в моей душе! До сегодняшнего дня мы были неразлучны. Настал миг прощания, я расстаюсь с тобой и не знаю смогу ли вынести разлуку!...

Пепел Григола похоронили рядом с его матерью, сверху могилу накрыли гранитным камнем, на котором золотыми буквами было написано: „Здесь покоится прах Григола Аквсентиевича Арабидзе, рождённого в 1920г, сожжённого фашистами в 1942г, похороненного 21 мая 1979г.

Я не встречал дядю Георгия после похорон, мне очень хотелось встретиться с ним и побеседовать. Он должен выполнить данное обещание: рассказать о своём приключении.

Глава третья.

Часто в мыслях я представлял себя воином, сражающимся на фронте бок о бок с Георгием. Эта навязчивая мысль не давала мне покоя. Я хотел поскорее увидеть дядю Георгия и услышать о более важном эпизоде из его жизни в те, объятые огнём, дни.

28 мая, как только начались летние каникулы, я отказался ехать в лагерь отдыха, отказался и от дачной путёвки, принесённой отцом, и отправился в гости к дяде Георгию.

По дороге в моей голове роились мысли о том, как встретит меня Георгий. Но ведь я не маленький. У

ученика седьмого класса больше ответственности и внимания со стороны взрослых. Вот и отец мне сказал: „Ты уже не маленький, скоро у тебя буду спрашивать совета, как поступать“. Этими словами он дал понять, что не держит обиду из-за отказа от дачной путёвки.

Сердце мое трепыхалось, как птица в клетке, когда я нажал на кнопку звонка у двери Георгия. Через несколько мгновений дверь открылась. „Входите!“ – сказал мне дядя Георгий. Как только я переступил порог дома, он обрадованно закричал: „Каха! Мой Каха!“ и, обняв меня, стал целовать. Лицо моё стало мокрым от его слёз, а он шептал: „Молодой друг моей старости! Не забывают меня! Нет, не слушали меня старика, что они придут! Разве не пришли?“

– Тамар, где ты? Выходи! – уже громко позвал Георгий, и на его зов вышла седовласая женщина довольно приятной наружности.

– А ты говорила, что они не придут, что мы никому не нужны! Разве не пришли? Мы уже не одни, Тамар! У нас есть молодые друзья! – с застрявшим в горле комом, отрывисто произнёс старик.

Жена Георгия наконец-то разобралась, в чём было дело, и обняла меня ещё крепче, чем Георгий, целуя по-матерински с любовью, слёзы лились ручьями из её глаз. Не понимая причины этих слёз, я стоял, удивлённый, и в голове крутилась единственная мысль: „Лучше бы я не приходил сюда!“

Наконец-то закончилась церемония встречи, и тётя Тамара пригласила нас к столу. Достав из буфета разные фрукты и варенья, подала чай. Закончив накры-

вать на стол, она приготовилась сесть, но дядя Георгий остановил её и, стесняясь, попросил:

– Принеси коньяк!

Супруга удивлённо посмотрела на него и пробурчала:

– Ведь тебе запретил врач?

Дядя Георгий улыбнулся.

– Да, запретил, но, в исключительных случаях, можно! – сказав, подмигнул мне.

Я уверен, что эти слова не были услышаны тётёй Тамарой – она уже вышла на кухню, чтобы принести коньяк. Вскоре на столе стояла бутылка коньяку и три маленьких хрустальных стакана.

Я выпил чашку чая с вареньем. Георгий пил уже третью рюмку коньяка. Мой стакан стоял, наполненный до краёв, но пить мне не предлагали. Тётя Тамара поддерживала тосты дяди Георгия, но пить не пила.

Дядя Георгий, опорожнив третью рюмку, посмотрел на меня и спросил:

– Почему ты до сих пор не приходил ко мне? Мы ждали тебя каждый день! – тихо произнёс он.

– У меня не было времени. Я же не мог отстать от учёбы! – оправдывался я.

– Ты и сейчас не пришёл без дела!

– Нет! Я пришёл повидаться с вами. У меня начались каникулы, появилось много свободного времени. – сказал я, покраснев. Не знаю, выдал ли меня цвет лица, или Георгий догадался сам.

– Конечно, ты хотел видеть меня, но видно по твоим глазам, что не в этом главная причина твоего прихода.

– Понимаете, мне хочется соединить концы разорванной нити. Вы должны рассказать мне о своей жизни! – ответил я с почтением.

– Я так и знал, что ты пришёл не без дела, хотя, почему тебя интересует моя прошлая жизнь? Был бы ты писателем, бичо*!

– Я не писатель, дядя Георгий, но постараюсь всё-таки написать.

– Нет, я пошутил. Для меня не имеет значения: послушаете или напишите об этом. Конечно будет лучше, если ты не напишешь обо мне. На сегодняшний день у нас столько достойных людей, что мой героизм по сравнению с ними не заметен.

– Мне кажется, что ваш героизм и самоотверженность должны быть известны.

– Герой по сбору чая рядом с женщинами! – дядя Георгий, еле сдержав улыбку, кивнул мне в знак согласия и спросил:

– И всё же, какой эпизод тебя интересует, чтобы я рассказал тебе?

– Все! – не задумываясь, выкрикнул я. Георгий опять рассмеялся и, глубоко вздохнув, ответил:

– Все не успею рассказать сегодня!

– У меня трёхмесячные каникулы!

– С чего же мне начать?

Я растерялся, не зная, что сказать, и проговорил несвязно:

– Если можете, с того как вы вернулись, а вас не узнали. Почему вас не узнали?

– Да, хорошо. Это тоже интересная история. Рас-

---

* Бичо – мальчик.

скажу, только с одним условием, что сегодня ты останешься у меня ночевать!

– Можно позвонить? – в телефонный разговор подключился дядя Георгий, и вопрос, остаться на ночь у него, решился.

Георгий положил телефонную трубку, сел и, уставившись в одну точку, будто в комнате никого не было, начал, не спеша, рассказывать:

– В 1943 году Белоруссия была полностью захвачена врагом. Малочисленным партизанским отрядам становилось всё труднее и труднее действовать в тылу врага. С партизанами и сопротивляющимися местными жителями немцы расправлялись с особой жестокостью. В деревнях были построены виселицы, около специально возведённых стен для расстрелов были вырыты с обеих сторон глубокие рвы, залитые хлорным и известковым раствором: расстрелянных бросали в эти рвы, чтобы запах трупных разложений не беспокоил фашистов.

Такое варварство становилось невыносимым. С каждым днём к трупам в ямах добавлялось множество тел, а виселицы были переполнены телами повешенных. Бойцы нашего партизанского отряда давно уже забыли о сне. Мы старались мстить варварам в каждый подходящий момент. Немцы тоже не сидели сложа руки. Частые нападения нашего отряда заставили их задуматься, и они усилили поиски. Если каждый из немцев знал, что встреча с нами закончится смертью, то каждому из нас тоже было ясно, что попасть к ним означает расстрел и хлорную яму. Поэтому обе стороны боролись насмерть.

13 августа 1943 года мы решили ночью напасть на концлагерь, находящийся у села Адамово, и освободить советских военнопленных. Лагерь надёжно охранялся с четырёх сторон. Наш отряд разделился на пять групп, чтобы начать штурм со всех сторон. Пятой группе приказывалось перекрыть дорогу, чтобы не дать возможности врагу подтянуть дополнительные силы для оказания помощи.

13 августа ровно в час ночи одновременно с четырёх сторон начался штурм. Вскоре немцы разгадали наш маневр. Завязался смертельный бой, который длился два часа.

До нас уже доносились звуки стрельбы нашего пятого отряда. Это означало, что бойцы сдерживают немецкие силы, подоспевшие на помощь. Необходимо было спешить. Я приказал перейти в наступление. Через 40 минут нами были захвачены все входы в лагерь. Передав военнопленных своим бойцам, я приказал им отходить в лес. Мне надо было отобрать бойцов для помощи пятой группе. Вдруг ко мне подбежал один из военнопленных и по-военному обратился:

– Разрешите обратиться, майор Орлов! Здесь в тёмной камере на чердаке находятся советские дети. Завтра их хотели отправить в Германию! Мы должны помочь им!

– Скорее покажите то место! – приказал я, и он, ответив: „Есть!“, побежал впереди меня. Выбив дверь камеры, я увидел детей. Это были подростки 10-15 лет голодные, избитые. Их было около 200 человек.

– Скорее выходите на улицу! – крикнул я.

Майор Орлов повёл детей к выходу. Я шёл позади. В это время стрельба усилилась, я стал подгонять ребят. Выбежав во двор мы увидели ужасную картину: майор Орлов, убитый, валялся во дворе, а здание было окружено четырьмя рядами немецких автоматчиков. Я посмотрел на детей. „Не расстреляют“, – подумал я и поднёс наган к уху, чтобы не сдаться живым врагу, но не успел спустить курок. Пуля попала в кисть руки и выбила наган. Кровь брызгала фонтаном с двух сторон. Я хотел поднять оружие левой рукой, но не успел: двое немецких солдат скрутили мне руки за спиной и стали толкать вперёд.

– „Знаю, я нужен им живым, чтобы казнить меня принародно, с помощью пыток заставить меня выдать нужную им информацию!“ – подумал я и добавил в мыслях: – Не дождутся!“ Мне хотелось умереть здесь, рядом с майором Орловым. Но даже в смерти мне не везло. В тот же день меня повезли в город Полоцк и передали в следственный орган Гестапо.

Не знаю, сколько дней прошло в пытках. В подвале, где я содержался, было вечно темно. Мне не давали отдыху; долбили одно и то же. Я должен был сказать, где скрываются партизаны, сколько было групп, и кто является командиром. Не добившись битьём, немцы стали жечь меня калёным железом, клещами рвали мясо, бросали меня к своре злых собак. Я был так истерзан, что мысль о спасении была для меня излишней. Помощи ждать не приходилось. Я знал, что мои ребята разыскивают меня, но они были бессильны помочь мне в застенках Гестапо. Несмотря на многочисленные унижения и пытки враги не услышали

от меня ни единого слова. Я заметил, что некоторым из них нравились мои мужество и твёрдость, а других душила злоба, что не смогли заставить меня говорить, и они придумывали всё более изощрённые пытки. В таких мучениях прошло несколько дней. Ещё немного, и я бы не выдержал пыток. Но вот нас повели на расстрел. В крытую брезентом машину первым бросили меня, а следом ещё одиннадцать таких же, как я, человек. Среди нас находились две девушки. Мне никогда не забыть блеск их глаз, в которых читалась победа, вызванная силой духа. Их отважность придала мне сил, мне было стыдно за свою немощность и страх перед смертью.

До этого момента я не сопротивлялся. При виде девушек во мне появилась какая-то сила, которая заставила меня встать на ноги и подбежать к борту машины. Впервые я тогда закричал: – Знайте, наша смерть не принесёт вам победы! Вам не под силу победить людей, борющихся за правду! Победа будет за нами! – мой голос заглушила автоматная очередь. В дороге мой страх пропал, наоборот меня охватило какое-то радостное чувство, и представьте себе, мне захотелось шутить. Наверное, так ведёт себя человек перед смертью, – подумал я и горько усмехнулся.

Машина остановилась. Я спрыгнул первым и помог девушкам спуститься. Немецкий солдат оттолкнул меня прикладом автомата к бревенчатой стене. – „Стена для расстрела!“ – пронеслось у меня в голове, и я молча приблизился и прислонился к ней. Стена была изрешечена пулями. Стало ясно, что мы здесь не первые.

Была лунная ночь, небо усыпали яркие звёзды. Перед глазами встало синее небо Грузии, природа, журчащие реки, родители. Да, родители! Тут мои мысли прервались. Кроме родителей я ни о чём не думал. Лёгкий ветерок обвевал меня. Мне казалось, что это моя бедная мама гладит мои кудри. Она ведь всегда так ласкала меня. Моя бедная мама! Ты, наверное, умрёшь, ожидая меня. Я уже никогда не вернусь к тебе! Нет, мне не жаль смерти ради моей Родины. Но я ведь умираю без твоего оплакивания. Вот этого то мне и жаль. Знаю, что с тех пор, как мы расстались с тобой, глаза твои не просыхают от слёз. Плачешь и гонишь мысли о смерти моей. Прощаюсь с вами! Гордитесь вашим сыном! Умираю как настоящий мужчина! – из дум меня вывел голос немецкого офицера. Я открыл глаза и увидел перед собой немецких автоматчиков, выстроившихся в ряд. Мы стояли все – двенадцать человек. Послышался ещё один приказ офицера, затем последовали выстрелы. Пуля прошла под левой рукой, вырвав мясо и пригвоздив его к стене. Обжигающая боль разлилась по всему телу. Я пошатнулся и упал, чувствуя как стоящий рядом валится мне на грудь. Через минуту выстрелы смолкли. Прошла ещё одна минута. Кто-то из немецких солдат схватил меня за ногу, оторвал от земли, раскачал и швырнул прямо в яму. Вскоре на голову посыпались тела. Я перехватил дыхание и затих. Послышался гул машины. „Уехали“, – подумал я и осторожно высунул голову из ямы. Красный свет от машины был уже далеко. Всё моё тело горело, рана невыносимо болела, но мне было радостно, что я не умер. Собравшись с силами, я стал осматривать трупы. Думал, может ещё кому-нибудь повезло, и он

остался жив. Тогда мы сможем помочь друг другу. Мои надежды не оправдались: ни один из расстрелянных не подавал признаков жизни. Ждать рассвета было опасно. Я должен был укрыться в лесу.

Осмотревшись по сторонам, я направился в ту сторону, где лес казался более дремучим и непроходимым. Мне необходимо было найти воду и передохнуть. Боль становилась невыносимой. Не знаю, сколько времени я бродил по лесу, помню только то, как иссякли мои силы и я, умирающий, опустился под сосновым деревом. Солнце нещадно палило. Я то приходил в себя, то снова терял сознание. Так, в мучениях прошла ночь. Рана моя опухла, рот пересох, а воды не было ни капли. На второй день в полдень мне послышался какой-то шум. Я умирал, но мне было обидно, а вдруг это немцы. Не хотелось быть разорванным собаками. Да, пусть вас это не удивляет. Клетки человеческого мозга умирают в последнюю очередь. Мозг перед смертью работает лучше, как никогда.

Вблизи от того места, где я лежал, стояли четверо детей 10-12 лет: трое мальчишек и одна девочка. Увидев меня, они хотели закричать и собрались было убежать, но девочка остановила их. Было видно, что она самая старшая среди них. Осторожно приблизившись ко мне, они прислушались к моему дыханию, и один из них радостно закричал: – „Живой!“

Мне хотелось заговорить с детьми, но я не мог этого сделать. Только головной мозг работал с большой точностью. Так что я почувствовал, как приблизились ко мне дети, увидел их испуганные лица и безошибочно определил их возраст.

Дети стали срезать еловые ветки, ещё что-то искали, затем что-то мастерили. Притащив переплетённые ветки, они приподняли меня и после долгих усилий переложили на них. Затем впряглись вчетвером и потащили. Я чувствовал, как они мучаются, как вздыхают и стонут. Не останавливаясь ни на минуту, дети протащили меня несколько километров и наконец-то занесли в шалаш, построенный из сена. С внешней стороны шалаш был хорошо скрыт от посторонних глаз. Дети осторожно переложили меня на разостланное сено. Заметив, что губы мои пересохли, трое пошли за водой, а один остался со мной. Скоро принесли воду, напоили меня, и я пришёл в себя. Затем дети разрезали одежду. Раны мои загноились. Обтерев меня тряпкой, они увидели следы от пыток калёным железом на запястьях, на спине и груди. Я корчился от боли. О чём-то посоветовавшись, двое из них скрылись в темноте. До утра я всё думал о тех детях, которые куда-то ушли. Если бы я мог говорить, то никуда не отпустил бы их. Мне было страшно за их жизни.

Рано утром дети вернулись и привели дряхлого старика. Я обрадовался, и слёзы потекли из моих закрытых глаз. Дети были рады, таким образом они установили, что я жив.

Старик долго осматривал меня, прикладывал ухо к груди. Я почувствовал, как он открыв какой-то пузырьёк, стал смазывать мои раны мазью. Через пять минут я почувствовал, как по всему телу разлилось необыкновенное тепло. Вечером мне открыли рот и накапали несколько капель молока.

На другое утро старик опять осмотрел меня и по-

радовал детей, сказав, что я выжил. Повторил массажи и снова намазал мазью. Мне стало намного лучше. На третий день сердце заработало, я попробовал открыть глаза. В таком состоянии я находился пять дней. Лечение действовало на меня положительно. Старик с детьми ухаживали за мной. На десятый день я попробовал встать, но старик не разрешил мне. Мне пришлось тотчас подчиниться воле старика и лечь. Прошло ещё несколько дней, я окреп и мне захотелось глотнуть свежего воздуха. Еле дойдя до порога шалаша, я присел, затем вспомнил слова старика:

– Не выходи на двор, не то испугаешь зверей и птиц.

Я был сильно обезображен. Меня самого пугало расположение сосудов и капилляров на съеденном пытками теле. Только одна мысль не давала мне покоя, я хотел знать, как выглядит моё лицо. На второй день ребята помогли мне посмотреться в осколок зеркала. От увиденного я зарыдал. Это же был не я! Тело и лицо были сожжены известью и хлором.

Добрый лесник, Игорь Алексеевич Антонович, лечил меня ещё несколько дней. В моём лечении ему помогала природа. Из трав он готовил чудодействующую мазь.

После окончания войны я сделал пластическую операцию, но вернуть свой прежний облик не получилось. Лечение закончилось с таким результатом, какой ты видишь перед собой. Наверное, ты не удивлён, что меня никто не узнал. Ну-ка, посмотрим, узнаешь ли ты меня? – сказал он и подал мне фотографию солдата в военной форме...

Я его не узнал!

Клдекари.

„Жили – были“... Так начинаются все сказки, все легенды, любая фантазия. Рассказанная здесь история – не сказка, не легенда и не фантазия.

– Была бы сказка, – скажет читатель. Ведь сказка – это мечта прошлых лет и вера в будущее...

– Была бы легенда, – скажет он, так как легенда – это сказание о прошлом и истина сегодняшнего дня...

– Была бы фантазия, – скажет большинство читателей, так как фантазия – это мечта и ключи в будущее науки и техники...

Пусть читатель сам решит, к чему относится это произведение, пусть только знает, что в действительности существует на расстоянии восемнадцати километров от города Чиатуры „Клдекари“.

Дело в том, что я сам живу в Чиатуре. Здесь я родился и вырос, но до сегодняшнего дня ничего не слышал о существовании „Клдекари“. А сегодня, вернувшись из школы домой, я застал своего дядьку Дурмишхана и близкого родственника Давида Мачаидзе. Они сидели за накрытым столом и говорили о какой-то неприступной скале. Я насторожил уши, но они перевели разговор на другую тему. Сомнений не было, они что-то от меня скрывали.

– А ну, чья возьмёт, – подумал я и на противоположной стороне стола незаметно прикрепил диктофон, достал книги из сумки и вышел в другую комнату заниматься. Говорю – заниматься, но всё моё внимание было приковано к разговору в соседней комна-

те, чтобы услышать хотя бы пару слов о таинственной скале. Но все мои ухищрения были напрасными. Они шептались настолько тихо, что мне казалось невозможным записать их разговор на диктофон.

Поздно ночью, когда они закончили беседу, я проводил их. Чуть подвыпившие, они шли по улице и пели песни... Я вернулся в комнату и кинулся к диктофону...

– Клдекари... – послышался голос Давида Мачаидзе.

– Говори тише, не то детей обычно интересуют такие приключения, – предупредил голос, принадлежавший дяде Дурмишхану.

– Да, это правда, – сравнительно тише начал Давид. Но давай, пусть все узнают, что „Клдекари“ действительно существовала, существует и будет существовать больше, чем тот ребёнок, которого ты так сторонись, чтобы он не узнал о её существовании. Это и правда необыкновенная пещера, которая находится в неприступном месте, поэтому не все могут войти в неё, так как это яма, глубина которой пятьдесят метров, с виднеющейся в ней дверью. Больше я ничего не знаю. Пока в неё никто не спускался. Однако я не сомневаюсь, что скала хранит тайну, покрытую мраком.

– Приблизительно, сколько лет прошло с тех пор, как обнаружили „Клдекари“?

– Будет три или четыре года. У одного моего соседа с этой скалы упала корова и он первым обнаружил её.

– Название „Клдекари“ присвоено со дня обнаружения?

– Нет, так называются те скалы и леса, которые окружают её с давних времён...

– Действительно, это интересно... – я узнал голос моего дяди Дурмишхана и испугался, как бы не закончилась лента диктофона.

Мне было обидно, что их разговор закончился так быстро, и всё же я был благодарен моей выдумке. Основное я уже знал – „Клдекари“ находился вблизи деревни Гундаэти, и пока никто не смог добраться до этой, окутанной тайной, скалы.

Сейчас от меня многое зависело. В первую очередь я должен был отыскать моего ровесника, живущего в деревне Гундаэти, который хоть немного бы знал о том, где находится „Клдекари“, и который помог бы мне в поиске.

Чтобы не привлекать внимания взрослых, я начал действовать осторожно. Пока у меня не было единомышленника, поэтому я решил проникнуть в одиночку в школьный архив. Это было настолько лёгким делом, что его не стоит описывать. Я достал анкеты учащихся, внимательно просмотрел их, и будто громом поразило меня, когда я обнаружил, что из всех школьников только Мака Абрамишвили была из деревни Гундаэти.

Во всей школе Маку знали как сорвиголову. Когда мы, мальчишки, играли в футбол, она почти всегда была вратарём наших соперников. И если где-нибудь возникал спор, то Мака незамедлительно с усердием включалась в разборки и всегда оказывалась на стороне мальчишек. Вместе с тем она была очень дружелюбной, с хорошо развитым чувством юмора. По-

мимо школьного платья любила носить вельветовые брюки и дружила исключительно только с мальчишками...

Я обрадовался, обнаружив Макину анкету. Это было лучше, чем ничего. Но пришлось задуматься: кто знает, согласится ли Мака пойти со мной. Конечно, она сорвиголова, но ведь девушка. Хватит ли ей отваги отправиться с парнем в скалы? – Так думал я и постепенно убеждался, что спрашивать об этом излишне...

На большой перемене я, задумавшись, ходил по длинному школьному коридору. Кто-то, подкравшись сзади, закрыл мне глаза руками. Я почувствовал сильные женские руки, которые закрывали мне глаза и уши одновременно. Не подумав, я инстинктивно выкрикнул: „Мака!“ В ту же секунду руки слетели с глаз и, не успев обернуться, я услышал:

– О чудо! Как ты догадался?

– Нет, не догадался, просто я думал о тебе и произвольно произнёс твоё имя.

– Ты думал обо мне? Почему? – спросила меня Мака, посмотрев на меня глазами испуганного оленёнка, и я заметил, как щёки её покрылись румянцем. Но, сделав вид, будто ничего не произошло, она быстро взяла себя в руки и стала шутить.

– Это хорошо, если думаешь, тем более обо мне. Я рада, что твой ум может думать, но, к сожалению, мой цивилизованный ум подсказал мне, что твоим мыслям не суждено сбыться! Обидно! Очень обидно!

– Не шути, Мака! Я хочу поговорить с тобой о серьёзном деле. Пойдёшь со мной?

- Ох, дорогой, если хочешь, хоть в ад...
- Говорю, не шути! Я серьёзно!
- Слушаю, мой дорогой, продолжай...
- В вашей деревне есть скала, окутанная тайной, так называемая „Клдекари“. Может ты слышала что-нибудь о ней?
- Конечно, но в пещеру я с тобой не пойду. Ведь наши родители не для того строили дома, чтобы их дети жили в пещере?
- Я предупредил тебя, а ты опять шутишь? Мне хочется с твоей помощью раскрыть тайну „Клдекари“.
- На мой взгляд, ум твой слишком развит! Существует такое мнение, что каждые сто лет рождается Шерлок Холмс. А если я не смогу стать для тебя доктором Ватсоном, что тогда будет?
- Никто не рождается мудрым. Может ты сможешь сделать больше, чем я. Расскажи, что ты слышала о той скале?
- Это не скала вовсе, а яма, похожая на колодец, глубина которой достигает пятидесяти метров... – и Мака рассказала мне то, о чём я уже знал с помощью диктофона.
- Мака, ведь туда пока ещё никто не спускался? Давай спустимся!
- Не спустимся!
- Почему?
- Не знаю, но не спустимся!
- Нет ничего невозможного, давай попробуем!
- Хорошо, эта находка и мне интересна. В субботу утром буду ждать тебя на автовокзале.

К субботе я купил сто метров верёвки, молоток, лом, нож, спички, компас, часы, десять плиток шоколада, фонарь, свечи: всё то, что было необходимо для нашей кратковременной экспедиции. Сложил в спортивную сумку и спрятал за рояль.

Через три дня наступил долгожданный день, а до этого я и Мака общались с помощью глаз, и что самое интересное, понимали друг друга очень хорошо.

На автовокзале было многолюдно: молодой и старый, все ехали в деревню, чтобы провести выходные на чистом воздухе. Мака, в своих любимых вельветовых брюках, сильно отличалась от всех: в по-мальчишески, с закатанными по локоть рукавами, белой сорочке, с щедро рассыпанными по плечам волосами цвета спелой пшеницы, в джинсовой кепке, которая так шла ей, что она казалась прилетевшей с другой планеты, в ожидании меня энергично вышагивала по перрону, не касаясь земли. Когда я увидел её, то решил вернуться, так как чувствовал, что эта непоседа во всём одержит победу надо мной, и, кто знает, может подымет насмех перед всей школой. Но не успел я подумать, как Мака заметила меня и пошла мне навстречу.

– Где ты до сих пор! – упрекнула она, – наверное, никак не мог наесться, а я уже полчаса жду тебя.

– Прости меня, Мака, больше этого не повторится!

– Что, ты собираешься ещё и в другой раз куда-нибудь поехать?

– Не знаю, посмотрим, как пройдёт эта экспедиция. Кто знает, может в следующий раз полетим на Марс.

Так, ведя „деловой“ разговор, мы заняли очередь на остановке такси. Открыв заднюю дверь машины, я вежливо пригласил Маку, а затем сел сам.

– Отвезите нас в деревню Гундаэти! – сказала Мака. Водитель повернул рычаг скоростей и медленно повёл машину в гору. Молодой водитель вёл себя не очень культурно: поправив впереди себя зеркало, он часто посматривал на Маку. Мака, заметив такое дерзкое поведение водителя, нахмурила брови. Мы проехали маленькую речку, завернули вправо. Начался крутой подъём.

– Поверните направо! – послышался приказной голос Маки, которому мгновенно подчинился водитель. Не проехали и пяти минут, как Мака опять сказала: „Сойдём здесь!“

Водитель не удивился, что мы решили сойти в таком безлюдном месте. Только проговорил, на всякий случай:

– Испортилась молодёжь! – Мака без моей помощи изящно вышла из машины и сказала водителю: – Смотри, колесо спустилось!

Водитель с испуганным лицом выскочил из машины, но Мака, перегордив ему дорогу, строго сказала:

– Повтори, что ты сказал?!

У водителя на лице застыла улыбка. Получив звонкую пощечину от Маки, он пошатнулся и налетел на открытую дверцу машины. Я тоже выскочил из машины, держа в руке десятирублёвку. Не знаю, что подумал водитель, увидев меня. Он сел за руль, и вскоре машина исчезла из виду.

– Первая неудача! – сказала Мака.

– Разве это неудача? Человека избил и ещё считаешь себя побеждённой?

– Надо было его повалить! Но, может быть, он ещё и упал бы, если б не дверца машины...

– А всё-таки, за что ты взъелась на него?

– Тебе этого не понять, твой мозг занят открытиями, и даже, когда ты освободишься от этих открытий, сомневаюсь, что поймёшь в дальнейшем, какое оскорбление нанёс он нам?

– И всё-таки, что он сказал такого?

– Как что, по-твоему, друзьям или товарищам нельзя пройти вместе, чтобы не подумали ничего плохого? Ведь можем же мы на всю ночь остаться в лесу у костра, и между нами будут братские отношения? Ведь можно же нам быть настоящими братом и сестрой и прийти сюда погулять?

– Конечно можно.

– Тогда почему должен думать плохо о нас тот водитель и кричать во весь голос: –

„Испортилась молодёжь!“

– Так вот в чём дело? Побеждённая не ты, а я, что не подумал и не понял того, что ты мне объяснила сейчас.

Во время подъёма кусты рододендрона помогали и одновременно мешали нам своей непроходимостью. Впереди шла Мака, следом шёл я. После часа пути Мака остановилась:

– Вот „Клдекари“, – сказала она.

Я смотрел на скалу, высотой в сто метров, являвшейся преградой на нашем пути, но, перехватив Макин взгляд, которая смотрела вниз, в тот же миг

очутился рядом, и перед моими глазами открылось жуткое зрелище: это был колодец шириной в полтора метра и длиной в десять, высеченный в скале, который постепенно расширялся и образовывал дно размером в тридцать квадратных метров. Чёрная пасть бездонной пропасти смотрела на меня, и страх закрадывался в моё сердце. Не только меня пугала эта бездна, любой бесстрашный человек был бы напуган её видом.

Я присел на скале и осмотрел окрестность. Тут же в яме, в отдалении четырёх метров в расщелине на скользких камнях растёт огромное каштановое дерево, корни которого не видели земли. По бокам дерево так завалено камнями, что кажется, что оно вот-вот переломится. Но вот чудо: оно цветёт и посетитель считает его природным волшебством. С востока „Клдекари“ защищает стометровая стена скалы, как раз внизу этой скалы находится, по-моему, созданная самой природой эта удивительная яма. Говорю „созданная природой“, но как природа создала колодец, у которого виднеется дно: внутри него нет воды. Кто вытащил из колодца щебень и землю? С запада колодец окружён непроходимыми лесами и горами, покрытыми кустарником, а с юга на восток протекает речка Садзалисхеви, и эта ложбина, как и западо-восток, безлюдна.

Я расстроился, что увидел это место, похожее на пасть чудовища, но мне было стыдно перед Макой и я решил не возвращаться до тех пор, пока хорошенько не исследую „Клдекари“. Открыв сумку, я достал бинокль, осторожно подошёл к краю „ямы“

и лёг на живот так, что в яму свешивалась одна голова, подождал, пока глаза привыкнут к темноте и с помощью бинокля осмотрел основательно „пасть чудовища“, стены которого были из обтёсанного камня, местами покрытые мхом. Так обтесать камни мог только человек. От дна на высоте трёх метров я заметил свод, похожий на церковный, в виде арки, в который была вставлена огромная каменная двустворчатая дверь.

– Мака, двери! – закричал я.

– Да, это я и раньше видела. Знаешь, название „Клдекари“ происходит наверное от названия этой двери.

Пока я осматривал место, Мака достала верёвку и так, без всякого волнения стала привязывать её к каштану, словно второй конец верёвки ждала её мать.

– Что ты делаешь, Мака?! – крикнул я. – Неужели ты хочешь спуститься?

– Я не пришла сюда для того, чтобы просто посмотреть. В детстве я уже видела это...

– Не смей, это невозможно!

– Нет ничего невозможного, Шерлок Холмс!

– А ты знаешь, какая опасность поджидает нас там, внизу?

– Потому и иду, что не знаю...

– Там не будет шанса на спасение, безусловно, мы умрём!

– Разве мало людей погибло из-за открытий?

– Никто ведь не узнает о нашей гибели, из-за чего мы погибли?

– Если со мной что-нибудь случится, ты вернёшься и расскажешь об этом. Я спущусь одна! – во время

этого разговора Мака опустила конец верёвки в яму. Верёвка скрутилась на дне.

– Нет, если так, то я спущусь, а ты расскажешь об этом родителям и в школе!

Не успел я закончить начатый разговор, Мака попросила меня подать ей сумку, и как только я отвернулся, она быстрее молнии последовала за верёвкой. Помня, что стою на краю пропасти и могу упасть, я потянул за верёвку. Мака стояла уже на дне ямы. На всякий случай проверив петлю верёвки, завязанную на каштане, и закинув сумку за плечи, я, точно с такой же скоростью, как Мака, спустился на дно...

– Эх! Женщина остаётся женщиной – слабым существом. Смотри, как содрала верёвка кожу с ладоней! – сказала мне Мака и показала раскрытые ладони.

– Не то, что ладони, я еле смотрю на тебя в этом аду... – ответил я.

– Веди себя по-мужски, не хнычь. Лучше зажги свечу!

Я молча выполнил Макин приказ: зажгёт свечу и посмотрел наверх, откуда падал бледный свет, но до нас он не доходил.

– Мака, сколько времени мы здесь находимся? Уже стемнело, видишь на небе звёзды?

– Нет, дорогой, пока ещё день, а звёзды на небе видны потому, что мы находимся в темноте.

– Как нам выбраться отсюда, Мака?

– Я и не думаю выбираться, пока не раскрою тайны!

Эта девчонка сведёт меня с ума. Я – парень, сердце моё разрывается от страха, а она шутит. Кто она – де-

вушка или ведьма, не понимаю. – Я включил фонарь и стал рассматривать дверь...

– Нет, Мака, это сделано не руками человека. Кто бы смог прислонить такой огромный камень?

– Люди, друг мой, такие же люди, как те, которые воздвигли пирамиды. И этот камень не больше тех, которыми построили пирамиды. Здесь их два, а там – миллионы.

– Вот видишь, здесь был кто-то. Мне кажется, что двери взрывали. – и я показал Маке весь в пробоинах низ двери. Затем, взяв молоток, ударил по ней. Дверь издала пустой звук, ударил по другому месту, звук от молотка был неясным.

– Наверное в двери есть трещина, из которой и идёт этот звук! – тихо объяснил я Маке. Она, не говоря ни слова, молча взяла молоток из моих рук. Осторожно, будто делая операцию, ударила по дверной раме молотком так, как ходит конь в шахматах. В одном месте она даже мох сорвала, затем повторила удар. Я освещал дверь фонарём, и всё равно не заметил, как пошатнулась в скале, посаженная в раму, дверь и тихонько приоткрылась. Нашим взорам предстала, освещённая солнцем, пещера, открылся целый мир...

Дверные створки скалы раскрылись и, вдруг стали закрываться. Я всё ещё стоял, замороженный этим чудом, как Макин голос вывел меня из этого состояния:

– Вперёд, не то успеет закрыться! – сказав, она схватила меня за руку, и мы, в несколько прыжков, очутились по другую сторону двери. Несколько се-

кунд, и скала закрылась... Будто сердце закрылось моё. Попав в незнакомый доселе мир, я не знал, что ожидает меня и как я буду возвращаться назад. Увидав моё унылое лицо, Мака взорвалась от смеха. Нет, она точно ведьма в образе девушки, – подумал я. Она, словно догадавшись о моих мыслях, сказала:

– Интересно знать, с чего это ты так расстроился? Не соскучился ли по мамочке, мой маленький? Не плачь, она скоро придёт и принесёт тебе конфетку!

– Что с тебя взять, – ответил я и повернулся к уже плотно закрытой двери. По сравнению с ямой, здесь было чисто, и царила тишина.

По правую сторону от двери был прикреплен высеченный из камня огромный идол, а на левой стороне были высечены геометрические фигуры размером с идола.

– Мака, эти геометрические фигуры наверное являются чертежами по местонахождению „Клдекари“.

– Не думаю, по-моему это какие-то надписи, может даже молитва, так как она расположена рядом с идиолом.

– Ты и вправду ведёшь себя как Шерлок Холмс. Может раскроешь тайну, как он раскрыл её в деле о „Танцующих людях“?

– Почему бы и нет, может раскроем, но для этого необходимо не падать духом. С чего ты так печалишься? Неужели ты увидел бы ещё где-нибудь такое зрелище: в школе или на всём земном шаре?

– Увидеть и раскрыть тайну дорогого тогда, когда можешь показать её солнечному свету. А вот увиденное и раскрытое нами будет похоронено вместе с нами, но

может быть, кто знает, мой мозг начнёт парить в воздухе, как неразгаданная птица, или же будет бегать по земле, как неузнанный зверь.

– Когда погибала Атланта, об этом узнал один учёный и призвал людей оставить страну и отправиться в другие места. Его спросили, почему он сам никуда не отправляется. Он ответил – „Я хочу собственными глазами увидеть, как гибнет Атлантида. У меня нет лучшей возможности увидеть более приятное и жуткое зрелище“. Да, он тоже погиб вместе с Атлантидой. Думаешь, он не знал, что погибнет? А у тебя нет ни единого шанса погибнуть, но ты уже заранее думаешь о гибели. Так поступил крот. Ёж сказал: – „Мир гибнет“, – и крот выколол себе глаза, чтобы не увидеть, как гибнет мир. Мир не погиб, а крот остался слепым. Может быть, эта пещера выведет нас в город? Давай войдём в неё и раскроем тайну „Клдекари“...

– Эх, Мака, ты не знаешь, что тот слепой крот сказал орлу: – „На этом дереве не надо вить гнезда, так как корни дерева сгнили“. – Орёл не послушал крота и в один прекрасный день он увидел упавшее дерево, под которым находились раздавленные птенцы. Верю, что эта дорога выведет нас в город и мы окажемся около Государственного Университета, где нас встретят любезно, и ты выберешь себе факультет журналистики. Нас, конечно же, зачислят на первый курс и скажут:

– Ваше сиятельство, покорнейше просим описать увиденное вами.

– Я даже не сомневаюсь, что всё так и будет. Мы станем авторами одной книги...

– Тогда давай начнём наши открытия с разгадывания геометрических чертежей, – предложил я и повернулся к стене, которая хорошо освещалась. Мы долго рассматривали их и, в конце концов, Мака стала доказывать один из чертежей, как вдруг мы услышали шаги. Прислонившись к стене, Мака держала в руках фонарь, а я раскрыл нож и встал спиной к Маке. Звук шагов усиливался, и вскоре мы увидели пожилого мужчину с бородой, рост которого достигал если не трёх метров, то не менее двух метров восьмидесяти сантиметров. На нём была надета короткая юбка, сшитая из золотых пластин, и куртка без рукавов из того же материала, которая еле доставала до бедер. Голову покрывала шапка из тех же необычных пластин, спускавшаяся до плеч и ужасно звеневшая. Голени и руки были покрыты золотыми латами, а на ногах золотая обувь на золотой подошве крепилась золотыми шнурками. Лицо было обыкновенное, человеческое, с чуть посеребрённой чёрной бородой, глаза большие, серые, в которых можно было прочесть страх и удивление.

У него не было никакого оружия, хотя зачем нужно было оружие его мускулистым рукам и полуаршинным пальцам, которые в согнутом положении напоминали огромный посох.

Незнакомец приблизился к нам на расстояние десяти шагов, упал перед нами на колени и три раза ударился лбом о землю. Затем, воздев руки к небу, громким голосом возопил:

– Господь Всевышний, в тайном безмолвии помилуй нас, закованных в оковы жителей преисподней, и

прости прегрешения наши и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого, ибо Твое есть Царство и сила, и слава вовеки вечные во имя Отца и Сына и Святого Духа!

– Он принял нас за богов, – прошептал я Маке и высоко поднял правую руку, приветствуя незнакомца, который не сводил с меня взгляда.

– Отведи меня к правителю твоей страны, чтобы благословил я его именем своим! – приказал я незнакомцу, и тот не удивился, словно ждал этого приказания. Незнакомец, не мешкая, пошёл впереди нас. – Как зовут вашего правителя? – спросил я незнакомца.

– Карлос! Но страной правит его дочь, Анна, а не старый Карлос!

Не спрашивая больше ни о чём, мы последовали за незнакомцем. На каждом повороте пещеры были закреплены огромные зеркала, из которых на нас смотрело солнце, и все подземелье освещалось отраженным солнечным светом.

По моим часам мы шли один час и двадцать минут. Вдруг наши глаза прорезал необыкновенно яркий свет. Как я заметил, мы выходили из пещеры на настоящий дневной свет. Входная арка подземелья была не очень большая и без дверей, только перед входом сидели два животных, похожих на осьминогов. Они были привязаны к скале золотыми цепями. Животные бросались друг на друга, чтобы съесть, и ревели неземным воем. Цепь мешала им.

Как только незнакомец приблизился к животным, цепь стала потихоньку укорачиваться, и оба оказались пригвождёнными к стене. Мы мужественно прошли

это страшное место и вышли на настоящий дневной свет. Да, я уставился на солнце, которое по сравнению с нашим было в десять раз больше, но только жар его не превышал жара нашего солнца

С обеих сторон пещеры были возведены огромные каменные идолы. У одного из них правая рука была воздета кверху, а у другого – левая. К их ладоням был прикреплён белый камень, на котором пестрели геометрические фигуры.

Выйдя из подземелья, мы очутились на природе неписанной красоты. Вокруг нас цвели деревья и кустарники, невиданные нами доселе. На мраморной мостовой нам часто встречались фонтаны, в которых журчала прозрачная вода. Воздух был насыщен чистым кислородом.

Мы молча шли и чувствовали, как несколько пар любопытных глаз изумлённо смотрели на нас, хотя мы их не видели, но до нас доносилось их бормотание.

Через пятнадцать минут мы поднялись по широкой, многоступенчатой лестнице, которая привела нас к башне, построенной из мраморного камня и золотых плит. Башня показалась нам огромной, кладка которой была без фундамента и без раствора, поэтому в некоторых местах стена была неровной. Основание башни с левой стороны было подмыто дождём, и рядом громоздились несколько огромных валунов. Сердце дрогнуло перед входом в зал. Я подумал: – Не дай бог, башня обрушится нам на головы, – однако наш проводник шагал смело, и у меня тоже пропал страх.

Мы прошли через три двери, три коридора и три огромных зала. Около каждой двери стояли два стражника. Как и наш проводник, они были одеты в одежду из золота, и не были вооружены. При нашем появлении они вмиг распахивали перед нами двери и приветствовали нас, падая на одно колено. В конце концов, мы оказались в огромном зале, а наш проводник остался за дверью. За нами с шумом закрылись тяжёлые каменные двери.

Зал был обставлен вещами, сделанными из золота, в окна вместо стёкол были вставлены глаза какого – то животного. Свет, попадающий через окна в зал, а также блеск золота показались мне достаточными для освещения зала.

Посреди зала на золотом троне, похожим на срез дерева, сидела девушка необыкновенной красоты, вокруг которой стояли двенадцать прекрасных мужчин. Все они были одеты в золотые одежды, и только одежда девушки, тоже сшитая из золота, отличалась орнаментом и блеском. Голову девушки украшала корона, длинные черные волосы касались пола.

При нашем появлении девушка, приветствуя нас, опустила на пол, её действия повторили мужи, стоящие рядом с ней. Они приветствовали нас каким-то непонятным нам выкриком.

Мака действительно походила на богиню, и я знаком попросил её сказать что-нибудь. Она послушалась меня и, подняв правую руку, попросила всех подняться, затем с лёгкой грацией, словно паря над полом, сделала несколько шагов и предстала перед девушкой.

– Святая Анна, глубоковерующая, правительница этой страны и защитница всех грешных, пришли мы посредниками Божьими, дабы благословление и молитвы его донести до страны твоей.

– Аминь! – проговорили вместе тринадцать голосов, и все пали ниц перед Макой, которая, продолжала, не прерывая свою речь:

– Ваше святейшество, укажите нам место, для отдыха наших бранных тел! – как только Мака закончила говорить, все поднялись с пола и куда-то повели нас. Вскоре мы вошли в зал меньших размеров, в котором стояло ложе, убранное шкурами каких-то животных. Затем нам ещё раз поклонились, и, расставив охрану, вышли. Я попросил у Маки одну шкуру и постелил себе в углу, уступив ей кровать. Не знаю, сколько времени мы провели на ногах, тело просило отдыха, и мы прилегли, но спать не хотелось. – Я никогда не спала днём, – сказала Мака. Мне тоже не хотелось спать.

– В конце-то концов, наступит же ночь, ну а сейчас давай составим план наших действий назавтра. – сказал я.

– Какие тут планы, нас приняли за богов. Так будем ими, хотя это большой срам с нашей стороны.

– Ну что же, давай будем ими, но по-моему, это не такое уж лёгкое дело!

– Но и не трудное. Что прикажем, то и исполнится...

– А если тебя попросят совершить какое-то чудо?

– Совершим какое-нибудь чудо, которое уже совершалось на нашей планете. Для нас это будет обычным повторением, а для них – чудом.

– Я всё-таки не смогу назвать себя тем, кем не являюсь на самом деле. Завтра мы признаемся, что являемся обыкновенными людьми, а не богами!

– Думаю сделать это будет труднее, чем назваться богами и совершить чудо, которое ждут! Нам не поверят, что мы не боги!

– Хорошо, давай отдыхать, а думать будем потом. Мне кажется, что нам ничего не угрожает. У той скалы, откуда мы пришли, обязательно будет выход, и мы обязательно спасёмся от этих „золотых людей“!

Хотелось уснуть и найти во сне душевное спокойствие, но никак не получалось.

Вскоре в зале нависла такая темень, что трудно было разглядеть вблизи даже палец. Я подумал: – Солнце зашло, и теперь, наверное, я обязательно усну. – Но темнота не помогла. Чтобы рассеять нахлынувшие мысли, чувствуя, что Мака находится в том же положении, я решил найти свою сумку, зажечь свечу и поговорить с Макой. Не ударившись ни обо что, хотя, обо что я должен был удариться, когда в комнате стояла одна кровать, о расположении которой предупреждало меня тихое Макино дыхание. Найдя сумку, я достал свечу и зажёл её. Вскоре комната осветилась слабым пламенем свечи.

– Тебе тоже не спиться? – послышался тихий голос Маки.

– Нет, хочу включить телевизор. После „Времени“ будут показывать „Иллюзион“ – пошутил я.

– Неужели ты не видишь, что это всеобщее выключение электричества! Не подключишь же телевизор к пламени свечи?

– Чувствую, что „всеобщее выключение электричества“ продлится долго. По-нашему, завтра – воскресенье, мы должны обязательно вернуться домой. Если в понедельник нас не будет, в школе поднимется переполох...

Не успев договорить, я услышал возле двери тихие шаги, которые вскоре затихли. Подойдя к двери, чтобы услышать, что происходит в соседнем зале, мне послышался стройный шёпот нескольких человек, который больше походил на чтение молитвы, чем на разговор. Знаком попросил Маку приблизиться. Она встала, тихонько подошла и приложила правое ухо к двери. Некоторое время Мака, затаив дыхание, прислушивалась к шёпоту, затем, поднеся губы к моему уху, спросила:

– Что бы это значило?

Я, не ответив, пожал плечами, что означало: „не знаю“. Ещё немного послушав этот шёпот и ничего не поняв, решил открыть двери и выйти наружу. Мака взяла свечу и подняла её на уровень плеч, я повесил на руку фонарь на случай, если погаснет свеча. Взявшись за руки, мы приблизились к двери и осторожно открыли её.

Шёпот мгновенно стих. Несколько стоящих на коленях людей смотрели на нас удивлёнными глазами, и мы тоже были удивлены таким зрелищем. Опомнившись, мы, не замечая никого вокруг, направились к выходу в коридор. Присутствующие в зале будто ждали этого. Встав, они медленно направились за нами.

Спустившись по ступенькам лестницы, мы вышли на маленькую площадь, покрытую мраморными пли-

тами и окружённую зарослями роз, где каждая роза испускала дивный аромат. В центре площади был сооружён родник из мрамора, в котором журчала прозрачная вода.

Ни с одной стороны не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Я посмотрел на небо, на котором не виднелось ни единого пятнышка облаков, но удивительнее всего было то, что на небе отсутствовала луна. Так вот, почему ночью в этой стране такой мрак? – подумал я и обратился к Маке:

– Интересно, где находится эта страна, в каком месте, если кроме солнца здесь не видно ни одного светила?

– Откуда мне знать? Я думаю, мы не вышли за пределы солнечной системы. Такого мрака не должно быть в нашей галактике.

– Да, здесь нужен Шерлок Холмс, чтобы разгадать тайну „страны чудес“! – сказал я и направил в небо луч фонаря.

Из-за моего необдуманного поступка, все сопровождающие нас, опустили на колени, воздели руки к небу и прокричали какие-то непонятные слова. В тот же миг я направил фонарь на них и произнёс:

– Я осветил вас!

После этого мы обошли площадь несколько раз и, почувствовав усталость, направились к нашей спальной комнате. Местные жители проводили нас до дверей. Больше мы не интересовались: остались ли они сторожить нас или ушли. Ещё немного поговорив и решив завтра днём осмотреть всё вокруг, я потушил свечу. Пожелав друг другу сладкого сна, мы крепко уснули.

Утром Мака разбудила меня. Комната была освещена солнечными лучами. Я протёр глаза и сказал Маке: – Пойдём найдём место, где можно будет умыться, не то целый день не смогу прийти в себя и буду без настроения.

Я открыл дверь. У входа стояли два стражника, которые, завидев нас, опустились на колени и ударились лбами о пол три раза.

Мака приостановилась и сказала одному из стражников:

– Мы желаем чистой воды, чтобы помыться в стране грешников!

Не успела Мака закончить, как один из них пошёл впереди нас, а второй – позади. Нашему удивлению не было предела, когда мы заметили, что солнце вошло на западе.

– Интересно, как это происходит? Вчера солнце вошло на востоке, а зашло на западе, сегодня же вошло на западе и направляется к востоку! – спросил я у стражника, шедшего позади меня.

– Господин! Разве где-нибудь происходит по – другому? Или, как это возможно, чтобы светило двигалось бы только в одну сторону? – удивлённо ответил он.

Мы переглянулись и оба поняли, что не сможем разобраться в их мире, или же они ничего не знают.

Вскоре мы вышли к реке с чистой прозрачной водой, которая текла по возвышенности, и была выведена из русла мраморными трубами в сад, усыпанный цветами, сбегая тридцатью родниками в общии огромный бассейн.

Раздевшись по пояс и обмывшись холодной водой, которая абсолютно не отличалась от горной родниковой воды Грузии, я почувствовал такую же бодрость, какую чувствую всегда, умывшись родниковой водой в моей родной деревне. Утерев лицо, я протянул рубашку Маке, которая, немного смутившись, всё-таки взяла её.

В отведённой нам комнате мы решили вернуться домой. Вдруг я заметил на ступеньках лестницы, ведущей в башню, собравшихся знатных лиц страны. При нашем появлении они опустили на колени, приветствуя нас, затем попросили пройти в царский зал. Середина зала была покрыта коврами, похожими на шкуру змеи. На них были разложены полукругом золотые тарелки. Возле них лежали тарелки больших размеров, наполненные варёным мясом, рыбой, хлебом и фруктами четырёх видов. Как только мы вошли в зал, каждый из присутствующих занял место, предназначенное ему. Наши места были во главе стола. Сначала за стол сел самый пожилой из старейшин, если быть точнее, то он прилёг на левый бок, опираясь на локоть левой руки. Все повторили за ним. То же самое проделали мы.

Старейшина, воздев руки к небу, что-то пробормотал, все повторили за ним. Я понял, что старейшина показывал пример, и решил вести себя также, хотя у меня было лишь одно сильное желание: схватить кусок рыбы и отправить его в рот, наполнившийся слюной от изобилия пищи.

За столом воцарилась тишина. Старейшина, разломив хлеб, положил его обратно, затем переложил

себе на тарелку большой кусок рыбы. Опередив старейшину, я начал есть первым. Рядом со старейшиной сидела Анна, которая так кокетливо обращалась с куском рыбы, что я толкнул Маку –смотри, чтобы кость не застряла в горле, ешь медленнее, бери пример с Анны. Анна часто посматривала на меня, но как только наши глаза встречались, она опускала ресницы и переносила взгляд на тарелку.

Когда все съели по одному куску рыбы, (я и Мака успели съесть по два), старейшина взял жёлтый плод какого-то растения и поднял его так, как грузины поднимают посуду с вином. Все повторили за ним. Я тоже взял плод. Мне хотелось выбрать размером побольше, но все они были одинаковые, будто вырезаны, размером с гранат, весивший триста граммов.

Наступила гробовая тишина. Все слушали старейшину, который говорил с жаром:

– Всевышний! Убереги нас от вулкана, благослови и укрась ночью страну нашу светом своим благодатным.

Не знаю, какие слова произнёс старейшина: молитву или тост, но закончив говорить, он надкусил конусообразный выступ плода, сдавил рукой, и жидкость потекла в рот, а в руке осталась лишь кожа плода, которую старейшина отправил в рот следом за жидкостью. Все присутствующие повторили слова и действия за старейшиной, только я задумался над тостом и не знал, как себя вести. Если бы я сказал: „Всевышний, храни нас!“ – то, кто поверил бы после этих слов в то, что я бог. Поэтому я быстро одумался и произнёс:

– Я пришёл в страну, которой вы правите, чтобы поддержать нуждающихся, накормить голодных, одеть раздетых, излечить больных. В память о грехах и прощениях наших благословенна будет земля ваша. Аминь!

– Аминь! – встав на ноги, повторили произнесённое мною последнее слово все, находившиеся за столом.

После этого я, как старейшина, надкусил конец плода и выпил сок, вкус которого был похож на вкус нашего ликёра, а когда я заел кожурой, мне показалось, будто я ем шоколад после сладкого пьянящего напитка.

Старейшина вновь взял плод и поднял тост за нас – „богов“ с просьбой и молитвой сделать для жителей страны добро... Так, выпив сок нескольких плодов, я почувствовал, что пьянею. По телу разлилось незнакомое мне тепло. Я решил больше не пить. От лежания на левом боку нога моя занемела, и мне пришлось встать. Все присутствующие последовали моему примеру, но я, не обращая на них внимания, чуть прихрамывая, подошел и встал перед Карлосом и Анной: – Великий и справедливый Карлос! Святая и милосердная Анна!... – изумление отразилось на их лицах, и Карлос прервал меня:

– О, Владыка! Откуда ты знаешь наши имена?

– Бог должен всё знать и творить чудеса в этом мире! – ответил я, не задумываясь, и продолжил. – Я хочу осмотреть страну!

Карлос и Анна переглянулись, а затем оба посмотрели на собравшихся. Не могу сказать, что они про-

читали в глазах подданных, но после некоторого молчания Карлос приказал:

– Пусть исполнится воля Божия и оправдается с приходом третьего солнца!

– Желаю с вами вместе осмотреть ваши владения и благословить жителей! – сказал я, и, забыв, что я бог и мне нельзя торопиться, не дождавшись ответа, быстрым шагом направился в отведённую нам комнату, достал из сумки бинокль и вернулся именно в тот момент, когда они выходили из зала.

Спустившись по ступенькам башенной лестницы, мы пошли по улице, выложенной мраморными плитами. Я, Анна, Мака и Карлос шли впереди, а остальная свита из тридцати человек следовала за нами. Бок о бок со мной шла Анна, и её золотая одежда звенела, касаясь кармана моих брюк. С другой стороны, рядом с Анной, вышагивал её отец Карлос в своих безразмерных золотых башмаках. С правого боку от меня, кокетничая, шла Мака.

Прошли то место, где мы умывались утром, и перешли золотой мост, переброшенный через реку. Навстречу нам со всех сторон выбегали дети, женщины и мужчины, и, преклоняясь, падали к нашим ногам. Затем вставали и шли за нашей многочисленной свитой. Так продолжалось до тех пор, пока мы не дошли до самой высокой точки страны, где находилось озеро, растянувшееся на 2000 кв. метров.

Озеро было похоже на, стоящую на огне, огромную кастрюлю с кипящей водой. Казалось, будто в ней варится свадебное кушанье. Пар, поднимающийся от озера, покрывал небо огромным облаком.

У озера не было притока, а из него вытекала единственная речка, которая, разветвляясь на несколько рукавов, с паром и рёвом текла по низменности. Без всяких сомнений было ясно, что здесь когда-то извергался вулкан. Я спросил Анну:

– Ты помнишь извержение вулкана?

– Откуда ты знаешь про извержение вулкана? – ответила она вопросом на вопрос.

– Я знаю всё! – ответил я.

– Нет, здесь никто не помнит извержения вулкана.

Об этом описывается только в книге.

– У кого эта книга?

– Она хранится у нас на двери владыки.

– Поможешь мне прочитать её?

– Посмотрим, что решит насчёт тебя царская дверь!

– Ты говоришь так, будто меня могут казнить?

– Возможно, но я постараюсь защитить и спасти тебя!

Я задумался, настроение моё испортилось. Значит, меня и Маку могут казнить? Не хочу даже думать об этом. Чему быть, того не миновать. Однако, больше себя мне жаль Маку и я обязан использовать все свои силы для её спасения.

Мысли увлекли меня, но Анна не дала мне додумать и найти выход для спасения. Она, словно догадавшись, о чём я думаю, сказала с улыбкой:

– Не переживай, думай о себе, женщин у нас не казнят!

– Вообще не казнят?

– Нет, казнят, но не смертью. Их отправляют в колодцы на промывку золотого песка временно или навсегда!

– Какая разница: смерть или похороны заживо! – сказал я. Ко мне вернулась небольшая надежда, что после моей смерти Мака останется жива, и, кто знает, может она сможет убежать из плена и рассказать о моей незаконной казни...

Я, приложив бинокль к глазам, стал медленно поворачиваться с восточной стороны влево, чтобы разглядеть длину-ширину всей страны. Правда, моему просмотру мешал пар, вырывающийся из озера, однако я ясно увидел с помощью бинокля, что стою в центре страны, откуда все стороны, даже яма, были отдалены на расстоянии радиусом в один километр. Страна была окружена скалами, расположенными полукругом, а небо покрывал туман, сквозь который пробивалось солнце и освещало страну.

Солнце являлось единственным светилом, обогревающим целую страну, хотя, не будь его, тепла было бы достаточно из-за тёплого озера, в хранилище которого температура собранной воды достигала не менее ста градусов по Цельсию.

Подав Карлосу знак рукой, которому он безоговорочно подчинился, мы продолжили путь в восточную сторону. И хотя я не знаю, где находится восток или запад, самое главное для меня – не забыть дорогу, по которой мы пришли. Знаю, что она находится на западе страны.

Мы спустились с холма на низменность, напротив реки. Нашим взорам открылась прекрасная картина природы этого края. – „Это рай!“ – подумал я. – В этой стране растения цвели и плодоносили в разное время. Но это не было чудом. Чудо было то, что

здесь невозможно было найти ни одного ненужного растения, которое не давало бы плоды, полезные человеку.

– Это хлебное дерево! – говорит мне Анна и указывает на раскидистое дерево, высотой похожее на наш столетний дуб, которое опустило свои ветви под тяжестью плодов, формой напоминающих огурцы.

– Как, это то дерево, плоды которого мы ели сегодня утром? – спрашиваю я.

– Да, мы собираем плоды, снимаем кожуру и сушим на солнце или у огня. Тебе ведь понравился за завтраком наш хлеб?

– Это был славный хлеб, я не смог отличить его от нашего пшеничного хлеба-лаваша, испечённого в тонэ*!

– Разговаривай понятнее, объясни, что значит „тонэ“, „лаваш“ или „пшеничного“? Что у богов есть что-нибудь другое?

– Нет, Анна, я не бог, я обыкновенный человек, такой же, как ты, только пришедший из другой страны, где больше цивилизации, чем у вас.

– Тихо! Я знаю, что сюда не могут прийти боги. Я знаю, что ты не бог, только не говори об этом никому, не то тебя убьют! – сказала Анна и тотчас же перевела разговор на другую тему, чтобы я не сболтнул ещё чего-нибудь лишнего.

– Вот ликёрное дерево. Если желаете, можете выпить. Плоды придадут вам сил...

Это дерево было намного ниже, чем хлебное, но такое же красивое, как наша липа. Ветви дерева про-

---

* Тонэ – печь для выпечки хлеба.

гибались под тяжестью плодов, усыпанных как липовые цветы.

– Вот грушевое дерево, а это – яблоня, – дорогой объясняла Анна и отмечала, насколько удивляла меня эта страна, похожая на огромный фруктовый сад, где каждый клочок земли был ухожен заботливыми руками и не росло ни единой сорной травинки.

Прошли измененность и вошли в маленькую деревню, жители которой встречали нас, преклонив колени. В этой стране был возведён лишь „царский дворец“, остальные жители жили в пещерах, высеченных вручную.

Я пожелал войти в одну из пещер. Моё желание было исполнено. Переступив порог пещеры, я был поражён её красотой и чистотой. Стены были обвешаны шкурами какого-то хищника. Пещера делилась на несколько комнат: гостинную, спальную, кухню и др. Я с большим удовольствием жил бы в такой пещере, которая была намного красивее и не такая страшная, как „царский дворец“.

Выйдя наружу, мой взгляд привлекла пещера напротив этой, вход которой блестел золотом. Мы приблизились и не ошиблись, перед входом были разложены одежда и разные вещи, сделанные из золота. Это оказалась мастерская, в которой работали двое осанистых мужей. Мастера, увидев нас, остановили работу и приветствовали нас, преклонив колени. Я поднял на ноги каждого из них и попросил продолжать работу...

Один из мастеров насыпал на глиняную тарелку золотую пыль, налил на неё какую-то жидкость:

с тарелки пошёл едкий дым, и пыль превратилась в жидкую массу. Затем мастер разлил жидкое золото по глиняным формочкам, подождал немного, постукал по каждой молотком и стал вытаскивать из них пластины разных размеров. Другой мастер, взяв одну из пластин, начал обрабатывать её золотыми инструментами. Отчеканив на ней тысячу разных узоров и оставшись довольным своей работой, он улыбнулся мне...

Дорогой я задавал Анне разные вопросы, интересующие меня. Она тихо, почти шёпотом отвечала мне. Без сомнений, она остерегалась, чтобы наш разговор не был подслушан. Правда, многие, заданные мною вопросы Анна не смогла понять, однако каждый её ответ был понятен и ясен для меня...

Так дошли мы до конца деревни и остановились около одной пещеры, но вовнутрь не вошли. Мне показалось, что там находится молельня, так как перед пещерой стоял идол, высеченный из камня. Меня удивило то, что в стране, где каждый клочок земли был очищен и обработан, каменный идол выглядел заброшенным.

Он, ростом в два метра, стоял на каменном основании. Со временем земля вокруг основания осела, и идол накренился к скале, которая удерживала его от падения. Наполовину разрушенный и покрытый по пояс бархатистым мхом, с растущей во рту и ушах травой, с отвалившимся носом, бедняга выглядел так, будто ему наскучило стоять здесь, и он был в отчаянии от невнимания своих поклонников. Казалось, он поклонялся скале.

От нашей свиты отделился один здоровенный мужчина, подошёл к идолу и стал поправлять его. Вдруг камень, стоящий под идолом, сместился, здоровяк не смог удержать его, и идол стал падать на него. Голова идола слетела, словно подрезанная саблей, а здоровяк оказался придавленным на месте. Увидав эту ужасную картину, в толпе завопили, и несколько человек, выбежав, стали поднимать идола.

По лицу Анны пробежала печальная улыбка и она прошептала мне:

– Вот на этого бога мы молились, чтобы мирно жить и не страдать. А он не смог сохранить даже собственной головы и унёс с собой жизнь человека. Если бы не люди, идол не встал бы на прежнее место.

На тебя мы тоже молимся, чтобы ты помог нам и уберёг нас от трудностей, но как вижу, если я не помогу тебе и не уберегу от надвигающихся трудностей, тебя ожидает то же, что случилось с нашим идолом.

Из толпы вышла молодая женщина и, подбежав к умершему, рыдая, упала ему на грудь. Все сочувствовали ей.

Шестеро мужчин осторожно подняли и перенесли умершего под дерево. Толпа расступилась. Около умершего осталась только его жена. Люди вошли в сад и стали собирать сухие ветки деревьев. Вскоре на том месте, где стоял идол, был собран огромный пук хвороста. Затем подняли умершего с женой и положили их на самый верх так, чтобы голова жены покоилась на груди умершего мужа. Все плакали и молча смотрели на эту скорбную церемонию. Только я и Мака никак не могли понять, что же происходит.

Когда солнце было в зените, один из придворных подал Карлосу круглое зеркало, похожее на вазу. Карлос взял зеркало, опустился на колени, и, воздев руки к небу, стал молиться. Он долго молился, толпа повторяла за ним. Затем, посмотрев на солнце, он отошёл на десять метров от собранной кучи хвороста, поймал зеркалом солнечные лучи и направил их на хворост. Всего за каких-нибудь пять минут повалил дым, который сменился небольшим пламенем огня...

Не знаю, была ли жива лежащая на груди умершего, жена, но я изумился, когда увидел корчившиеся в пламени два человеческих тела. Женщина не издала ни единого стога.

Я спросил Анну: – Та женщина была жива или мертва? Она рассмеялась сквозь слёзы: „Конечно, огонь убил её!“

– Ты бы поступила так же из-за любви к мужу?

– У нас об этом не думают. Что за жизнь без любимого?

Я не издал ни звука, меня сводила с ума твёрдость духа и сила любви этого народа.

Вскоре костёр превратился в уголья, на которых виднелись кучки белого пепла. Мы не трогались с места, пока костёр не затух целиком и не превратился в пепел. Несколько человек принесли десяток огромных чаш, голыми руками собрали пепел и наполнили им чаши. Мы с Макой в ужасе от такого зрелища направились вместе со всеми к фруктовому саду. В саду, почти под каждым деревом был накрыт стол различного вида сладостями. Сначала подняли тост за

упокоем души умерших, за ним последовали традиционные тосты за здоровье... Немного передохнув в саду, мы отправились в путь.

Пройдя берегом „горячей реки“, я был изумлён, увидев, как вся вода стекает в воронку и скрывается под землёй. Карлос остановился у опасного берега, мы тоже приостановились. Из толпы вышли люди, несущие пепел, и по очереди стали подносить чаши Карлосу, который дрожащей рукой высыпал содержимое в воронку. Пепел, растворяясь в воде, быстро исчезал.

Солнце клонилось к закату, и мы срочно стали искать убежище. Я, Мака, Анна и Карлос зашли в пещеру, которая была устлана шкурами. Свита осталась у входа, чтобы охранять нас.

Утром, проснувшись, я был удивлён, увидев рядом с собой лежащую Анну. Она лежала настолько близко, что пьянящий аромат, идущий от её волос, до сих пор одурманивает моё воображение. Встали, умылись. Во фруктовой аллее был накрыт завтрак, все ожидали нас. Наш стол стоял в отдалении под елью. На нём лежали четыре тарелки из золота, а также различные фрукты, варёная рыба, какое-то целиком приготовленное животное, похожее на лягушку, хлеб и др. Я конечно же отказался есть похожее на лягушку животное, и позавтракал одними фруктами. Моя умеренность в еде не помешала Карлосу отведать кушанье. Съев трёх лягушек, он вытер жир с губ и зевнул, прикрыв рот рукой.

На этот раз мы отправились ко дворцу другой дорогой. По дороге мы увидели много интересного, не

виданного до сих пор. Анна объясняла мне с большим желанием. Из её разговора я понял, что в этой стране не существует купли-продажи: одежда и пропитание принадлежат всем поровну. Изделия из золота или одежду берут по мере нужды без разрешения мастера, а старое оставляют вместо нового. Здесь царь и крестьянин пользуются одинаковыми правами, никто не соблюдает церемоний, присущих царскому дворцу. Царь и другие знатные лица добродушно относятся к своему народу. Не существует никакой строгости закона, постановленным общим жизненным порядком, оберегающим людское достоинство. И без твёрдого закона не было в этом народе непорядочности. Сознание людей было настолько велико, что они не знали даже, что такое „частная собственность“.

В этой стране не было суда, и если верить словам Анны, а также по моим личным наблюдениям, здесь не было ни единого механизма по устрашению злоумышленников. Жизнь в стране протекала мирно и спокойно: никто никого не обижал, не преследовал и никого не беспокоила мысль о воровстве и убийстве.

Женщины в стране были полностью свободны. Их не беспокоили ни угар кухни, ни хлопоты около горячей печи. Они проводили день в намазывании различных мазей, изготовленных из растений, или в ласках к единственному мужчине. Но если один из них попадал в беду, будь то мужчина или женщина, и умирал, то оставшаяся в живых вторая половина сжигала себя, без единого стога.

Если кто –нибудь совершал преступление против неписанных законов, сам признавал всю тяжесть

совершённого и выносил себе приговор, становясь обедом для привязанных в пещере хищников, или же уходил на вечные работы по промывке золота...

Я думал, что уже познакомился с этой страной и был удивлён, когда Анна сказала мне:

– Завтра тебя будут судить. Это единственный судебный процесс, который состоится в нашей стране. Если всё закончится хорошо, то я покажу тебе более интересное зрелище! „Интересно, что ждёт меня?“ – я увлёкся... Вечером мы незаметно подошли к царскому дворцу. Теперь меня ещё больше испугал вид башни, построенной из огромных камней. Казалось, что она ещё накренилась, и расщелина в скале увеличилась. Заходить было опасно, никто не знал, когда обрушится этот уникальный памятник. Не подав виду, я вошёл в зал вместе с королём Карлосом, где нас уже ждали, и был накрыт с особым старанием стол на шкурах, там где мы завтракали два дня назад. Анна села рядом со мной, и мы с большим аппетитом принялись за сладкие фрукты. Насытившись, мы отправили в рот пару ликёрных плодов. Затем я попросил Анну прочитать мне книгу предков. Она обещала исполнить мою просьбу, только для этого необходимо было терпение.

Когда все опьянели, король Карлос поднялся на ноги, что означало – пир окончен. Я и Мака направились в отведённую нам комнату, сели на тахту и молча смотрели друг на друга не в силах произнести ни слова от увиденных чудес.

Наступила ночь, я зажёл свечу и приготовился лечь спать, как вдруг дверь нашей комнаты открылась, и на пороге показалась Анна с огромной книгой в ру-

ках. Быстро встав с места, я взял книгу из её рук и предложил сесть на тахту, но она не присев, подошла к дрожащему пламени свечи и коснулась его. Обжегшись, Анна удивлённо взглянула на меня и молча села рядом с Макой. Я положил книгу вблизи от свечи и стал перелистывать её страницы, сделанные из тонких золотых пластинок, на которых были вытиснены то ли иероглифы с геометрическими линиями, то ли буквы.

Ничего не поняв, я с укором посмотрел на Анну. Она тотчас же подошла ко мне:

– Что случилось? Не можешь разобрать?

– Не могу, таких иероглифов я никогда не видел, – ответил я и уставился на письмо.

– Хорошо, я прочитаю тебе. Чтобы научить тебя письму и азбуке – не хватит времени. Книгу я должна вернуть на прежнее место до рассвета, не то не миновать мне наказания.

– Что тебе скажут на то, что ты совершила?

– Не имеет значения. узнают или нет об этом: я сама вынесу себе приговор и накажу себя, но только после вашего ухода. Ну, а теперь послушайте меня, я начну читать! – сказала она, и, подвинув книгу поближе к огню, начала читать на старом грузинском языке. Содержание этой книги я кратко привожу на современном грузинском языке:

Часть первая.

„– Я, Диман, являясь учёным, географом, физиком, математиком, исследователем, изобретателем и советником короля Танталоса в Лидии.

Король Танталос не поверил мне, что существуют подземные реки, пещеры, моря. Мои доказательства принял за насмешку, как часто воспринимают непросвещённые люди, считая себя образованными. Танталос сослал меня на вечную каторгу“.

Анна с любопытством посмотрела на меня, чтобы узнать, понятно ли мне значение незнакомого ей слова „каторга“. Она сильно удивилась, когда я молча, кивком головы дал ей понять, что для меня всё ясно, и она продолжила.

„... Откуда меня вызволил мой друг Верный, который тоже попал в немилость, и ему пришлось бежать вместе со мной. Мы бежали со своими семьями: у меня было шестеро детей, а у Верного – семеро.

Оставив страну Танталоса Лидию, мы отправились на Кавказ. Местные жители встретили нас враждебно, и нам пришлось укрыться среди гор и пещер. Вскоре мы с Верным нашли пещеру, похожую на колодец, откуда шёл пар. Любопытство оказалось сильнее страха, и я спустился в колодец.

Мои предположения оправдались; к востоку от колодца находилось ущелье, обильное реками. „Здесь можно жить“, – подумал я и вернулся за женой и детьми. Верный тоже согласился со мной. Спустив наших родных в колодец, мы спустились последними и продолжили путь на восток.

При свете огня я подсчитал размеры пещеры. Ширина, высота и длина её были одинаковы и не превышали пятнадцати лиг. После я начал думать над созданием искусственного солнца, которое было готово в течение нескольких месяцев, и существование

которого превышает миллионы лет. Солнце было выпущено над сводом пещеры. Оно перемещалось с востока на запад, а затем с запада на восток. При соприкосновении с Землёй, т. е. при закате, солнце заряжается новой энергией, и после восьми часов опять начинает свое движение. Так будет продолжаться миллионы лет.

Под лучами солнца расцвело всё ущелье, и этот маленький край превратился в сказочный рай. Закончив все дела, я решил закрыть единственный вход в ущелье, откуда мы явились, и приделал к колодцу двери из огромных камней с механическими затворами. Открыть их можно, если повернуть левого идола вправо. На противоположной стороне дверной рамы вмонтирована невидимая для глаз кнопка. Если кто-нибудь откроет скалу и войдёт в ущелье, не отпускайте его отсюда, не то нарушится ваше уединение. Да будет запрещено открывать скалу, вход которой охраняется преданной стражей. Пусть каждый живёт своим трудом, и не будет бедных и богатых. Запрещается унижение друг друга, а также любой механизм, защищающий порядок и суд. А если кто-нибудь согрешит, пусть признает это и накажет себя сам...“

Часть вторая.

„— Я, потомок Димана, по имени Биша. Жил я сказочно, так, как приказывал нам Диман. Но пришли к нам запрещённой дорогой два человека и принесли нам несчастья. Вулкан третьего солнца проснулся, и всё наше потомство было погребено под его лавой. А тот, кто спасся от лавы, был удушен газом вулкана. В

живых остались несколько женщин и мужчин. Чувствую, что скоро умру, поэтому приказываю:

– Если по запрещённой дороге придёт мужчина, немедля казните его, а если это будут мужчина и женщина, мужчина должен умереть, а женщина – остаться в живых...

До утра читала Анна золотую книгу, и я узнал много интересных вещей об этой стране. Но запомнилось лишь то, что так интересовало меня...

Утром Анна тихонько вышла из нашей комнаты. Я помог ей донести книгу. Вернувшись, я был удивлён тем, что вечно весёлая, непоколебимая и бесстрашная Мака плачет. Увидев меня, она вытерла слёзы и приняла весёлый вид. Когда же я строго спросил её:

– Чего ты плакала? – Ответила: – А что, разве дело обстоит не так плохо? Кто знает, может нам осталось жить несколько минут. И что, я не имею права попрощаться с жизнью слезами?

– Не могу понять, чего ты боишься. Ведь в книге написано только о казни мужчины, но не женщины!

– „В чужой монастырь со своим уставом не ходят“. Я подчиняюсь законам этой страны. Здесь женщины сгорают на костре с телом любимого.

– Это ты теперь так говоришь, пока опасность ещё далека. Но когда придёт время, ты крикнешь, как та старуха, которой пришло время умирать: „Я пока мала“. Нет, Мака, давай договоримся, если со мной что-нибудь случится, ты постарайся вернуться домой и рассказать о нашем приключении.

– Посмотрим, – тихо сказала Мака и улыбнулась.

Широко распахнулись двери нашей комнаты, и нас позвали на завтрак. Мы молча встали, умылись и пошли в столовый зал, где нас ожидало около тридцати человек. Увидев, они приветствовали нас, и Карлос пригласил меня и Маку к столу. Мы заняли свои места и с большим аппетитом приступили к завтраку. На какое-то время я забыл об опасности. Насытившись, я вспомнил о близкой кончине и налёг на фрукты с ликёром, чтобы без страха встретить смерть.

Завтрак закончился, и мы перешли в другую комнату. Тридцать два человека выстроились в ряд, а перед ними, около золотого пня, заняли места Карлос и Анна. На пне лежала золотая книга, которую я держал в руках несколько минут назад.

Карлос устремил свой взор на меня, несколько раз смерил меня взглядом и затем спросил:

– Вы боги?

– Да! – кивнул я.

– Какое чудо можете сотворить?

– Мы уже сотворили чудо: идол раздавил одного из ваших подданных!

– Это дело чёрта, боги не убивают! Ещё можете что-нибудь сделать?

– Я разрушу этот дворец! – как только я произнёс эти слова, все удивлённо посмотрели на меня, некоторые собрались было уже бежать из комнаты. Однако Карлос всех успокоил и повернулся ко мне:

– Это дело чёрта. Можешь ли ты возвести точно такой же дворец до вечера? Конечно же нет. Сюда только черти приходят под именем Бога. Это написано здесь. – и он указал рукой на книгу. – До тебя тоже

приходили такие, как ты с разрушениями и смертью. Раз ты можешь только разрушать, ты будешь казнён сегодня же!

– Если вы казните меня, знай, я разрушу всю страну!

Все глубоко задумались. Наконец Карлос нарушил молчание:

– Когда вы разрушите дворец?

– Когда начнётся сильный дождь.

– Тогда давайте договоримся: мы сохраним вам жизнь, и вы будете жить в нашей стране, только не разрушайте её!

– Нет, Ваше Величество, это невозможно. Дворец разрушу не я, он сам разрушится: у здания нет фундамента, оно построено без раствора! – как мог объяснить я.

– Не знаю! Лишь бы дворец не разрушился. Пока вы свободны, но не забывайте, что находитесь под строгим надзором!

– Прошу, поселите нас в другом месте, да и вам я советую переселить ваши семьи в другое место, так как дворец всё равно разрушится. Это не зависит от нашего желания или воли!

– Я согласен, мы вместе переселимся в пещеру „Золотого поля“. Но если дворец разрушится – ты будешь казнён, так как от тебя исходит это несчастье.

В тот же день начали переносить в пещеру кое-что из вещей. Я тоже решил отнести сумку и пошёл в пещеру.

Пещера „Золотого поля“ оказалась построенной руками человека. Она находилась на возвышенности, недалеко от царского дворца, и была разделена на два

огромных зала и десять комнат. Нам отвели одну, хорошо обустроенную комнату. Она была намного лучше той, отведённой нам в царском дворце.

После обеда к нам пришёл Карлос и попросил не разрушать дворца. Я пригласил его осмотреть дворец вместе. Он согласился, и мы со свитой в тридцать человек обошли дворец. Я показал и доказал, что основание дворца разрушено, и я ни при чём. Карлос, выслушав меня, отвёл Анну в сторону, они о чём – то посоветовались. Затем он сказал:

– Я верю тебе, но народ не поверит, что ты не принёс в нашу страну несчастье и не разрушал царского дворца!

– Чему быть, того не миновать! – сказал я, и мы пошли в сторону пещеры „Золотого поля“, надеясь на судьбу и ожидая разрушения башни.

Так прошли три солнца. В стране настала невыносимая жара. Во время четвёртого солнца начался проливной дождь. Никто не укрывался от дождя. Всё население вышло на улицу и смотрело на царский дворец. Так продолжалось до вечера. Вечером дождь чуть-чуть поредел, и я решил вернуться в пещеру, как вдруг услышал оглушительный грохот. Половина башни обвалилась, и огромные камни с треском падали вниз. Не успела башня разрушиться, как ко мне ворвался разъярённый верзила, с быстротой молнии скрутил мне руки за спиной и связал золотой проволокой.

В ту ночь меня поместили в другой комнате, где я пробыл до утра со связанными руками. Утром ко мне пришла Анна. Я заметил, что она плакала:

– Почему ты плачешь? – спросил я.

– Тебя сегодня сожгут! – всхлипывая, ответила она.

– Ты же обещала помочь?

– Я очень старалась, но не смогла. Я попробую ещё, только прошу тебя, мужественно встретить свою смерть. Было бы очень хорошо, если бы царский дворец не разрушился. Ведь это не ты его разрушил, правда?

– Нет, Анна, я не чудотворец. Ну как же я могу разрушить или построить что-то? Я же с вами стоял, как бы я разрушил на расстоянии?

– Почему ты сказал, что башня разрушится во время дождя?

– Потому, что я знал, дождь намочит почву, основание надавит, и башня разрушится!

– Я верю тебе, но они не верят!

– Ну, чему быть, того не миновать. Пусть не верят. Скорее бы забрали меня, чего ждут?

– Не спеши, скоро заберут тебя. Я пойду, может смогу помочь тебе? – сказала она и вышла.

Через полчаса, действительно, пришли двое верзил, схватили меня за плечи и повели. Следом за мной шли Мака, Карлос и Анна, а за ними шла вся свита.

Вскоре мы пришли к развалинам башни, у которой сохранилась только половина одной стены. Именно у этой сохранившейся стены стоял огромный стог хвороста. Увидев его, я рассмеялся от своего бессилия. Именно на этом костре я должен был сгореть. Я посмотрел на Маку. Она стояла, окаменев, и только из глаз её сыпались искры гнева. Посмотрел на Анну. О, боже! Как походили глаза Анны на Макины. Сердце оборвалось, что не замечал этого до сих пор, и отвёл взгляд от обеих.

Принесли перевязанную золотой проволокой связку хвороста, и привязали меня к ней. Затем те двое молодых парней подняли и положили меня на самый верх стога.

Не вижу, но чувствую, как передали королю Карлосу круглое зеркало, послышалось рыдание. Дальше я понял, что они молятся.. В это время я почувствовал на ноге чьё-то прикосновение. Этот кто-то осторожно поднимался по стогу. Открыв глаза, я увидел Маку.

– Чего тебе? Сейчас же уходи отсюда! – крикнул я ей, но она будто не услышала меня, легла рядом со мной и положила голову мне на грудь.

– Ты слышишь? Уходи отсюда! – опять повторил я и стал толкать её, чтобы как-нибудь сбросить с кучи хвороста вниз.

– Тихо, дорогой! Скажи, зачем мне жить без тебя? Успокойся и дай мне возможность с удовольствием умереть с тобой. Всё равно, сколько бы ты не кричал, я не отстану от тебя!

Снизу послышался крик: что-то опаздывают с огнём. Интересно, почему? Мака посмотрела вниз и прошептала: – Анна держит в руках золотую книгу и что-то доказывает людям. Прошли ещё мученических десять минут, и я почувствовал, как с меня снимают проволоку и освобождают руки. Взяв за плечи, скатили меня с кучи хвороста. Мака скатилась следом за мной, и мы оба предстали перед королём Карлосом и Анной.

– Почему ты решила сжечь себя? Этого запрещает нам наше завещание! – строго сказал Карлос Маке.

– Государь, я не могу жить без этого человека. Если вы не сожжёте меня вместе с ним, то я брошусь в горячее озеро, и на вас ляжет грех!

– Кем приходится тебе этот юноша?

– Никем, просто другом!

– Значит ты умираешь из-за друга?

– Да, у нас такая вот дружба!

Когда Мака произнесла эти слова, я заметил, как у Анны заблестели глаза, и она сказала отцу: „Подари им свободу в нашей стране!“

– Нет, довольно я слушал тебя! Пусть вдвоем отправляются в колодец для промывки золота! – приказал Карлос и повернулся, чтобы уйти. Анна не сдвинулась с места. Заглянув в мои глаза, сказала:

– Тебя спасла Мака, она опередила меня. Я хотела сделать то же самое. У нас по завещанию нельзя казнить женщин!

– Но почему же вы тогда сожгли на костре женщину с мужем?

– С умершим можно сжечь только законную жену, или же с умершей женой – законного мужа. Живые не горят вместе!

– Спасибо за помощь, Анна, – пролепетал я.

– Ты очень любишь Маку? – опять спросила Анна.

– Да, очень, – ответил я.

– Сильнее, чем я люблю тебя?

– Не знаю, как ты любишь меня, но Маку я люблю по-дружески!

– Ты не обманываешь меня?

– Нет! – опередив меня, ответила Мака.

– Ну, хорошо. Я всё равно виновата перед своей совестью. Постараюсь помочь вам!

Анна повернулась и ушла. К нам приблизились те два парня, которые спустили нас с кучи хвороста, и схватили грубо за плечи. Но Мака заставила отпустить её, так посмотрев, что парень застыл на месте. Мака без всякого волнения взяла меня под руку и указала глазами застывшему парню идти впереди!

Около часа мы шли на юг, и наконец вошли в одну маленькую пещеру, которая постепенно расширялась. Вскоре мы наткнулись на колодец. Да, на обыкновенный колодец, который был выкопан и построен вручную.

Я заглянул в колодец. Он был глубиной в тридцать метров. На дне его вместо воды виднелся блестящий песок. Наши конвоиры опустили в колодец лестницу из золотой верёвки и приказали нам спускаться. Я пропустил Маку вперёд, и через несколько минут спустился сам. Как только я ступил ногой на дно колодца, лестница стала медленно подниматься вверх и вскоре исчезла.

– Неужели нам не выбраться отсюда без верёвки? – спросил я Маку и, не дожидаясь ответа, принялся за дело. Моё предположение оказалось невыполнимым.

С юга у колодца был единственный выход, который был открыт, да и как бы закрылась каменная рама без двери?

– Не сидеть же нам здесь и не дожидаться смерти? Давай, пойдём по этой единственной дороге! – сказала Мака. Я согласился с ней без разговоров и пошёл впереди, чтобы принять на себя всякую неожиданную

опасность. После нескольких десятков шагов мы вошли в большую комнату. Как и колодец, она была построена из обтёсанного камня. С южной стороны слышался какой-то шум. Сделав несколько шагов, мы очутились в другой комнате, которая, по сравнению с первой, была раз в десять больше. Комнаты разделяла одна стена, и связывала единственная дверь. Здесь стоял огромный золотой станок, занимающий одну сторону комнаты. У станка сидела молодая женщина и быстро крутила колесо. Увлечённая работой, она не сразу заметила нас. Поэтому я смог хорошо рассмотреть установку, к которой крепился бункер, спускающийся с потолка. Из бункера в установку стекала жидкая песочная масса. Колесо, которое крутила женщина, приводило в движение всю установку, и с помощью помпы просохший песок по тонким трубам тёк в восточном направлении...

Я покашлял. Женщина, увидев нас, испуганно спросила, не боги ли мы. Мы рассказали ей обо всём...

– Как тебя зовут? – неожиданно спросил я женщину.

Она не растерялась, словно ждала подобного вопроса, и ответила: „Зола“.

– Очень приятно, Зола. Не пугайся нас и, если когда-нибудь нам повезёт вырваться отсюда, ты уйдёшь вместе с нами. Меня зовут Заза, а эту девушку – Мака...

– Отсюда уйти невозможно, отсюда выносят только тела умерших. Но я всё равно благодарна вам за ваше предложение уйти вместе с вами, хотя никогда не сделаю этого.

– Почему?

– Потому что отбываю наказание по своей воле, работаю на благо нашей страны. Мне лучше умереть, чем жить в сказочной стране!

– Мы любим нашу Родину так же сильно, как вы. Помогите нам выйти отсюда!

– Теперь я вижу, что вы не боги. Надо быть богом, чтобы выйти отсюда!

– Бункер всегда заполнен песком?

– Всегда, и у него та же глубина, что и у колодца, через который вас спустили сюда.

– Откуда вы знаете, что мы спустились через колодец?

– Это единственный путь сюда!

– Это колесо вы крутите беспрерывно, не отдыхая?
– доискивался я.

– Нет, я работаю определённое время. Скоро будет отдых, затем более длительный отдых и т. д...

– А как вы узнаете, когда будет отдых?

– Отдых наступает тогда, когда прекращается поступление песка в бункер.

– Да, это хорошо. Теперь к вам добавились рабочие руки, и вы сможете передохнуть. А что произойдёт, если вы не будете работать?

– Ничего особенного не произойдёт. Сначала эта комната наполнится песком, затем вторая, и ты будешь похоронен заживо...

– Отче наш!.. – подумал я и стал крутить колесо с такой силой, будто комната и правда наполнилась песком, который должен был похоронить меня заживо. Спустя некоторое время бункер закрылся снизу золо-

той пластиной, поступление песка в установку прекратилось, и я стал крутить колесо медленнее.

Мы вышли из комнаты втроем и устроились на шкурах. Вскоре в колодец спустили корзину, наполненную различной едой. Зола высыпала содержимое прямо передо мной и отправила назад пустую корзину...

Мы с аппетитом поели, и я уснул там же. Выспавшись, заменил работавшую Золу.

Так проходили дни... Анны не было видно... Я попытался выбраться из колодца, но не смог...

Однажды ночью, когда все спали, послышался тихий звук шагов. Я спрятался за дверь, чтобы разглядеть непрошенного гостя. Правда в подземелье царил непроглядная темень, но я смог различить чью-то тень. Подкравшись сзади и схватив непрошенного гостя, я понял, что это женщина. В тот же миг я освободил её...

– Заза! – прошептала тень, отыскав мои губы.

– Анна! – воскликнул я

– Прости, что опоздала. Мне не удавалось раньше выбраться к вам. Я попросила отца освободить вас, на что он сильно рассердился. Потом я сказала ему, что люблю тебя. От этих слов он совсем сошёл с ума и запер меня в комнате. Сегодня мне удалось бежать. Давай поторопимся, я выведу вас в мир!

– Поднимайся и подожди меня! Я уже иду! – прошептал я и проводил её до лестницы, спускавшейся в колодец. Войдя в комнату, я разбудил Маку, Зола попрощалась с нами...

– Ну-ка, живее лети! – сказал я Маке и подтолкнул её к лестнице. Как только я поднялся, Анна потянула

лестницу, сложила её и спрятала в потайном месте. Затем, взявшись за руки, мы пустились бегом по тропинке в непроглядной ночи...

Остановившись у ручья, Анна вытащила из-за куста огромную корзину и попросила меня помочь. Корзина, наполненная варёным мясом, оказалась тяжёлой, и мне пришлось закинуть её на плечи...

Времени на раздумья и разговоры не было, не то я обязательно спросил бы, зачем ей понадобилось в дорогу столько мяса. Вскоре послышался рёв хищников, и мне стало ясно, что мы приближаемся к входу в пещеру. Пройдя несколько шагов, я различил в темноте четыре мерцающих звезды. Мои предположения оправдались: это были глаза хищников, стороживших вход в пещеру.

Подойдя совсем близко, мы увидели, как натянулась цепь, казалось, она не выдержит и разорвётся. Но этого не случилось. Взяв корзину из моих рук, Анна стала бросать зверям куски рыбы. Вскоре они проглотили всё содержимое корзины. Анна сказала:

– Рыба сварена в настое сильнодействующей сонной травы. Скоро они уснут!

– Анна, я помню, что цепь у хищников укорачивается. Зачем же надо было усыплять их? Ведь мы в первый раз прошли мимо них совершенно свободно.

– Днём здесь всегда стоят стражники, которые регулируют длину цепи. На ночь стражники уходят отдыхать, удлиняя цепь так, чтобы хищники могли достать каждого, кто решится выйти из пещеры. Подкупить зверей намного проще, чем стражников. – Поспешим! Кажется звери уснули! – и правда, больше

не было слышно звериного рыка, и не светились их глаза. Однако у меня всё равно выступил холодный пот, когда я представил себе, мимо какой опасности придётся пройти. Анна, заметив мою нерешительность, первой прошла опасное место. Следом за ней шла Мака, последним шёл я. Мы остановились и с облегчением вздохнули только у дверей, ведущих в „Клдекари“.

– Сядем, поговорим немного! – попросила Анна, обняв меня.

– У нас нет времени для разговоров. Давайте сначала выберемся отсюда, а затем поговорим. – сказал я и подвинулся к идолу, чтобы повернуть его вправо. Анна заметила мои действия и плачущим голосом произнесла:

– Нет, я не смогу пойти вместе с вами! Я стану добычей хищников, но помни вечно, что я жертвую собой ради моей любви к тебе!

– Ни в коем случае! Я не оставлю тебя! Тогда мы останемся вместе, и пусть звери съедят нас обоих!

– Нет! Мне не будет покоя из-за содеянного преступления. Я должна вынести себе строжайший приговор!

– Не бойся, рядом со мной в новой стране ты забудешь обо всём!

– Нет, мне лучше умереть на Родине, чем жить в чужой стране!

– Хватит! У нас нет времени для споров! – строго сказал я и подтолкнул Маку, чтобы она повернула идола. Но идол не сдвинулся с места. Разозлившись, я бросился к нему и повернул изо всех сил вправо.

Скала потихоньку раскрылась. Я подтолкнул Маку к выходу, затем, подняв Анну на руки, хотел было уже перешагнуть, как вдруг Анна выскользнула из моих рук. Я еле удержал её, чтобы она не убежала. Поняв, что я крепко держу её, Анна больше не сопротивлялась. Двери широко раскрылись, и я прошёл, спокойно неся на руках девушку. Она, будто прозрев, прошептала:

– Тебя Мака любит, вы должны быть счастливы... – не договорив, Анна выскользнула из моих рук и бросилась к скале именно тогда, когда до закрытия оставалось несколько сантиметров. Но она не успела. Я услышал хруст её костей.

Не знаю, как спрятаться мне от тени Анны, которая по сегодняшний день стоит передо мной и будет вечно стоять перед глазами, пожертвовав собой ради чужой любви и счастья...

„Клдекари“ я не узнал... Весь колодец был освещён, и перед нами вилась мраморная лестница, ведущая наверх...

Я был удивлён таким изменением и мрачен от потери Анны. Мне казалось, что Мака испытывает те же чувства, что и я. Но, посмотрев на неё, заметил, как светятся от радости её глаза, и на лице расцвела улыбка. Мне хотелось упрекнуть её, но она опередила меня, пробурчав про себя: „Не существует счастья двоих без горя третьего.“ Я не стал разбираться в смысле сказанного. Молча мы поднялись по ступенькам лестницы.

Всё было как прежде. Только возле колодца стояли два памятника. Подойдя к ним поближе, я узнал

в одном из них себя, а в другом Маку, которая держала меня за руку и куда-то тащила. Памятник стоял на мраморном пьедестале, и на нём золотыми буквами было написано: „На исходе двадцатого века сюда спустились ученики десятого класса, Мака Абрамишвили и Заза Сургдзелидзе, которые не вернулись назад. Вечная память пожертвовавшим своими жизнями ради открытия!“

– Что это, Мака? Неужели наши родные и наша родина думают, что мы мертвы? И как они узнали, что мы были здесь?

– О нашем походе знали. Дома я оставила записку, с кем иду и куда, но насчёт смерти я не писала! Тут ещё больше удивительного, – продолжала Мака. – Видишь здесь провели канатную дорогу до Чиатуры. Наверное ею пользуются туристы...

Я решил зайти в здание вокзала, где дежурила молодая женщина.

– Если можно, отправьте нас, пожалуйста, в Чиатуру. – попросил я женщину.

– В ночное время у нас закрыто. Воздушно-канатная дорога обслуживает только туристов. Мы начнём работать с утра! – звонким голосом ответила она.

– Неужели нельзя в исключительной ситуации вызвать вагон?

– Нет, интересно знать, вы – отставшие туристы?

– Да! Разрешите нам переночевать в вашей комнате! – попросил я.

Девушка посмотрела на меня, затем на Маку, подумала немного и завела нас в комнату.

– Это гостиница для туристов, – сказала она и

указала нам на отдельно стоящие кровати.

Ночь мы провели спокойно и беззаботно. Так хорошо мне не спалось уже давно. Утром было лень вставать, но Мака не дала мне спать, да и очень хотелось побыстрее увидеться с родными.

Мы отправились в город по канатной дороге первым же рейсом. Это был необыкновенный вагон, который больше походил на троллейбус. Он двигался по хорошо натянутым двум канатам, и над его крышей были также натянуты ещё два каната. Вагон мог вместить двести человек, однако в данный момент в нём находились только я и Мака.

За каких-нибудь восемь минут мы доехали до города. Когда в вагоне объявили последнюю остановку 33, мы вышли из вагона и решили отправиться в школу, чтобы извиниться перед учителями за опоздание.

Школа показалась нам более просторной, и нам стало стыдно друг перед другом за то, что мы не смогли отыскать наш класс. Мы решили зайти в учительскую и извиниться перед учителями, а затем отправиться в наш класс. Не встретив ни одного знакомого в учительской, мы решили уйти, но нас остановила одна симпатичная девушка.

– Кого вы ищете? – вежливо спросила она.

– Мы хотели увидеть директора! – с дрожью в голосе ответил я.

– Пойдемте! – сказала она и пошла впереди нас.

Мы зашли в кабинет, но не увидели нашего директора. В директорском кресле сидел юноша и спрашивал:

– Кого вы ищете?

– Нам нужен директор школы.

– Чем обязан?

– Нет, уважаемый, нам нужен Элдар Николаевич Вашадзе, основатель этой школы и первый директор, наш директор...

– Такого здесь нет. Может вы что-то напутали? Хотя, подождите! – и вызвал начальника архива: – Разыщите данные первых учителей школы! – приказал молодой директор. Начальник архива беспрекословно подчинился. Через несколько минут на столе директора лежала огромная связка бумаг.

Директор снял шнуток и отложил в сторону несколько папок. Наконец, он остановил свой взгляд на одной толстой папке, пролистал её, а затем громко прочитал: – Элдар Николаевич Вашадзе – заслуженный педагог и общественный деятель... занимающийся педагогической деятельностью в конце XX века.

– Остановитесь, уважаемый! – прервал я чтение директором биографических заметок. – Что значит „занимающийся“? Где он находится в настоящее время?

– Вы, юноша, говорите, как пришедший из двадцатого столетия. Не гоже вам говорить так на исходе XXII столетия. Ведь вам известно, что в XX веке медицина была не настолько развитой, как сейчас, чтобы сделать людей бессмертными. Наверное, вы поняли, что тех людей, которые работали в этой школе двести лет назад, уже нет...

Рассмеявшись, я прошептал Маке: – Не сошёл ли с ума этот молодой директор? – Не знаю, услышал ли директор, или определил по мимике лица сказанное

мною, но сильно разозлился:

– Что вы себе позволяете, молодой человек? Кто дал вам право перешёптываться, когда я разговариваю? Сейчас же уходите! Уходите с глаз долой! – кричал он тонким голосом, но я, повидавший многое, не испугался его и не сдвинулся с места.

Директор опустился в кресло, нажал на кнопку электрического звонка и попросил: – Вольтметр, – в кабинет вошла девушка в белом халате, держа в руке аппарат, размером со спичечный коробок. Завернув рукав рубашки на правой руке директора, приложила часть аппарата, похожую на антенну, к кисти руки.

– Вы, уважаемый, работаете на собственных 220, так? – спросила директора девушка в белом халате.

– Да!

– У вас поднято. Вы же знаете, вам нельзя волноваться! Так вы можете пережечь лампочку центральной нервной системы. Да вы и сами знаете, насколько это опасно...

– Это я ещё хорошо себя чувствую, связавшись с ними! – сказал директор и указал рукой на нас. Девушка в белом халате с презрением посмотрела на нас.

– Извините, до свидания! – кивнув головой директору, мы вышли из кабинета.

– Мака, ты что-нибудь поняла? – дорогой спросил я Маку.

– Что я должна была понять? – удивлённо ответила она.

– Мы имеем дело с роботами! Видела, что доктор принесла „Вольтметр“, а не прибор для измерения давления. Ты же слышала их разговор, должна была

сделать какие-то выводы!

Вот и подошли мы к тому месту, где находился мой дом. Я хотел порадовать родителей моим возвращением. Но здесь уже не было нашего дома. На его месте был разбит сад, откуда веяло прохладой. Сад украшали фонтаны.

В тени деревьев сидели группами люди разного возраста и играли во что-то. Подойдя к ним, я стал расспрашивать о родителях. Сначала спросил одного пожилого мужчину, но он пожал плечами и ответил, что не зает таких. Затем я стал спрашивать ещё, и ещё, но всё безрезультатно.

Тогда мы решили отправиться к Макиному дому, который находился неподалёку. Через несколько минут мы стояли на том месте, где когда-то находился Макин дом. Теперь вместо него здесь было построено огромное здание, без единого окна, и над единственной дверью было написано большими буквами: „Завод роботов“. Нам показалось лишним расспрашивать или разузнавать, поэтому мы решили вернуться в школу и рассказать директору обо всём, что с нами произошло.

Директор был один в кабинете...

– Можно? – спросил я и, не дождавшись приглашения, вошёл в кабинет.

– Я где-то видел вас! – пронзив меня взглядом, сказал директор.

– Несколько часов назад я был у вас! – ответил я.

– Нет, я видел вас намного раньше!

– Это невозможно! Я никогда раньше не видел робота!

– Я не робот, меня зовут Эмиль! – опять вспыхнул

директор. – Расскажите вкратце, почему вы вернулись?

Я сел в кресло без приглашения и усадил рядом с собой Маку. Мы вкратце поведали кто мы такие, и что с нами приключилось. Как только я закончил свой рассказ, директор подскочил на ноги и крикнул:

– Я понял! Я видел ваш памятник в „Клдекари“!
– После этого директор сообщил всем необходимым органам о нашем необыкновенном приключении. В тот же день во дворе школы был устроен в нашу честь большой праздник. Затем нам выделили квартиру и предложили продолжить учёбу.

На второй день я и Мака слушали уроки десятого класса. Но на третий день мы оставили учёбу и объявили директору: „Так как для нас непонятна программа десятого класса, просим зачислить нас в первый класс“...

Директор удовлетворил нашу просьбу, и на четвёртый день мы сидели в первом классе. Это был уникальный случай во всём мире: учениками первого класса стали люди в возрасте 180 лет...

Криминальная аксиома

1

На границе между двумя районами Западной Грузии – Сачхере и Чиатура, протекает горная речка, которая, впадая в другую, более крупную реку, образует глубокий водоём. Это место облюбовано мальчишками окрестных деревень. Они в жаркие дни приходят сюда поплавать, освежиться.

Вот и сейчас, налетела целая ватага ребят. Они, с хохотом и шумом, наперегонки, устремились к реке и бросились в воду. Плавали, плескались, ныряли в глубь. Вдруг один из них торопливо выскочил из-под воды и с криком: „Помогите! Там... на дне... женщина... Какая-то женщина!“ – быстро-быстро поплыл к берегу. Это был десятилетний мальчик Коба. Еле-еле добравшись до берега он, обессиленный, упал на песок.

Товарищи бросились к нему... Поднялся шум и гомон, который нельзя было не заметить с шоссе,

проходящее над рекой. Остановились машины, остановился и автобус, один из пассажиров привёл в чувство мальчика. Прибежали и родители Кобы. Увидев сына живым и невредимым, скоро успокоились. Потом уже его бабушка, узнав причину, отчего так испугался её любимый внук Коба, повела его к сельской древней старушке, которая „лечила“ людей заговорами, молитвами...

К месту происшествия собрались люди, появились и ныряльщики, но пока никто не хотел заходить в воду.

Кто-то позвонил в милицию и сразу из двух районов прибыли работники органов прокуратуры и милиции. Два работника милиции Сачхерского района, раздевшись, вошли в воду. Через несколько минут из воды был извлечён труп молодой женщины. Утопленница выглядела ещё довольно красиво, что свидетельствовало о том, что она не очень долго лежала в воде. Женщина была в шифоновом платье с короткими рукавами, а к шее был привязан капроновой верёвкой довольно большой камень. Живот был чуть вздут, видно было что она была беременна...

После осмотра тела, Сачхерский районный прокурор Давид Двали передал труп женщины эксперту для установления причины смерти. А расследование происшествия было поручено молодому следователю Инге Абашидзе.

Труп увезли. Люди стали расходиться, хотя этот случай долго был „во языцех“. А на том месте, где труп женщины был извлечён из воды, долго никто не купался...

До вскрытия трупа следователь – Инга Абашидзе внимательно обследовала тело. Прежде всего надо было установить личность погибшей.

Инга взяла холодные руки трупа и обратила внимание на пальцы, которые были без длинных ногтей, а кончики пальцев сравнительно грубы, как бы с мозолями. Развязав на шее капроновую веревку, следователь там не нашла никаких следов.

Следователь записала результат обследования и передала эксперту для дальнейшего выяснения причины смерти.

Когда сделали вскрытие, оказалось, что женщина была беременна. Плод был четырехмесячного возраста. В лёгких и в животе было много воды.

– Самоубийство – сказал один из экспертов.

– Воду надо исследовать, – твёрдо заявила следователь.

– Да, но что это нам даст, – спросил другой следователь.

– Посмотрим, может и пригодится.

В тот же день по местному телевидению было показано лицо погибшей и прозвучала просьба: сообщить в органы, если кто-нибудь знает что-либо о погибшей, но никто на телевизионную передачу не откликнулся. Инга Абашидзе все время думала о личности погибшей.

На второй день во время совещания у прокурора Инга Абашидзе заявила:

– Это труп женщины, которая работала машинисткой какого-то предприятия!

Прокурор внимательно посмотрел на Ингу, ожидая дальнейшего продолжения заявления следователя.

– Батоно* Давид! – продолжала Инга, – при погибшей не оказалось ничего, что помогло бы удостовериться её личность, но... на пальцах у погибшей очень маленькие ногти, а кончики пальцев грубые. Это наталкивает меня на мысль, что она имела дело с пишущей машинкой старого образца, которая требу-

---

* Батоно – господин (груз.) применяется как обращению

ет больше усилий при печатании, чем новые электронные машинки. Затем, по-моему, погибшая была сперва умерщвлена, а потом уже на её шею привязали верёвку с камнем и бросили в воду. Дело в том, что на шее нет следов ни насилия, ни подтёков. Пока опираемся на эту версию, продолжаем следствие...

Давид с удовольствием про себя отметил хорошую работу следователя, и спросил:

– Значит дело идёт к убийству?

– Непременно! – твёрдо произнесла следователь.

– Хорошо, пока я доволен вашей работой! – сказал прокурор и закрыл совещание

В этот же день следователь Абашидзе запросила все учреждения: на месте ли машинистки и делопроизводители. И отовсюду был получен одинаковый ответ – машинистка и делопроизводитель на месте и работают.

„Нет, надо лично на местах проверить всех машинисток и делопроизводителей“, – подумала Инга.

2

Два дня ушло на обход всех учреждений, где могли быть машинистки и делопроизводители. Результат был один и тот же – все были на месте.

На третий день Инга пришла на фарфоровый завод, что в Сачхерском районе. Зайдя в приёмную, Инга увидела сидящую за машинкой женщину, лет сорока, крупную, с подбородком, над верхней губой – обильная растительность.

– Я, следователь прокуратуры Инга Абашидзе, разрешите задать вам несколько вопросов.

Делопроизводитель молча посмотрела предъявленное Ингой удостоверение личности и неохотно предложила ей стул

Инга повторила свою просьбу.

– Пожалуйста! Меня зовут Калтамзэ! – заявила гордо делопроизводитель.

– Сколько времени вы работаете на этом заводе?

– Наверно два месяца, вернее скоро будет два.

– До вас кто работал на вашем месте?

– Эка Асанидзе.

– Кто она, откуда или, скажите, если знаете, где живёт.

– Эка Асанидзе живет в селении Чиха. Она уволилась на основании собственного заявления, а где сейчас... Бог знает! – пожимая плечами, сказала делопроизводитель.

– Можно увидеть заявление и приказ об её освобождении? – спросила следователь.

– Один экземпляр хранится у меня, а второй в отделе кадров.

Инга попросила разрешения посмотреть их.

– С удовольствием! Хотя без разрешения директора нельзя. Но его сейчас нет, а вас задерживать не смею! – сказала делопроизводитель, сделав какую-то гримасу, похожую на улыбку, и стала рыться в папке.

– Нашла, вот они – сказала делопроизводитель и положила бумаги перед следователем.

Эка Асанидзе действительно была освобождена на основании собственного заявления два месяца назад.

Следователь положила эти документы в свою папку.

– Вы их забираете? – с испугом в голосе спросила делопроизводитель.

– Да, некоторое время они нам нужны.

– Не губите меня, если директор узнает, уволит меня с работы.

– Не беспокойтесь, когда он придет, эти бумаги будут у вас.

– Значит, сегодня, и директору ничего не скажете?

– Конечно, директору ничего не скажу и заявление сегодня-же верну, но с одним условием: если и вы ничего не скажете ему.

– Обещаю.

„Нельзя терять времени“, – подумала, сходя с лестницы Инга и сев за руль своего „Жигули“ поехала в селение Чиха. Через некоторое время она уже подъехала ко двору, который ей указали односельчане Эки Асанидзе.

3

Двор Эки Асанидзе заметно выделялся из соседних, богато ухоженных и обустроенных дворов.

Инга вошла во двор и приветствовала женщину средних лет, которая сидела во дворе и рукодельничала.

– Да поможет тебе Бог, доченька! – ответила женщина и, чтобы хорошо разглядеть пришедшую, поднесла ладонь ко лбу, заслоняясь от солнца.

– Я подруга Эки, Кето меня звать – соврала Инга.

– Эки нет дома, доченька, три дня тому назад ушла на работу и пока не вернулась. Если у тебя неотложное дело, то найдёшь её на работе или дома, около завода у моста, стоит высокий дом, там на втором этаже у неё квартира.

– Немного подожду, передохну, если вы не против – сказала Инга.

– Конечно, конечно, пожалуйста, заходи домой, угощу прохладительным сладким напитком – с уважением в голосе сказала женщина.

– Нет, лучше здесь, в тени посижу, а сладкому напитку я предпочту беседу с вами.

Женщина быстро вынесла из дома два стула и поставив в тени под ореховым деревом, пригласила гостью сесть.

Инга не отказалась.

– Вы здесь одна живёте, тётенька? – спросила Инга, не переставая разглядывать дом и не очень ухоженный двор.

– Да, доченька, одна живу. Эка моя единственная радость. Как уже сказала, у неё однокомнатная квартира в городе. Она, после окончания курсов машинисток, работает на фарфоровом заводе и получает зарплату, которая ей хватает.

– Вы приятная собеседница, – похвалила Инга женщину.

– Эх, доченька, жестокая жизнь не пощадила меня, а то я была бы и собеседница приятная и не хуже своих сверстниц выглядела бы, но... Я родом из Саване, Феридэ Церетели моё имя. Тридцать лет то-

му назад я увидела впервые моего Георгия. Тогда нам было по 18 лет. Как только наши глаза встретились, мы поняли, что рождены друг для друга. Целый год таились мы от посторонних глаз и вот, когда больше не было моих сил, украдкой ушла из дому, и в эту хату привел меня мой Георгий. Хата – то невзрачная, но любовь наша была такая безграничная, что даже царский двор без моего Георгия, не заменил бы мне эту хату. Дома была только его мать и мы все трое стали строить планы будущей нашей жизни. Увы!... У меня четыре брата, чтоб их громом уничтожило всех! Мол, как это ты без разрешения, украдкой ушла из дома, опозорила нас на весь мир... Ворвались в дом, нас троих избили, не пощадили и мать. А свекрови моей, уходя, пригрозили, что моему Георгию не будет счастья. И точно... Эке было три месяца, когда моего Георгия нашли мертвого, с перерезанным горлом, на берегу Квирилы. С того дня и мать его не вставала с постели. Три года я ухаживала за ней, но если бы она ещё дольше жила, я была бы счастлива. И вот я осталась одна с Экой, и дай Бог ей счастья и долгой жизни. А о себе я и не тревожусь.

– Да... горькая у вас судьба получилась – с участием сказала Инга, но чтобы продолжить разговор, спросила:

– А убийцу Георгия нашли?

– Кому до этого дело. Я сама испугалась за дочку и даже в милицию не обратилась. Боялась, что поиски убийцы Георгия раздразнят их, и ещё с дочкой что-нибудь сделают. И потому вынуждена была молчать.

– Не бойтесь, тётя Феридэ, ведь не даром говорят: мир не без добрых людей.

– Да, доченька, дай Бог, чтобы люди не потеряли веру в будущее. Я с надеждой на будущее и живу!

– Ну теперь уже недолго. Вот Эка выйдет замуж и заживёте счастливо.

– Ой, чтоб твоими устами да мёд пить! Дожить бы до того времени, когда в нашу калитку войдет, кто-нибудь, да позовёт мужчину нашего дома... Но Эка и слышать не хочет о замужестве. Хотя она то не говорит, но сердце матери чувствует, почему ночами ворочается в постели она, и все время вздыхает.

– Вы не замечали никого, кто её провожал бы до дома?

– Нет, такого случая не было.

– И не называла никакого имени?

– Не то что имя назвать, а просто и слышать не хочет о мужчинах. Но материнское сердце чувствует, что за пламя горит у неё в груди.

– И писем ни от кого не получала? – теперь уже настойчивее стала спрашивать Инга.

– Нет, писем никогда не получала. Любит одиночество и иногда пишет стихи. Как видишь, и поныне здравствуют гены Церетели*... Вот только недавно, перед уходом на работу получила телеграмму и очень обрадовалась, чуть не плясала. Я сразу догадалась, что телеграмма от возлюбленного, хотела прочесть, но не смогла: в телеграмме, кроме адреса, были только цифры.

---

* Имеет ввиду великого грузинского поэта Акакия Церетели, который родом из соседней с Саванэ деревин Схвители.

– А нельзя найти эту телеграмму, чтобы посмотреть? Я тоже заинтересовалась вашим рассказом.

– Кажется она лежит в альбоме фотографий!... Я сейчас...

Через несколько минут мать вынесла из дома семейный альбом и, сев около Инги, стала искать телеграмму, попутно давая Инге фотографии из альбома.

Взяв первую же фотографию из рук Феридэ, Инга совсем забыла о телеграмме... Со снимка на неё смотрела прекрасная Эка. Эка, которая сейчас мертвая лежала в морге.

„Кто ты? Что за мерзкая тварь, зверь, у которого поднялась рука, чтобы лишить жизни эту девушку! Ты убил не просто личность: ты погубил красоту Родины! Будущую мать, завтрашний день... Значит, если будет у тебя возможность, ты, без зазрения совести, вырежешь всю нацию. Ибо мир для тебя ничто, и ты не видишь красоту...“

Вот такие мысли приходили в голову Инги, когда она рассматривала фотографии из семейного альбома.

Инга отложила в сторону фотографию Эки, на которой она была в том же платье, что было одето на ней в последний раз...

Вот и телеграмма! В ней написано: „Чиха, Эке Асанидзе, – 17-748-45-24-55-55.“

„Чёрт бы тебя побрал!... Чтобы это значило?“ – проговорила Инга про себя.

– Что ты сказала? – спросила женщина и вывела Ингу из раздумий.

– Ничего. Это не телеграмма, а какая-то математическая задача!

– О, да! И я ничего не поняла в ней. Но, доченька, посмотри мне в глаза... Когда я разговаривала, тобой владели совершенно другие мысли, ты не думала об услышанном, мне кажется ты пришла не спроста... что-то плохое случилось с моей дочкой? Не разрывай сердце матери подозрениями!

– Нет, нет, что вы! Мне нечего от вас скрывать, – с натянутой улыбкой сказала Инга, – Можно эту телеграмму и фотографию я возьму с собой и у Эки спрошу – что за таинственные цифры в телеграмме?

– Хорошо, доченька. И если вместе с ней вернётесь, буду очень рада.

4

Инга возвратилась в Сачхере и зашла прямо к криминалистам, где была проведена графическая экспертиза заявления Эки и стиха, который Инга взяла из домашнего альбома Асанидзе. Анализ показал, что, и заявление об освобождении с работы, и стихотворение были написаны рукой Эки Асанидзе.

Теперь Инга поспешила в отделение связи, откуда была направлена телеграмма Эке Асанидзе. Войдя в телеграфное отделение, Инга представилась и попросила уточнить, кто принимал телеграмму 15 июля. Оказалось, что перед ней та же дежурная.

– Вы 15 июля приняли эту необычную телеграмму. Не помните, как выглядел передающий этот текст?

– Конечно! Помню и эту телеграмму и человека, который его послал

– А почему вы так уверены? Не опишите ли вы его?

– Эту личность забыть нельзя! Обыкновенное с короткими рукавами и большим вырезом на груди платье...

– Что? Платье?!

– Да, платье! – с удивлением сказала телеграфистка и запнулась... А может... подождите, подождите... Её руки и грудь так обильно заросли волосами, что она больше напоминала мужчину. Но тогда мне до этого не было дела.

Когда телеграфистка описывала посетительницу, отправившую телеграмму, Инга невольно вспомнила делопроизводителя фарфорового завода.

– А если увидите, узнаете её? – спросила Инга.

– Конечно. Такую не забудешь.

– Вы можете расшифровать эту телеграмму?

– Нет! Наверно смысл так засекречен, что его никто не расшифрует без помощи автора или адресата.

Инга распрощалась с телеграфисткой, вышла из помещения. Садясь за руль „Жигули“, Инга думала о делопроизводителе фарфорового завода. Туда и поехала она.

– Ещё раз хочу вас побеспокоить – сказала Инга, войдя в приёмную директора фарфорового завода, где сидела делопроизводитель.

– Да, слушаю вас! – нехотя произнесла она и видно было, что она не очень то рада приходу следователя.

– У меня всего один вопрос. Посылали ли вы 15 июля Эке Асанидзе эту телеграмму? – и Инга положила перед ней лист.

- Да, после перерыва, приблизительно в 15 часов.
- А можете сказать, чем была обусловлена такая телеграмма Эке Асанидзе.
- Не знаю. Для меня не ясны ни смысл телеграммы, ни цель автора.
- Как это. Вы её послали по чьёму-то поручению?
- Безусловно! Я делопроизводитель директора и исполняю все его поручения!
- Где сейчас генеральный директор вашего завода?
- спросила Инга.
- 17-го июля он должен был быть в Тбилиси, в министерстве, в связи с монтажом нового производственного цеха.
- Вы точно знаете, что директор 17-го поехал в Тбилиси?
- Я не говорила, что он точно 17-го поехал в Тбилиси, говорю – должен был уехать; факт, что, после 17-го числа он на заводе не показывался.
- А откуда вы знаете, что Арчил должен был поехать в Тбилиси?
- Уходя, поручил мне – если кто-нибудь его спросит, ответить, что он уехал в Министерство.
- Очень хорошо! Напишите, что 15-го июля по поручению директора вы послали Эке Асанидзе телеграмму с непонятным шрифтом и содержанием, а директор 17-го июля должен был поехать в Тбилиси, откуда ещё не вернулся.
- Пожалуйста, – сказала Калтамзе и начала писать.
- Инга взяла показание делопроизводителя, положила в папку и ушла, не попрощавшись.

Инга, придя в кабинет прокурора, попросила двух сотрудников и ордер для осмотра квартиры Эки Асанидзе.

– Меня интересует ход следствия – сказал прокурор.

– Ход и результат следствия доложу утром – сказала Инга с нетерпением в голосе.

– Может для осмотра квартиры возьмёшь и экспертов? – подсказал прокурор.

– Если они не очень заняты, то будет хорошо.

Прокурор вызвал экспертов и через несколько минут следственная группа, в составе пяти человек, была готова к отъезду.

5

По прибытию в дом, где была квартира Эки Асанидзе, Инга нашла дверь квартиры закрытой.

Позвали соседей в понятые и, при помощи сотрудников коммунального отдела, открыли дверь.

В квартире все было прибрано. Видно было что здесь живёт аккуратная женщина. Ничего подозрительного не найдя, следователи пришли в уныние. Только Инга, не теряя надежды, спросила соседа Эки.

– 17-го июля вы ничего необычного не видели или не слышали из дома Эки Асанидзе?

– В этот день вечером, после четырех часов, Эка приехала из села. Она, как мне показалось, необычайно весёлая, вошла в квартиру. Через два часа она встретила возлюбленного. Как только он вышел из

машины, Эка повисла у него на шее. Хорошая пара, дай им Бог счастья! Да будут счастливы их родители!

– Сейчас вы не знаете, где Эка?

– Конечно, знаем. Утром рано уехала в деревню!

– А не знаете имя её возлюбленного, кто он?

– Как не знать! Он гордость нашего района, директор фарфорового завода Арчил Цхадазе. Правда, он годами старше неё, но это не беда. Зато серьёзный и степенный человек, да и времена сейчас другие.

– А раньше вы видели его проходящим сюда?

– Да, конечно, их любовь ни для кого не была секретом. Они собираются скоро пожениться. И для нас будет хорошая свадьба – весело подмигнул сосед. – Арчил в эти дни кажется поехал в Тбилиси за подарками. Дай Бог им радости и долгой жизни.

– А не видели ли вы ещё кого-нибудь?

– Нет, генацвале,* Эка не так часто водит знакомство.

– Не знаете ли вы, когда он ушел отсюда?

– Наверно где-то в 11 часов. Известно, мужчина едет в поездку, наверно готовился. Вот и собирала его невеста. У него ведь дома только старая мать. А молодым подавай все свежее и модное! Наверно поехал в Тбилиси – принарядить невесту и самому обновить гардероб. Я работаю на заводе и знаю его хорошо. Он вырос у нас на глазах. Он много испытал на своем веку. Сачхере не велик, каждый знает другого.

– А если он такой хороший и все знает, почему освободил Эку с работы?

---

* Генацвале — непереводимое ласкательное слово

– Генацвале, а как он должен был поступить, чтобы не говорили, что директор женился на делопроизводителе?

– Хорошо, только, попрошу вас, все, что вы сказали, напишите мне и я буду очень довольна...

Через полчаса Инга положила чисто написанную объяснительную бумагу в папку.

6

На второй день следователь Инга Абашидзе на совещании у прокурора сделала следующее заявление:

„Личность Эки Асанидзе была мной установлена благодаря остриженным под корень ногтям пальцев. Это говорило о том, что она машинистка. Было выявлено, что два месяца назад с фарфорового завода по собственному заявлению освободилась машинистка. Установила её адрес, беседовала с матерью Эки Асанидзе – Феридэ Церетели и у неё взяла фотографию, телеграмму, полученную 16-го июля и одну строфу стихотворения, написанную рукой Эки Асанидзе. Стихотворение посвящено какому-то Арчилу: „Мечты о тебе, раздвоили сердце мое. Твоим именем назову сына, Арчил! Разреши мне быть рядом с тобой, чтоб ласкать хотя бы твою тень, Арчил!“.

Телеграмма выглядит необычно, текст написан цифрами: 17-7-18-45-24-55-55. Я так расшифровала эту телеграмму: 17-го, 7-го месяца, т. е. июля, после 18 часов жду в доме номер 45 кв. 24. В случае непредвиденных обстоятельств звони по телефону 55-55.

В доме номер 45 кв. 24 принадлежит Эке Асанидзе, а телефон 55-55 – генеральному директору фарфорового завода Арчилу Цхададзе.

Делопроизводитель директора фарфорового завода, Калтамзэ Чихелидзе эту телеграмму послала Эке Асанидзе 15-го июля, по поручению директора, что и подтверждает телеграфистка Лела Месхи.

По утверждению соседей Эки Асанидзе, Арчил Цхададзе 17 июля действительно пришел к ней в 18 часов и оставался там до 23 часов.

Теперь представлю свои соображения об убийстве, которое больше похоже на самоубийство.

Как было ранее сказано, на шее и горле трупа не было никаких следов от верёвки, которой к нежной шее был привязан камень – с целью утопить в реке.

Это навело меня на мысль, что камень был привязан уже к убитой. В животе и легких убитой было много воды. Лабораторный анализ показал, что вода чистая, питьевая, А взятая на том месте вода, где был извлечен труп, оказалась с примесями кварца, соли, аммония, серы и углерода. Это доказывает, что данная вода не пригодна для питья.

Исходя из вышеизложенного, у меня создается такая версия: Эку Асанидзе удушили в ванной её же квартиры, после чего привязали к шее трупа камень, отвезли на машине к реке и утопили.

После всего этого, убийца возвращается в квартиру Эки Асанидзе, убирает квартиру, уничтожая следы преступления. А утром батони Арчил Цхададзе спокойно отправляется в Тбилиси, откуда он ещё не вернулся...

Напрашивается вопрос: почему Арчил Цхададзе пошел на такое убийство?

Как уже известно, исследование показало четырехмесячную беременность Эки Асанидзе. А Эка, по утверждению близких соседей, и исходя из содержания стихотворения, написанного рукой убитой, любила Арчила Цхададзе и ждала от него ребенка.

Чтобы избежать возможных осложнений, Арчил Цхададзе сперва освободил Эку Асанидзе с работы, на основании ее заявления, а затем, удушив Эку в её же собственной ванне, утопил труп в реке и уехал из района.

Таковы мои соображения. Если в ходе следствия допущены какие-то неточности, я надеюсь, что с вашей помощью они будут исправлены.

В кабинете царило безмолвие...

Только прокурор перебирал пальцами по столу, анализируя сказанное следователем. Все смотрели на него и ждали его заключения. Прокурор встал с кресла:

– Санкция готова! – сказал он, – сегодня же взять под арест Арчила Цхададзе!

Прокурор так многозначительно посмотрел в сторону своего заместителя, что было ясно: взять под арест Арчила Цхададзе поручалось ему.

Но, вдруг Инга Абашидзе вновь попросила слова, и ей было разрешено:

– Батонебо,* нечего и говорить, что материалы следствия показывают виновность Арчила Цхададзе. И прокурор с этим согласен, но я прошу два дня повременить с арестом Арчила Цхададзе.

---

* Батонебо – господа

Следствие показало только одну сторону медали, но другая сторона медали часто закрыта грудью. Надо выяснить эту вторую сторону, ибо мы не имеем права односторонне воспринимать явления.

Поспешный арест Арчила Цхададзе может плохо повлиять на следствие, да и среди районной интеллигенции мы будем выглядеть не очень-то красиво, если наш шаг окажется ошибочным. У меня есть кое-какие соображения в пользу Арчила Цхададзе.

Если хорошо вдуматься, то можно увидеть, что у людей, которые стоят во главе крупного предприятия, есть больше завистников и врагов, чем у обычных людей. Поэтому не исключено, что под его именем могли действовать завистники.

Вот выдержка из характеристики, данная Арчилу Цхададзе одним из тех, кто непрочь занять его место: „... Генеральный директор фарфорового завода Арчил Цхададзе очень добросердечен, любит труд, в обществе пользуется уважением и очень благороден. К рабочим и служащим своего предприятия проявляет любовь, снисходительность и жалость, подчеркиваю – жалость!“.

Вот ещё выписка из характеристики, данная Арчилу недругом предприятия: „Арчил Цхададзе выделяется вниманием к людям и состраданием. Вспоминаю такой факт: в механической мастерской получил травму токарь, через несколько минут появился Арчил и, когда увидел кровоточащую рану, он упал, как подкошенный. Да! Упал при виде крови. Его пришлось приводить в чувство с помощью лекарств“.

Теперь посмотрим что говорят соседи Эки Асанидзе об Арчиле!

„Эка и Арчил Цхададзе любят друг друга. Мы часто беседуем с Арчилом, в ближайшие дни они собираются пожениться... очень хорошая пара, дай Бог им здоровья и долголетия. Где такая любовь, там должно быть и счастье!“.

Вот эта сторона жизни и характера Арчила даёт мне право сказать, что такой человек не мог совершить преднамеренное убийство, да ещё унести труп за несколько километров и утопить его, затем вернуться, убрать улики с места преступления, да так аккуратно, что даже опытные криминалисты не находят никакого следа...

7

Следователь хотела ещё что-то сказать, но вынуждена была прервать разговор из-за большого шума, поднявшегося в приемной прокурора, шум проникал даже через двойную дверь кабинета.

Прокурор поднялся с кресла и выглянул в приёмную. Через несколько минут он сидел в кресле и слушал взволнованного посетителя. Уступая решительному требованию посетителя, прокурор прервал совещание и попросил остаться только Ингу Абашидзе.

– Батоно Арчил! Что вас так взволновало, что случилось?

– Давид! Помогите, что в ваших силах... Вернее, скажите мне правду!... Кажется, я получил непоправимый

удар судьбы... Скажите, чей труп вы извлекли из реки?

Прокурор немного задумался, потом посмотрел на Ингу и сказал:

– Да, был такой случай, но об этом деле я пока почти ничего не знаю... Пока следствие по этому делу ведет следователь прокуратуры I класса Инга Абашидзе. Познакомьтесь: Инга – генеральный директор фарфорового завода Арчил Цхададзе...

Инга приподнялась с кресла, в знак знакомства, но Арчил не обратил внимания на этот её жест и с волнением вытер пот со лба. Инга обратила внимание на его пальцы – они дрожали. „Такое впечатление может производить и злоумышленник, но, кажется, это не умышленное волнение“, – подумала Инга и стала изучать внешность Арчила – правильные черты лица, прямой нос, крупные черные глаза, широкий подбородок и чуть поредевшие, каштановые волосы. Все это создавало впечатление нормального, честного мужчины. „Такой мужчина не должен пойти на преднамеренное убийство“, – и Инга взглянула в глаза Арчила. Некоторое время они смотрели друг на друга. Но потом, под пристальным взглядом мужчины, Инга робко опустила глаза...

– Давид! Я же просил!.. Может быть, решается моя судьба. Ведь расследование не детская игра!..

– Успокойтесь, Арчил! Почему обижаете следователя? Сперва познакомьтесь, побеседуйте, может и измените свое отношение к ней, узнав от неё больше, чем от меня! – сказал спокойно прокурор и взглянул в сторону Инги, давая ей „добро“ на дальнейшее ведение следствия.

– Батоно Давид! Если разрешите, то в вашем присутствии побеседую с батоно Арчилом.

– Конечно, конечно] Я с интересом послушаю вашу беседу.

– Батоно Арчил! Когда вы вернулись из Тбилиси? – с женской нежностью спросила Инга.

– Сегодня утром! Но... какое отношение имеет это к моей просьбе? – с явным неудовольствием и беспокойством произнес Арчил.

– Батоно Арчил, я откажусь от беседы с вами, если вы не успокоитесь и будете проявлять недоверие ко мне!

– Хорошо, постараюсь.

– Прошу вас! Будьте внимательны и точны в ответах. Даже маленькое отклонение от правды помещает следствию. Когда вы уехали в Тбилиси?

– Семнадцатого июля, утром!

– Каким транспортом?

– Собственным автомобилем

– Кто знал о вашем отъезде?

– Только четыре человека: мать, невеста, мой заместитель и делопроизводитель, – после некоторой паузы сказал Арчил.

– По какому вопросу вы ездили в Тбилиси?

– Был вызван в министерство... Хотя, нет! Мы же договорились говорить только правду. Я готовлюсь к свадьбе, надо было купить подарки невесте. Свадебное платье, кольца и разную мелочь.

– Всё купили?

– Да, конечно. Всё готово! С божией помощью. В субботу и вас приглашаю на свадебное торжество.

Инга немного повременила, не давая себе разжалобиться, и вновь спросила:

– Откуда поехали в Тбилиси?

– Из дому. Из собственного дома.

– А до тех пор где были?

– До каких пор? – на вопрос вопросом ответил Арчил.

– Ну, если хотите, до 11 часов вечера.

– Неужели это имеет для вас значение? Могут же и у меня быть тайные минуты?

– Конечно, но... здесь, у нас, можно покаяться, исповедоваться, ничего не скрывая, ибо неразглашение тайны не всегда бывает полезным.

– Был у невесты. У Эки Асанидзе до 11 часов вечера!

– Кто знал о вашем там прибывании?

– Только соседи Эки.

– Больше никто?

– Никто!

– А почему не взяли Эку с собой в Тбилиси? Ведь она лучше бы подобрала для себя подарки!

– Она в положении, надо её беречь... А вещи... могу сказать, что все мои подарки дороги ей.

– Эка работала у вас. Почему вы её освободили?

– Это случилось по нашей обоюдной договоренности. Сама Эка, почувствовала себя в неловком положении: делопроизводитель выходит замуж за директора. К тому-же не за горами был декретный отпуск... Чтобы не было пересудов и дать себе отдохнуть, она решила, и я согласился, уволить её по собственному желанию.

– А почему вы до сих пор не поженились?

– На это у нас были две причины – время и финансовое положение: не было времени, ибо я работал над диссертацией. Теперь защитился и появилось время. И финансовое положение изменилось. Наше Итавазское месторождение песка содержит в большом количестве кварц. Я разработал метод, благодаря которому можно путём гидротермической обработки из кварца получить полудрагоценные материалы: агат, оникс и другие. Этот метод был использован в одном из наших цехов и за это техническое новаторство я получил некоторую сумму...

– Как вы сообщили Эке, чтобы она 17 июля пришла к вам?

– Послал телеграмму!

– Значит и другие знали, что она должна была с вами встретиться?

– Нет! У нас свой шрифт, и сам чёрт не поймёт его содержание.

– Телеграмму вы лично послали?

– Нет! Я поручил послать телеграмму своему новому делопроизводителю.

– Как вы думаете, делопроизводитель не могла догадаться о содержании телеграммы?

– Нет!

– А что за женщина, ваша новая делопроизводитель?

– Хорошая! Незамужняя, дело свое знает, только... немного грубовата. С тех пор, как она начала работать у нас, посетителей стало меньше. Да и мне не очень то нравится смотреть на невзрачную личность. Но такой человек попросил её трудоустроить, что пришлось

уступить. А то племянница у меня дома сидит без работы.

– А все-таки, кто попросил за неё?

– Директор бумажной фабрики, мой друг, Шалва Тодадзе.

– А что за человек Шалва Тодадзе?

– Приличный, но почему-то чересчур скромный по отношению ко мне. А это мне не нравится.

– Когда вы выходили из дома Эки, вы простились с ней?

– Нет, она спала.

– Дверь, если помните, вы закрыли, или просто прикрыли?

– Помню! Дверь я не закрывал, ибо у нас один ключ. Просто прикрыл!

– Бывали ли вы в селе у Эки?

– Нет! Кстати, я сам хотел кое-что спросить у вас, а вы вроде допрашиваете меня...

– Ещё несколько вопросов, конечно, с вашего позволения.

– Пожалуйста.

– В каких родственных отношениях находятся Калтамзэ Чихелидзе и Шалва Тодадзе?

– Они не находятся в родственных отношениях, так просто знакомы, – сказал Арчил и улыбнулся.

– Любовники?

– Не знаю, а может и так...

– Да. А что, Шалва не мог найти более подходящую?

– Не знаю, в детстве они любили друг друга... знаете, ведь, первая любовь...

– Хорошо! Батоно Арчил. Как вы думаете, у вас враги есть?

– Нет, не думаю... С уверенностью утверждать этого нельзя, но я никому зла не желаю!

– А у Эки?

– Нет! Врагов не должно быть, если есть то – завистники.

– Ещё один вопрос. Откуда вы узнали, что в реке нашли труп женщины?

– По возвращению из Тбилиси я пошёл прямо к Эке, но дверь её была закрыта, а я ей говорил, чтоб она без меня никуда не уходила. Когда я вошёл во двор, соседи Эки, не знаю почему, меня встретили как-то холодно. Может, не до меня им было! И, между прочим, расслышал такое: „В реке нашли труп какой-то женщины“. При этих словах мне чуть дурно не стало. И оттуда направился прямо к вам. Ведь при дурных вестях человек первым делом думает о своих близких! Но вы меня, кажется, успокоили. А правда, вы нашли кого-то в реке?

– Да, нашли!

– Кого? Женщину или мужчину?

– Женщину.

– Жаль, конечно! А личность установили?

– Нет, личность не установлена, но вот фотографию её нашли, – сказала Инга и посмотрела на прокурора, взглядом спрашивая: показать Арчилу фото или нет? Прокурор в знак согласия потупил взгляд.

Инга достала фото и посмотрев с восхищением, подумала: „действительно красавица!“ и передала

фотографию Арчилу. Арчил, при взгляде на фото, нечеловеческим голосом заревел: „Эка“!...

8

Через несколько минут с воем сирены к прокуратуре подъехала скорая помощь.

Арчила только в реанимации привели в чувство.

– Где я? – спросил Арчил, открыв глаза и увидел у своего изголовья врача в белом халате.

– Молчите, вы не должны говорить, у вас инфаркт, – сказал молодой врач и взялся за кисть Арчила для измерения пульса.

В это время в палату вошла старая женщина, мать Арчила, Ануки и, увидев своего единственного сына в больничной постели, сама чуть не стала объектом для скорой помощи...

Кое-как удалось врачам уговорить мать выйти из палаты, чтобы не причинить Арчилу новые волнения.

Арчил закрыл глаза... И вспомнились ему последние моменты жизни с Экой. Как они мечтали создать свой очаг! Как хотели зажить совместной жизнью вместе со своим матерями. Какие мечты лелеяли, связанные с будущими детьми и... вот, всё рухнуло!

Но Ануки конечно, не оставила сына, не ушла домой. Походив в коридоре больницы, она немного успокоилась и через некоторое время вернулась к сыну.

– Что случилось, сынок, расскажи мне? – обратилась мать к сыну, поправляя ему одеяло и глядя ему в глаза.

– Ничего не знаю: сказали, что Эку нашли в реке, и я потерял сознание. Больше ничего не знаю.

– Сынок, генацвале, я знаю, что вы больше жизни любили друг друга, В прошлый декабрь расписались в ЗАГСе, потом обвенчались в церкви, так почему тогда ты не привёл её, законную жену к нам, Я, разумеется, не упрекаю тебя, не дай бог, но почему, почему Эку сразу не привел домой?

– Не знаю, мама! Думал, создам хорошие условия, подготовлюсь к свадьбе, все шло хорошо, и вот, Эки нет!

– Что поделаешь, сынок, – после долгих раздумий сказала мать, – беда обычно наступает всегда неожиданно... Если бы беда постигала одинокого человека, он бы этого не вынес. Несчастье, горести с ним разделяют близкие друзья. Я помню, ты рассказывал мне о нашем писателе, приводил его слова. Жаль, не припоминаю его имени. Он еще писал про мальчика и его бабушку.

– Мама, я понял о ком и о чем ты говоришь. Ты имеешь в виду моего любимого писателя Нодара Думбадзе. Я тебе рассказывал о герое его романа „Закон вечности“. Находясь в больнице, как я сейчас, он, вспоминая и анализируя собственную жизнь, обнаружил, как сам говорит, закон вечности и об этом рассказал своему лечащему врачу, Вот эти слова, которые я специально выучил наизусть: „Суть этого закона заключается в том, что душа человека во сто крат тяжелее его тела. Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу. Страться

обессмертить души друг друга: вы – мою, я – другого, другой – третьего и так далее до бесконечности. Дабы смерть человека не обрекла нас на одиночество в жизни“. Вот что сказал наш знаменитый писатель.

– Вот, видишь, генацвале, человек, каждый из нас, своей жизнью, бедой или счастьем является примером для другого. Мне было ровно столько лет, сколько сейчас тебе, когда погиб твой отец! Я тоже хотела наложить на себя руки, но услышала твой плач, и этот плач призвал меня к жизни! С тех пор я растила тебя, приучая к добру и только к добру. Увы! Сейчас я думаю, может я была не очень права, ибо, когда человечество узнало силу добра, тогда же появилось и зло. Поэтому человек владеет обоими чувствами... А я тебя приучала только к добру... Вот тут, кажется, я ошиблась. Но что делать. Я сама не была приучена к злу!..

– Все это правда, мама! Но как мне жить теперь, без Эки? Скажи, посоветуй!

– Сынок, человек тогда бывает сильным, когда при невзгодах поступает умно. В беде надо выстоять, выдержать её натиск. Если бы человек ломался под каждым ударом злого рока, сколько бы было несчастных людей! Надо, надо выдержать, чтобы стать ещё сильнее! Ты же, мой Арчил, сильный и умом, и физически!

– В самую трудную минуту моей жизни, твой плач призвал меня к жизни! Так будь и ты мужчиной, выдержи этот удар и станешь ещё сильнее. И потом, подумай и о Феридэ. У неё ведь Эка была единственной любовью, а теперь ты должен заменить её собой! Под-

умай, в каком она теперь положении, убитая горем мать! И потом, кроме любви есть ещё чувство долга! Ведь только чувство долга перед твоей жизнью заставило меня выжить и поставить тебя на ноги! Или ты думаешь, что я не любила твоего отца! Но долг перед твоей жизнью, перед семьей моего мужа, заставили меня выжить!

Бог создал человека не для безвременной смерти, и потому он не имеет права думать о сокращении собственной жизни. Человек создан Творцом для жизни и мечты о счастье. Если человек, достигнув намеченной цели, перестанет мечтать, он погибнет, ибо без мечты нет жизни, а мечтать надо не о смерти, а о жизни.

– Мудра ты, мать! Наверно именно женщины, подобные тебе, спасли вселенную! – сказал Арчил и замолчал, не смог продолжать. Вероятно, действовало сильное душевное потрясение. Арчил закрыл глаза.

Мать смотрела на него минут пять и удостоверившись, что Арчил заснул, тихонько вышла из палаты.

9

...Через час мать снова зашла в палату сына. Арчил только что открыл глаза и, казалось, ждал появления матери. Мать уверившись, что Арчил вышел из потрясения, тихонько сказала ему:

– Тебе уже лучше, вон и губы порозовели, теперь я пойду и скоро приду.

– Куда идёшь мама?

– Пойду к Феридэ! Она понесла невосполнимую утрату. Надо пособолезновать, и поддержать, утешить. Какие мне слова найти!?

– Не ходи к ней! Может она ещё ничего не знает. Я позвоню прокурору и спрошу, как поступить, и знает ли она о своем несчастье.

Арчил нажал на кнопку электросигнализации и мигом в палату вошёл дежурный врач.

– Доктор, прошу вас, проведите сюда телефон или, подведите меня к телефонному аппарату.

– Но ведь вам разговаривать нельзя?!

– Можно.

Кто разрешил?

– Мать!

– О! – доктор улыбнулся. – Если это так, то нечего и говорить! – сказал он и вышел из палаты. Через минуту вошёл главврач, приветствовал мать Арчила. Измерив давление и послушав сердце, немного задумался и потом решительно сказал:

– Подведите сюда телефон!

Арчил набрал номер.

– Алло! Это вы? Здравствуйте, Давид! Вас беспокоит Арчил Цхададзе. Да, кажется ничего, выжил... Знаю вы очень заняты, но будьте добры, посетите меня в больнице... Да, неотложное дело... Заранее вас благодарю... Жду!

– С кем ты так почтительно говорил, сынок? – спросила Ануки, когда Арчил положил трубку.

– Говорил с районным прокурором Давидом Двали. Он сейчас придёт сюда и ты, не обижайся, мать, наша беседа не будет интересна тебе.

– Хорошо, сынок, я выйду в коридор.

– Может я нехорошо поступаю, но ты меня извини. Наша беседа должна происходить отдельно, без третьего лица.

– Хорошо, сынок! Может у тебя нет от меня секретов, но второй собеседник всегда считает третье лицо лишним.

Через полчаса в палату вошёл прокурор.

– В такую пору разве можно лежать в постели? – обратился Давид Двали к Арчилу.

– Наверно лучше лежать в гробу! – сказал Арчил и на глазах появились слёзы.

– Говорите, как подобает мужчине. Слёзы – защита для слабого пола, будьте мужественным. Правда, вас постигло несчастье, но в любом случае надо сохранить сознание, а у вас сейчас говорит сердце. Но сердце не может заменить разум, поэтому больше надо пользоваться умом, чтобы не перегрузить сердце. Зачем так мучительно страдать, убиваться из-за любимой!

– Не любимая была для меня Эка, а законная жена, которую любил больше жизни!

– В самом деле? Извините, я не знал об этом!

– А я думал, что прокурор знает все, что происходит в маленьком районе! Мы, я и Эка, 21 декабря, в день рождения Сталина, бракосочетались по всем законам в Тбилиси, а 25 декабря, в день рождения Христа, на Рожденственские праздники, отец Мелкиседек обвенчал нас.

– Эх, да привели бы её сразу домой!... Может, ваша мать уберегла бы её!...

– Вы должностное лицо, Давид, и прекрасно знаете

наши материальные и, главное, временные ресурсы, из которых не выкрадешь ни минуты для личной жизни, ибо они принадлежат производству, которое тебе вверено!

– Вы правы, Арчил, но ведь женитьба тоже государственное дело и в первую очередь, время, сэкономленное от работы, и деньги должны быть употреблены для своевременной женитьбы!

– Хорошо, батона Давид! Но не для этого я вас беспокоил. Видите, кажется, я ко всему привыкаю... Скажите прямо, мать Эки, Феридэ, знает о потере дочери?

– Нет! Пока не закончится следствие, ей не можем сообщить об этом!

– А как вы думаете, это убийство или самоубийство?

– Я думаю убийство, но это дело лучше меня знает следователь Инга Абашидзе.

– Это кто? Не та ли девчонка, что мне будто случайно протянула фото Эки?

– Именно она!

– Мне она неприятна. Я так думаю, что она и меня подозревает.

– Здесь ничего странного нет. Следователь обязан подозревать любого, кто имеет отношение к данному делу.

– Беспочвенное подозрение ужасный – шок для человека. Сама потеря близкого, уже страшное несчастье, и как выдержать человеку, который сам понес эту утрату, а его самого подозревают в содеянном!

– Вы правы, Арчил, но наш долг – искать винов-

ника, а не проявлять человеколюбие не к месту. Следственные органы должны подозревать всех, оказавшихся в поле действия происшедшего преступления, но не предвзято. И, не скрою, все факты говорят против вас, но мы должны благодарить Ингу Абашидзе, если я не дал санкцию на ваш арест!

– О! Проклятье! Сразу два удара я бы не вынес! Сегодня уже хочу жить! Не потому, что люблю жить, а потому, чтобы доказать свою любовь к Эке! Батоно Давид, я вижу вы меня готовите к ещё большему удару, но я же сказал: готов вынести ещё больше. Скажите прямо, где Эка?

– В морге!

– До каких пор она будет там?

– До тех пор, пока не закончится следствие и следователь не разрешит!

– Мне нельзя посмотреть труп?

– Можно, конечно.

– Тогда пойдём!

– Только тогда, когда разрешит врач.

– Ох, какие вы безжалостные!

– Да! Но вы же прекрасно знаете: жалость унижает человека!

– Я же говорю – мне хорошо!

– Об этом лучше знают врачи!

– Хорошо, я поговорю с главврачом! – Арчил нажал на кнопку электросигнализации.

Главврач не разрешил Арчилу идти в морг.

– Батоно главврач, – официально обратился Арчил к врачу и, чувствовалось, что он хочет выразить серьёзность в своём обращении, – у меня погибла жена

и, когда об этом узнал, мне стало плохо, но сейчас я здоров. У моей жены, кроме меня, никого нет! Вернусь и лечите меня, сколько захотите!

– Нет, это невозможно! Вы перенесли такой удар, что повторное душевное потрясение, а это более чем вероятно, для вас может быть роковым, и вас тоже придется предать земле, причем сразу после супруги. Поэтому я не разрешаю вам уходить и прерывать лечение!

– Так! Что же вы мне посоветуете?

– Больничный режим!

– Выходит я не смогу похоронить супругу!

– Вашу супругу не оставят без похорон и я категорически запрещаю вам даже думать об уходе! – сказал главврач и вышел из палаты.

Прокурор ещё побыл некоторое время, советуя Арчилу подчиниться увещаниям врача, и попрощался.

10

Он вошёл в кабинет главврача и дождался, пока тот рассматривал ленту кардиограммы.

Главврач кончил просмотр ленты и пригласил Давида сесть.

– Я к вам по очень важному делу.

– Слушаю вас и уверяю, что вашу просьбу не оставлю без внимания!

– Я по поводу Арчила. Он действительно так болен, что ему нельзя выйти?

– Конечно. В противном случае будут очень тяжелые последствия.

- Дело в том, что он ночью может тайком уйти.
- Как это – уйти? Он что, хочет со смертью поиграть?
- Не знаю, но думаю, будет лучше, если уговорим, чтобы за ним ухаживала сиделка.
- А у него есть сиделка.
- Кто же это?
- Его мать!
- Не подойдёт! Мать он сможет разжалобить, уговорить, или обмануть её и сбежать.
- Может быть. Но у меня другого выхода нет, – сказал главврач.
- Тогда я пришлю работника прокуратуры в гражданской одежде, только Арчил не должен знать об этом.
- Так и было решено.
- После ухода прокурора главврач зашёл к Арчилу.
- Как дела, Арчил?
- Хорошо, но по вашему приказанию мне положено лежать.
- Это просто необходимо! Мы, врачи, лучше знаем состояние здоровья своих больных и не имеем никакого морального права не заботиться о них.
- Хорошо! Но, мне сейчас больше всего нужно увидеть Эку! Пусть она мертва, но она, мертвая, мне скажет больше, чем мудрые слова прокурора и следователя!
- Поверьте, пока вы не должны видеть Эку. Ваше здоровье этого не позволяет. Пока вам надо забыть о ней! Вашей нервной системе нужен отдых, а сердцу – спокойный ритм работы. Мы должны уважать сердце,

его покой и не причинять ему боли, по крайней мере, неуместной.

– Не понял, – возразил Арчил, – сердце управляется мозгом. Как быть человеку, если он – мозг, не позволяет поступать иначе?

– Как это, не позволяет! Конечно, человек может поступить вразрез интересам своего здоровья. Но будет гораздо лучше, если он поступит наоборот, то есть в пользу себя, в пользу своего сердца!

– Знаете что, уважаемый мой человек! – сказал Арчил, – не думайте, что я решил лишиться себя жизни. Правда, после Эки мне как говорят – „свет не мил“, но, что сказать матери Эки? Или тем добрым людям, которые знали мою Эку?... Но боже мой, поймите, я не могу не видеть Эку перед похоронами!

– Нет и ещё раз нет! Вам нельзя столько разговаривать и тем более, двигаться! – уже решительно сказал врач и вышел.

11

В коридоре, перед своим кабинетом, врач увидел молодого человека, который сразу встал и представился.

– Важа Месхи! Прокурор прислал меня в ваше распоряжение.

Врач пригласил его в кабинет и спросил:

– Вы знаете почему вас прислали сюда?

– Нет, меня не вводили в курс дела, но сказали что-бы я подчинялся вам.

Врач, не показывая своего возмущения, сказал молодому человеку:

– Вы этой ночью должны дежурить у постели Арчила Цхададзе, и помните, ни в коем случае не должны подчиниться его воле или уговорам. Иначе будете наказаны прокурором.

– Не беспокойтесь, где это видано, чтобы представитель прокуратуры нуждался в предупреждении о нарушении закона!

– Я сказал своё! А Арчил лежит в реанимационной палате, можете приступать к исполнению обязанностей!

Важа вошёл к Арчилу и представился:

– Здравствуйте! К вам прислал меня прокурор на дежурство!

– Ох! Где же ты до сих пор! – Так удивлённо спросил Арчил, будто действительно с нетерпением ждал его прихода.

– Я долго дожидался главврача и потому задержался, – оправдываясь, ответил Важа.

– Он наверно дал тебе строгие инструкции по отношению ко мне!

– Это не имеет значения. Я служащий прокуратуры и подчиняюсь только законам.

– Дай бог тебе добра! Вижу с тобой можно найти общий язык. Вы, Месхи, кажется живёте в селе Марджеви?

– Да!

– Ивана и Георгия Месхи знаете?

– Как нет, они мои дяди!

– Что ты говоришь! Чей же ты сын, не Александра ли?

– Именно его!

– Так значит ты сын моего друга! Иди сюда, садись поудобнее, может немного отвлекусь от дум своих. Вы там, в прокуратуре больше всех знаете. Наверно и о причине моей болезни тебе известно?

– Да, конечно, знаю всё.

– Значит, тебе известно как идет расследование?

– Следователь попросила два дня у прокурора и, думаю, она не подведёт,

– А кто следователь? – спросил Арчил.

– Инга Абашидзе!

– Ах, эта, молоденькая! Да что она сможет расследовать! – недоверчиво сказал Арчил.

– Не смотрите на неё так, батано Арчил! Она настоящая „предсказательница“. Вот увидите, через два дня всё будет известно!

– Дай Бог, но у меня, почему-то, мало надежды!

– Нет, батано Арчил, Инга дальновидная юристка, и иногда даже прокурор с ней советуется, – с уверенностью сказал Важа и, видно было, что он восхищался Ингой.

– И какие же поручения тебе даны на мой счет?

– Прокурор прислал меня к главврачу, а тот направил к вам на дежурство, вот и всё!

– Хорошо! Ну, а ты женат? – Переменил тему разговора Арчил.

– Нет, пока!

– Чего ты ждёшь? Наверное, и невеста уже есть, а ждёшь удобного времени! Но, я тебе посоветую поспешить, а то видишь же, мир полон случайностей и, большей частью, неприятных. Хотя он, мир, никогда не был устроен так, как мечтает человек!

– Что поделаешь! Наша жизнь так построена, что нам её едва ли удастся изменить! Если ты сладок – тебя проглотят, если нет – выплюнут! Так что, надо быть ни сладким, ни горьким! Но не понимаю, как можно так жить! Представляете, человек, чтобы защитить свое человеческое достоинство, должен иметь или друзей или врагов, иметь медоточивый язык, или быть горьким...

– Ты прав, Важа! Человек имеет одну главную привилегию – это его право защищать собственное человеческое достоинство. Но беда в том, что добро, к сожалению, создает нам меньше друзей, чем зло. А наше достоинство и доброта создают нам же много завистников и злопыхателей. Так что многие только и ищут недостатки в других людях, чтобы на этом фоне самим казаться лучше!

– Вы правы, батона Арчил! Но мы обязаны выполнить свой человеческий долг всегда: неучей поставить на путь учения, а нуждающимся – протянуть руку помощи!

– А ты протянешь руку помощи человеку, который нуждается в этом? – спросил Арчил и посмотрел в глаза своему философствующему собеседнику.

– Ни на минуту не буду колебаться! Конечно, если эта помощь не противозаконна!

– А если я попрошу и моя просьба не будет противозаконной, поможешь?

– Конечно! Тем более я прислан в ваше распоряжение.

– Тогда я прямо скажу, а ты прими моё слово как хочешь, просьбой или приказом, только ты должен помочь!

– Говорите, и я не пощажу своих сил!

Арчил немного подумал и потом сощурился и, глядя прямо в глаза собеседнику, сказал:

– Ты уже знаешь – моя законная жена, моя любимая жена сейчас лежит в морге... Помоги, хочу её увидеть перед тем, как её похоронят...

– Да, но... Батоно Арчил. Это же противозаконно.

– Что тут противозаконного? Неужели супруг не имеет права увидеть свою жену, перед тем, как она навсегда покинет его. Не дай бог, но если бы ты оказался в безвыходном положении, я обязательно помог бы...

– Хорошо, батоно Арчил, не надо затуманить мое воображение... Но вы правы!... Труп вашей супруги исследован, экспертиза проведена основательно. Тут я не вижу ничего противозаконного. Но все таки я согласую с прокурором или следователем.

– Ну зачем нам чьё-то согласие. Об этом не узнает никто, кроме нас и, я думаю, не стоит сообщать всему свету!

И в этот момент они услышали звучный голос:

– Сынок, генацвале, – это была сидящая до сих пор молча, мать Арчила, – не мне тебя учить, но зачем ты хочешь украдкой пройти в морг, тем более ночью. Наступит рассвет и утром увидишь её, а если ты это сделаешь сейчас, без разрешения, дашь повод разным пересудам.

– Мать, сегодня хочу увидеть, потому что завтра врачи не разрешат мне выйти отсюда.

– Не разрешат? В таком случае, если это будет необходимо, уйдешь без разрешения.

– Так, ты советуешь подождать до утра?

– Конечно, сынок, ты же знаешь: – „вечер мудр, ночь советчица, а утро – мудренее“ – напомнила мать.

– Молодчина, тетя Ануки, да здравствует ваша мудрость! – не скрывая восхищения, вскричал Важа.

– Хорошо, раз вы все одного мнения, я подчинюсь большинству. Только скажите, пусть наш телефон включат в сеть, – сказал Арчил.

Спустя несколько минут, подняв трубку, он набрал номер. В трубке раздался ответ.

– Я звоню в квартиру Абашидзе – сказал Арчил.

.....

– Вы Инга?

.....

– Добрый вечер, вас беспокоит Арчил Цхададзе. Я конечно, извиняюсь за поздний звонок и беспокойство, но, поверьте не мог вытерпеть. И как только нашёл возможность, сразу позвонил вам. Как идёт расследование?

На другом конце провода что-то ответили.

– А можно будет завтра взять Эку из морга и отвезти её к себе домой?

Услышав ответ, Арчил поблагодарил собеседницу и довольным видом объяснил матери и Важе, что расследование идёт к концу и, что ему разрешили Эку взять домой, если он представит документы, подтверждающие их законный брак.

...На следующий день у двери морга собрались люди. Ждали работника прокуратуры. Тут же был Арчил. Он сидел в „Жигулях“, на заднем сидении, рядом со своей матерью.

Пришли и из прокуратуры. Смотритель морга, войдя туда, ввёл с собой работника прокуратуры и Арчила. Из „холодильника“ вынесли носилки, на которых лежал труп Эки... Арчил не выдержал и обнял зачоченевший труп... Его пытались отвести от носилок, но напрасно. Арчил, повторяя что-то невнятное, опустился на колени и... свалился на пол... Только тогда пришли в себя работники медицины, но увы! Было уже поздно... Арчил был мертв.

...В морг ворвалась мать Арчила с причитаниями: „Не мешайте, покажите мне моего сына! Мой ненаглядный! Мой герой! На кого ты нас оставил? Кого мне оплакивать – сына, невестку или внука?“ причитала она и била в грудь себя. Она долго лежала, обнявшись с сыном... Потом врачи, испугавшись за её жизнь, с трудом, но отвели скорбящую мать от умершего сына...

12

На шестой день после смерти Арчила, к прокурору вошла Инга Абашидзе и представила шестидневное расследование по данному делу.

– Батоно Давид! – начала она, – верю, что от вашего опытного глаза не скроются мои ошибки и поэтому прошу внимательно выслушать меня и дать указания на ведение дальнейшего следствия.

По данным следствия известно, что Арчил Цхададзе и Шалва Тодадзе были близкими друзьями. Шалва устраивает свою любовницу, Калтамзе Чихе-

лидзе, делопроизводителем к Арчилу, а не к себе... Возникает вопрос: не скрывается ли за этим какой-то умысел?

Сразу же, в день смерти Арчила, Шалва Тодадзе начинает борьбу за кресло директора фарфорового завода, вместо того, чтобы позаботиться о похоронах своего друга и его жены. В борьбе за кресло побеждает Шалва Тодадзе. Уже есть приказ о его назначении. Но я прошу дать санкцию на его арест, как соучастника убийства Эки Асанидзе, – здесь Инга на миг остановилась.

– Продолжайте! – сказал прокурор, слушая внимательно рассуждения своей молодой сотрудницы.

– Так вот, Шалва Тодадзе устраивает свою любовницу делопроизводителем к Арчилу Цхададзе, заранее сговорившись с ней, чтобы она, незаметно для директора, подсунула ему на подпись какие-нибудь документы, которые потом можно будет использовать для его компрометации. Цель – устранить его, т. е. Арчила, с поста генерального директора и самому сесть в его кресло. Поэтому Калтамзэ не оставляет без внимания ни один шаг своего директора.

15-го июля текущего года, Арчил поручает своему делопроизводителю послать телеграмму Эке Асанидзе. Текст телеграммы, как было отмечено на предыдущем совещании, Калтамзэ Чихелидзе не поняла и поэтому удесятирила внимание к своему директору.

17-го июля Калтамзэ увидела, как встретились Арчил и Эка и пошли к ней домой. Калтамзэ знала, что Арчил на следующий день должен был поехать в

Тбилиси и потому дождалась его выхода из квартиры Эки Асанидзе. Арчил вышел из квартиры в 11 часов вечера и направился к своему дому. Калтамзэ выходит из укрытия, входит незаметно в квартиру Эки (дверь оказалась назапертой на ключ). Она находит Эку уже спящей. Тогда в её голове созревает мысль убить Эку: убийство будет приписано Арчилу и его арестуют. Если даже смерть будет выдана за самоубийство, и тогда Арчилу не сдобровать: ведь их связь была общеизвестна, а Эка была беременна. В обоих случаях цель Шалвы Тодадзе, любовника Калтамзэ Чихелидзе, будет достигнута и они заживут в любви и согласии!

Калтамзэ приступает к исполнению задуманного плана. Она тихонько входит в ванную комнату, открывает кран и наполняет ванну. Потом подходит к спящей Эке, поднимает её (у неё на это хватило сил) и уже проснувшуюся и сопротивляющуюся, силой вносит в ванную комнату и топит в ванне.

Потом Калтамзэ привела в порядок квартиру, да так, что никто ничего не мог заметить и, успокоившись, позвонила Шалве.

– Дом Эки Асанидзе знаешь? Так вот немедленно приезжай! Машину поставь поодаль и заходи в квартиру незаметно!

Шалва догадался, что его ждет какая-то неожиданность, и немедленно явился в назначенное место.

Когда он увидел утопленную Эку в ванной, от внезапности вздрогнул, но, быстро взяв себя в руки, не подал вида и стал спрашивать Калтамзэ. Та объяснила задуманное и приказала бросить труп в реку,

чтобы всё выглядело, как самоубийство. Шалва снял в ванной веревку, взял труп и, никем незамеченный, вышел из дома... Калтамзэ осталась в квартире, ещё раз убрала все так, что никто не смог бы увидеть даже намёка на убийство, совершенное здесь, и закрыв на ключ дверь квартиры Эки Асанидзе, пошла к себе.

Батоно Давид! Это краткое описание проведенного мной следствия, прошу немедленно выдать санкции на арест Шалвы Тодадзе и Калтамзэ Чихелидзе. Более подробно они сами расскажут на допросе, так как у меня бесчисленное количество фактов, подтверждающих их виновность в этом деле.

– Знает ли Калтамзэ, что подозревается в убийстве?

– Чувствует и потому надо немедленно арестовать, чтобы не скрылась.

– А Шалва Тодадзе?

– Нет! Он наслаждается должностью генерального директора и так загордился, что даже не соизволил впустить меня к себе в кабинет.

– А с Калтамзэ беседовала?

– Да! Конечно! У меня есть её, в некоторой степени рассеянных, несколько ответов.

– Ух! – вздохнул прокурор и взялся за трубку телефона:

– Тенгиз, зайдите ко мне и возьмите с собой двух сотрудников!

13

Через несколько минут помощник прокурора стоял у стола и слушал распоряжение:

– Вот санкции на арест Шалвы Тодадзе и Калтамзэ Чихелидзе. Арест надо произвести немедленно и бесшумно!

Инга привстала и хотела уйти, посчитав беседу оконченной, но прокурор её остановил:

– Хочу удостовериться в твоих предположениях и потому их допрос проводите в моём присутствии.

...Выписка из протокола допроса Калтамзэ Чихелидзе.

„– Ваше имя, фамилия, отчество!

– Калтамзэ Ивановна Чихелидзе!

– Место и время рождения!

– 7 ноября 1945 года, село Кацхи Чиатурского района.

– Вы подозреваетесь в убийстве Эки Асанидзе и знаете, что чистосердечное признание облегчит наказание. Поэтому отпираться будет хуже для вас. Мы только что допросили Шалву Тодадзе и он указывает на вас, как на главное действующее лицо в убийстве Эки Асанидзе.

– Что?! – в бешенстве вскричала Калтамзэ, вскочив с места, – Шалико на меня указывает, да? Он хочет выйти сухим из воды, а меня упрятать в тюрьму! Не выйдет! Чтобы я отсиживалась в тюрьме, а он на свободе гулял с женщинами!... Я его посажу рядом с собой! Как он смеет оставить в беде меня одну!... Всю свою жизнь я посвятила ему и его карьере, а он сразу

без зазрения совести бросает меня и на меня же сваливает всю вину? Не выйдет! Жестоко ошибается... Я хорошо понимаю, какое совершила преступление, но и его не оставлю на свободе!... Пусть сидит рядом со мной!..

Да! Я совершила преступление, но не одна!.. И не потому что ненавидела Эку Асанидзе, а потому что любила Шалву! Да!.. Не удивляйтесь!... Да я не красива, как Эка. но я полюбила очень сильно... Ради любви я пошла на все, даже на убийство!... Но, оказывается, чем больше жертвуем мы для мужчин, тем более от презирают женщин и хотят избавиться от нас!...

– Вы рассуждаете логично, калбатано Калтамзэ, и по вашим словам чувствуется ваше образование. Но давайте говорить по существу дела – прервала следователь философствование обвиняемой.

– Извините!.. Но чтобы узнать суть преступления, я думаю, надо знать побудительную причину этого преступления!... Поэтому позвольте рассказать все сначала. Может быть для вас не очень интересна моя жизнь, но...

– Ошибаетесь. Для нас, для следствия вообще очень важны жизнь обвиняемого, его внутренний мир, побуждения, которые довели до преступления. Так что говорите! Только постарайтесь быть ближе к сути дела.

– Детство у меня было нерадостное. Мать рано умерла. Отец женился, и скоро моя жизнь в отцовском доме стала невыносимой из-за характера мачехи. В 14 лет я тайком ушла из дома и пришла в Чи-

атура к родственнику со стороны матери. Скоро по протекции родственника устроилась уборщицей в одной из торговых организаций. Тогда же поступила в школу рабочей молодежи. В моем классе учился такой же безродный как и я, но очень красивый парень. И я влюбилась в него. Это был Шалико – Шалва Тодадзе. Он, конечно, воспользовался этим и между нами начались страстные, необузданные встречи. В дождь ли, в стужу ли мы всё время старались быть вместе, и вот однажды, в каком-то заброшенном доме, я потеряла свою девственность. И затем, при каждом его приглашении, я бежала к нему. Так в украденном счастье я провела свою молодость. Окончила школу. Шалико, правда не блистал знаниями, но каким-то образом устроился в институт, и закончив механический факультет, стал инженером. А я окончила курсы машинисток-делопроизводителей. Зная характер Шалико, я совсем не лелеяла надежду, что стану женой своего возлюбленного. Он совершенно не ценил мою любовь и пользовался мной, просто как женщиной. Теперь во мне было одно желание – удержать Шалву около себя как любовника. Я, не стыдясь никого и ничего, вертелась около него, лишь бы быть рядом с ним. Он пользовался моей собачьей преданностью и заставлял делать разные противозаконные дела. Не скажу, что я не обрадовалась его назначению директором бумажной фабрики, но, узнав, что его секретарша молода и красива, задалась целью выжить ее со своей работы. Шалико разгневался: „Что скажет народ, если я ее уволю и тебя назначу?“ Но я ни на что не обращала внимания, ибо для меня главное было на-

ходитья рядом с Шалико. Конечно, у него были другие знакомые женщины и он несколько раз собирался жениться, но я всегда узнавала об этом и каждый раз мешала его женитьбе. А однажды, когда в очередной раз я помешала его женитьбе, он так разгневался, что чуть не убил меня, но я предпочитала быть убитой его руками, чем видеть или чувствовать, что мой Шалико разделяет ложе с другой!

14

Так шли годы. Должность директора всегда престижна и доходна и, тем более, если человек изворотлив. А Шалико в этом деле мастер. Он быстро сошелся со своим высшим начальством и в результате, как говорят, „аппетит приходит во время еды: захотел подняться ещё выше.

Однажды он мне сказал, я что должна перейти на место делопроизводителя к Арчилу Цхададзе. Шалико поручил мне подсунуть ему подложные документы на подпись, разворошить финансовые дела, чтобы добиться его снятия или ареста. Таким образом, Шалико хотел устранить Арчила, чтобы самому сесть в его кресло! Я долго противилась, но в конце концов согласилась.

Перейдя к Арчилу в делопроизводители, я попыталась выполнить поручение Шалико. А это было возможно, ибо круглая печать была в моих руках. Но не тут то было. Арчил Цхададзе не был руководителем того ранга, которого можно было легко

провести. Он сам проверял все цифры, все приказы, всю документацию всех отделов, да так профессионально, что можно было подумать: он и бухгалтер, и экономист, и плановик, и кадровик. Все службы своего объединения он знал, как говорят, „от альфы до омеги“. Не добившись ничего, я стала изучать его личную жизнь...

– Хорошо! Я перебую вас. Дружил ли Шалва с Арчилом? – спросила Инга.

– Дружил, да ещё как! Они давнишние друзья. Но ведь предательство – дело рук друзей! Как поступает предатель: говорит сладким языком, приятно и уверенно, чтоб никто не сомневался в его искренности. Честный, уверенный в дружбу человек, всегда попадает в сети предателя. Кто может знать, что думает собеседник, когда говорит с тобой? Ведь злые люди говорят одно, а думают другое. Мне противен стал Шалико, когда он начал расставлять сети Арчилу. Но, что делать: ведь я любила его, была его рабыней!... Я стала изучать жизнь Арчила Цхададзе и передо мной встала... вся моя прошедшая жизнь. Такое же безрадостное детство, как и у меня. И он рано остался без отца. Растила его в бедности мать. Но он не стал на такой путь как я. Своим трудом и упорством он достиг положения в обществе и должности. А теперь вот, такой мерзавец, как Шалико, с моей помощью пытался уничтожить его. Но что я могла сделать? Я была роботом, покорная слуга в руках у своего любовника!

Я действительно жалела мать Арчила и, когда увидела, как над трупом Эки умер её возлюбленный Ар-

чил Цхададзе – я сказала себе: „Оказывается и мужчины могут любить“, и чуть было не вскрикнула: „Что я наделала, идите, люди, казните меня!!! Но не смогла...“

Когда я Шалве объяснила свое душевное состояние, он и не обратил на это внимания, так был занят своей карьерой. А я каждую минуту ждала вызова и дрожала. Когда рассуждаю о прошлом Шалвы, я удивляюсь. Он не был таким бессердечным. Он близко к сердцу принимал чужую беду. Неужели его переменяли должность и деньги? Смерть Арчила Шалву не поразила, а наоборот... не хочу греха брать на душу, но в его глазах я заметила удовлетворение...

15

Но все это было после смерти, а до того, я все продолжала изучать жизнь Арчила и легко установила, что Эка уволилась с работы из-за беременности. Узнав это, я надеялась обвинить Арчила в сожителстве со своей секретаршей, но оказалось, что Эка была в законном браке с Арчилом, даже в церкви были обвенчаны.

Как работница, устроенная по протекции лучшего друга, я пользовалась доверием своего директора и не давала никаких поводов к подозрению. 15 июля Арчил поручил мне послать на имя Эки телеграмму, которая была вся в цифрах, смысл которых, сколько ни старалась, я не поняла. Это меня насторожило.

Живём мы в маленьком городке и всё всем известно друг о друге. Арчил, тайком от меня не смог

бы действовать. 17 июля Арчил пришёл к Эке в 6 часов вечера и пробыл там до 11 часов. Я в это время ждала его ухода в кустах, напротив дома Эки. В 11 часов он вышел из дома, завел свои „Жигули“ и умчался. Я немного подождала, потом тихонько поднялась на этаж Эки и подойдя к её двери, чуточку толкнула её – дверь поддалась. Она оказалась только прикрытой, но не запертой на ключ. Я вошла и увидела... Боже мой!... Вам приходилось видеть картину испанского живописца Гойи „Обнаженная Маха“?.. Точно она ожила перед моими глазами. Я не могла оторвать взгляд от её удивительно изящного, прекрасного тела... Эка лежала на диване и вероятно, довольная жизнью, чему-то улыбалась во сне. Наконец я пришла в себя и тихонько выйдя из квартиры, опять зашла в кусты и долго думала о дальнейших действиях. Я завидовала красоте Эки. Ко мне пришла мысль: изувечить её. Но поднять руку на такое совершенство, у меня не хватило смелости и я решила пойти за советом к Шалве.

Подойдя к дому, я постучала ему в окно. Он впустил меня, взял в охапку и, уложив на диван, сначала удовлетворил свою плотскую прихоть. Лишь после этого поинтересовался причиной моего столь позднего визита. Когда он узнал, что Эка одна спит дома, и дверь не заперта на ключ, вскрикнул от радости, будто предвкушая исполнение своих намерений.

– Да, она дома и спокойно спит на диване – сказала я.

– Наверное, все соседи знают, что Арчил был ночью у Эки. Поэтому, если мы убьём Эку, то убийство

будет приписано Арчилу. Но, если это будет сочтено за самоубийство, а мы все сделаем, чтобы всё выглядело именно так, нам и в этом варианте ничего не грозит.

Когда Шалва говорил об этом, у него блестели глаза.

– Нет! Я не стану соучастницей в этом деле, – сказала я, – она такая красивая!

– Что, красивее моей любви?

– Что за сравнение! Неужели ценой убийства надо доказать свою любовь?

– Ты сделаешь это ради моей любви. Это будет доказательством твоих чувств и послужит ещё одним аргументом, который еще теснее соединит нас.

– Не могу! Я не буду соучастницей в этом убийстве.

– Не соучастницей, а убийцей. Соучастником буду я!

– Ох, Шалва! Ты погубил меня! Лучше я наложу руки на себя, и ты сможешь увериться в моей любви! Но этого я не сделаю.

– Тогда убирайся отсюда, и забудь мое имя, – крикнул Шалва и оттолкнул меня от себя. Тогда я применила самое грозное оружие женщины: слёзы. Со слезами повисла у него на шее... Он обнял меня, стал целовать в глаза, осушая слёзы и сказал, посадив меня к себе на колени:

– Давай спокойно обсудим положение. Ну чего ты боишься? Мы же вне подозрения.

– Да, но жалко и её и его!

– Хватит! Чтобы достичь моей цели, стоит рискнуть! Не будем терять времени! – и силой вытолкнул

меня из комнаты. Сам запер дверь и, посадив меня в „Жигули“, помчался к дому Эки. Машину оставили в метрах 50-ти от дома. Мы тихонько поднялись на этаж Эки. Дверь опять была не на замке. Эка, чуть изменив положение, лежала в постели. Шалико на цыпочках подошёл к спящей, подставил одну руку под шею, вторую под бедро и, пока она поняла в чём дело, занёс её в ванную. Он опустил её в ванну, которая была полна воды, и утопил в ней. Она сопротивлялась, но не смогла вырваться из сильных лап Шалвы. Через минуту всё было кончено.

Шалва и я одели Эку в ее лучшее платье и он унёс её в машину, прихватив верёвку, а мне приказал убрать в квартире, да так, чтобы никто не заметил нашего пребывания в ней. Я до рассвета убрала все и, подобрав со стола ключи, закрыла дверь и ушла...

16

В кабинете воцарилась тишина. Потом тишину нарушила Инга, спросив Калтамзэ:

– Вы же догадались, что я напала на след, почему не явились с повинной?

– Боялась. Знала, что рано или поздно арестуют, но сама прийти боялась. Ещё больше страшилась Шалвы. Когда представляла его глаза при убийстве Эки, я дрожала всем телом. После этого я стала ещё более покорной рабыней. Так и дрожала перед ним. Он, наверное, намеревался и меня убить, чтобы вовремя отделаться, избавиться от свидетеля преступления. Был уверен,

что никто не будет подозревать его – друга Арчила, человека в должности генерального директора!

– Сейчас сожалеете о содеянном?

– Да! Сожалею, что не смогла спасти Эку, не смогла уберечь Арчила от этого завзятого негодяя и, больше всего сожалею, что этими руками не убила убийцу. Но, надеюсь, что правосудие сделает это без меня.

Инга достала с машинки напечатанный листок и положила перед Калтамзэ:

– Прочтите свои показания и подпишите.

Калтамзэ, и не взглянув на лист, подписала и сказала:

– Я рассказала всю правду. Теперь поступайте как хотите. Я наконец облегчила свою душу и прощения не прошу.

Инга позвонила дежурному и Калтамзэ увели

Прокурор, немного подумав, спросил

– Допрос этого Шалвы или Шалико прошу без меня не проводить.

Инга и прокурор договорились допросить Шалву после перерыва...

...В кабинет прокурора ввели Шалву Тодадзе. Генеральный директор волновался. Лицо его окаменело, а глаза метали молнии.

– Садитесь, – указала Инга на стул.

– Нет, постой! – упрямо выкрикнул Шалва.

– Здесь приказываю я! – сказала чуть громче Инга, – садитесь!

– Ваше приказание на меня не действует! – нагло заявил Шалва, – я буду бороться, сегодня же обращусь в соответствующие инстанции, если вы сра-

зу же не объясните причину моего ареста! И вообще, имеете ли вы право арестовывать одну из заметных фигур района, я по этому поводу обращаюсь в вышестоящие органы. Там разберутся с вами!

– Вы подозреваетесь в убийстве Эки Асанидзе, на что у нас есть неопровержимые доказательства.

– Что? Кто такая Эка? Я понятия не имею о её существовании! Почему я должен был убивать какую-то Эку?

– Из-за карьеры, должности.

– А какая была должность у Эки, чтобы убивать её?

– Не у неё, а у её мужа! Это должность, которую вы сейчас занимаете!

– В таком случае, если я мечтал о должности мужа, надо было убивать Арчила, а не его жену, – сказал Шалва и осекся, почувствовав, что допустил промах, но уже было поздно.

– Значит, вы знали Эку Асанидзе?

– Да, – вынужден был признаться Тодадзе

– Как вы её знали?

– Как жену Арчила!

– В каких отношениях вы были с Арчилом?

– В очень хороших! Мы были друзьями.

– И вы ни разу не были на панихиде?

– Я сказал, что был другом Арчила. Он умер, К кому приходиться на панихиду? К матери? Что сказать? Что её сын был хороший человек и, что он скоро вернётся? Или вы научите меня, как принести соболезнование убитой горем матери!

– Так! По-вашему, друзья должны оставить родных усопшего друга без внимания?

– Нет уж, извините, я не оставлял родных умершего друга без внимания. На второй день после его смерти, я послал семье деньги, вино, лимонад, „Боржоми“, рыбу и заказал ко дню похорон хлеб. А чтобы из-за жарких дней продукты не испортились, во дворе Арчила поставил автохолодильник.

– Чем обусловлено, что вы так поспешно заняли место своего друга?

– Как это „поспешно“? Жизнь – это борьба за существование, за должности! Как вы думаете, если бы место Арчила занял кто-либо другой, а я после этого бы начал борьбу, то смог бы победить? А почему кто-то другой должен был завладеть местом моего друга, а не я? Кто больше будет помнить и чтить личность Арчила – я, его друг, или другой? Я отказался бы от этого места в том случае, если бы его уволили или понизили в должности. И это с моей стороны означало бы протест. А в данном случае я ничего зазорного не вижу в том, что занял кресло генерального директора. Я повторяю свой вопрос: в чем меня обвиняете?

– Я же вам сказала и еще раз повторяю: вы подозреваете в убийстве Эки Асанидзе.

– И я повторяю: не сводите меня с ума! Подозревать невинного человека в убийстве, это не подозрение в краже, скажем, спелых слив из деревенского сада.

– Не надо „сходить с ума“! Мы можем утихомирить и сумасшедших. Мы ведь до сих пор не подозревали вас ни в чем. А вот теперь, у нас есть определенная версия и потому „беспокоим“ вас.

– Так назовите же эту „определенную версию“.

– Где вы были в ночь с 17 на 18 июля?

– Дома! Между прочим, лег рано и спал спокойно до утра.

– Вашу машину видели в 2 часа ночи на посту №1. Но, зная номер вашей машины и вас, местный инспектор, когда вы вновь, через полчаса, проехали, не остановил. Вот рапорт дежурного автоинспектора, – следователь показала рапорт Шалве.

– Я сказал, что спокойно спал до утра! А вот утром, когда выглянул во двор, моей машины не оказалось. Выскочил из дома и увидел ее на улице, около моих ворот. Тогда, как вечером, перед сном, машину я поставил во дворе, ворота закрыл изнутри на замок. А утром ворота были сорваны с петель и машина выведена на улицу. Осмотрел я спидометр (у водителей всегда в таких случаях появляется необходимость в осмотре машины) и обнаружил, что машина пробежала за ночь 18 км. Ворота с помощью случайного прохожего повесил на петли и поспешил заявить о случившемся в отделение милиции.

– За рулем видели вас!

– Явная ложь! У моей машины светонепроницаемые стекла и узнать в нём кого-то, просто невозможно.

– В каких отношениях находитесь с Калтамзэ Чихелидзе?

– В очень хороших. Она на год старше меня и знаю ее с 13-летнего возраста, но до сих пор я не женат. У неё личные интересы ко мне, и потому, что я на ней не женился, может всё наговорить на меня. Принять

её показания или устроить с ней очную ставку я отвергаю, это не правомерно!

– Хорошо! Мы и не собираемся устраивать очную ставку с Калтамзэ. А вот вы знаете вашего соседа Василия Такидзе?

– Конечно знаю!

– Какой он человек?

– Приличный! Но и его показания будут небеспристрастны, так как между нами уже давно идет спор о земельном наделе.

– Дай бог, чтобы хотя бы Нино Чхеидзе не была в конфликте с вами, а то можно подумать что весь мир восстал против Шалвы Тодадзе.

– А кто такая Нино Чхеидзе?

– Нино Чхеидзе – соседка Эки Асанидзе. Она страдает бессоницей (есть медицинское заключение), так что в ночь на 18 июля она видела, как вы вошли в квартиру Эки и вынесли оттуда что-то завернутое, большое. По её же утверждению, из той же квартиры через 2 часа вышел ещё один, незнакомый для неё, мужчина. А этот „незнакомый мужчина“ была некто иная, как Калтамзэ, которую вы оставили в квартире, чтобы она убрала все и не оставила даже отпечатков пальцев.

– Так вы сами сказали что Нино Чхеидзе больна, а я больных в свидетели не признаю!

– Хорошо! А что вы скажете о человеке, который здоров как бык, спортсмен и работник милиции Джансуга Пхаладзе?

– Такого я не знаю. Как видно, вы довольно хорошо подготовили ваш шантаж, чтобы прижать меня к стенке.

– Ладно! – чуть повышенным тоном сказала Инга, – а вот сейчас какую вы найдете причину, чтобы отказать в доверии сторожу рынка Пармену Цуцкиридзе? Не думаю, что он тоже может быть вашим врагом! Вы наверное прекрасно помните, как беседовали с ним той ночью и при расставании предупредили, чтобы он никому не сказал о том, что видел вас!

– Всё это подстроено! Я буду жаловаться генеральному прокурору и вы дорого заплатите за это!

– Обвиняемый Шалва! Не надо кричать и устраивать сцены, они действуют лишь на слабонервных! Мы не настроены против вас. Скажу больше, прокурор Давид Двали даже симпатизирует вам. Но такие, прямо сказать, детские выходки, не говорят в пользу генерального директора.

Мы можем осудить вас, имея двух или трех свидетелей, но основной свидетель Калтамзэ Чихелидзе, соучастница преступления, утверждает, что Эку Асанидзе в ванной утопили вы, своими руками! Но это мне кажется маловероятным, ибо в квартире Эки Асанидзе вы пробыли, по утверждению Нино Чхеидзе, всего 5 минут. Этого времени вам бы не хватило, чтобы убить Эку Асанидзе, одеть, завернуть и донести до машины, которая стояла в 50-ти метрах от дома Эки Асанидзе. Будет лучше, если вы скажете правду, и во время очной ставки с Калтамзэ сами можете установить истинную картину преступления. Я сейчас прочту вам показания всех свидетелей, которые не имеют никаких личных интересов к вашей личности.

Сначала – показания сторожа рынка Пармена Цуцкиридзе:

„... Было около двух часов ночи, когда у поворота к Кверети остановилась автомашина „Жигули“ А-36-98 ГГ, а я стоял у входа на базар. Когда машина остановилась, я любопытствовал и подошёл. Из неё вышел директор бумажной фабрики Шалва Тодадзе и направился к коммунальному дому, но увидев меня, повернулся и подошел ко мне.

– Ох, это ты Пармен? – спросил он.

– Да, я, батона Шалва! Случилось что-нибудь? – спросил я и подошёл к нему.

– Нет, бичо,* ты же знаешь, я холостым хожу, иду к одной знакомой! и будь другом, никому не говори, что видел меня в этот час здесь, а то, знаешь, пойдут пересуды, то да сё, напрасно скомпрометируют бедную женщину... А это тебе, положи в карман, и уходи отсюда! – сказал Шалва, сунув мне в нагрудный карман сторублёвку и повернул меня к рынку.

Меня разбирало любопытство. Если Шалико идёт к любовнице – то почему даёт мне столько денег? Подумал я и спрятался за перилами моста... У кого Шалико был в квартире не знаю, но через пять минут он вышел и вынес что-то завернутое и длинное, держа перед собой. Свою ношу он положил на заднее сидение, сам сел за руль и помчался в сторону Чиатура.

---

* Бичо – мальчик, парень – в просторечии употребляется как обращение.

Скоро вернулся. Я сидел у входа на рынок, и он проезжая мимо, крикнул мне:

– Запомни, что я сказал, держи язык за зубами! – и направился к своему дому.

– А может вы ошиблись?

– Как ошибся! Я что, потерял память. Это был Шалва Геронтович Тодадзе. Если бы я страдал склерозом, не работал бы на таком ответственном месте!

– гордо произнес сторож рынка.

– А не видели ли вы кого-нибудь ещё, выходящего из дома?

– Нет! Я караулю не дом, а рынок! А Шалву я запомнил потому, что так поздно почти никто не ездит. А этот... И как не запомнить! Месячную зарплату подарил мне!...“.

Несколько мгновений в кабинете была тишина.

А затем Инга нарушила её:

– Под протоколом допроса стоит подпись свидетеля и, если вы нам не доверяете, можем устроить очную ставку.

– Да пошёл он к чёрту! Я виноват! Надо было и его пристукнуть. Ну кто, кроме дурака оставляет в таком деле живого свидетеля! – Крикнул Шалико.

– Вот протокол допроса вашего соседа Василия Такидзе, – протянула Инга лист с записью допроса свидетеля.

– Да, не надо мне показания Василия, знаю, что он скажет: что я приехал поздно, поставил машину на улице, а ворота снял с петель и поставил рядом! Он всю ночь не спит и следит за мной!

– Чьё же показание вас интересует?

– Интересно, что говорит обо мне Калтамзэ Чи-хелидзе...

– Пожалуйста! – сказала Инге и начала читать показания Калтамзэ. Шалва слушал внимательно, но иногда он приподнимался, краснел, ерзал и кусал губы. Видно было что нервничал.

Когда Инга окончила чтение показания, Шалва крикнул возмущенно:

– В уродливом теле – уродливая душа! Все, что касается убийства, эта сука врёт, только когда она говорит о любви – правда!

– Вот потому я и говорила, что не надо отпираться. Я уверена – не вы убили Эку. Не могли вы за пять минут сделать все то, о чём говорит Калтамзэ. По показаниям свидетелей вы приехали один и через пять минут уехали из дома Эки Асанидзе. Отсюда следует, что Калтамзэ сама убила Эку, утопив её в ванной, одела её, уже мёртвую, завернула, приготовив к транспортировке, потом позвонила вам, сказав чтобы вы приехали немедленно на машине к дому Эки Асанидзе, и поставили машину поодаль. Вы почувствовали что-то неладное и подчинились её приказу. Когда вы вошли в квартиру Асанидзе, Калтамзэ объяснила положение дел и сказала, что надо немедленно убрать труп. Конечно вы подчинились, ибо по вашему приказанию она делала всё, чтобы любыми способами убрать Арчила с вашего пути.

Как видите, у нас нет личных интересов. Следствие достоверное, беспристрастное... Так как вы не желаете выслушать показания других свидетелей, завтра мы устроим очную ставку с Калтамзэ и тог-

да разъяснится истинная картина преступления И мы думаем, что с вас будет снято обвинение в убийстве Эки Асанидзе. Но знайте, это уже не версия, а аксиома – криминальная аксиома.

– Почему завтра, а не сегодня?

– Сегодня уже поздно!

– Теперь уже я никуда не спешу! Можно и сегодня это сделать, если возможно, – сказал уже не то с просьбой, не то со смирением Шалва Тодадзе.

– Хорошо, сделаем это сегодня! – сказала Инга и вызвала дежурного.

– Введите Калтамзэ Чихелидзе! – сказала Инга таким непоколебимым, твердым голосом, что Шалва вздрогнул.

18

Через несколько минут ввели Калтамзэ Чихелидзе. Она почтительно поздоровалась с прокурором, но когда увидела Шалву Тодадзе – вздрогнула от неожиданности, растерялась и как то сникла, хотела даже повернуться, но Инга указала на стул и она покорно села.

– Обвиняемая Калтамзэ Чихелидзе! – спокойно начала Инга, – с вашими показаниями не вполне согласен соучастник преступления Шалва Тодадзе. Следствие тоже подозревает, что ваши показания не соответствуют действительности. Поэтому следствие решило устроить вам очную ставку и, еще раз предупреждаем, что ложные показания караются законом.

– Я не давала ложных показаний. Желаете или нет, вы должны верить моим словам, так как других свидетелей там не было и не могло быть.

– Зато существует другая версия, которая говорит: в ту ночь вы не были у Шалвы дома и не сидели у него в машине.

– А почему тогда не „заговорила другая версия“, когда он обесчестил меня и навсегда изувечил мою жизнь? – с воплем в голосе выпалила Калтамзэ, – И я хотела иметь семью, иметь детей и быть такой же женой и матерью, как многие другие, но он чуть ли не полвека, заставляет меня во всем поступать противозаконно!...

– Что я заставлял тебе сделать противозаконного? Разве я сказал тебе: убей Эку и сделай меня соучастником убийства?

– А для того, чтобы убрать Арчила не ты ли употребил меня? Что, мало было тебе собственного дома, автомашины, заграничной мебели, женщин, ресторанов? Захотел более высокой должности и вот куда привели тебя твой карьеризм, жажда верховодить везде! Так тебе и надо!

Никогда ещё изменник друга не радовался долго в жизни и ты не смог! Одним махом было стёрто твоё величие. Конфискуют твоё богатство и наконец, кем будешь ты, если выйдешь из тюрьмы? Старый, отбывший наказание безработный, у которого не будет ни дома, ни машины, ни мебели и, что главное, не будет семьи. Некому будет оплакивать тебя, когда умрёшь в одиночестве! Кто ты такой? Временщик, который вскарабкался на гребень волны и плыл пока тебя не

узнали, а теперь ты – ничтожество, убийца! А ведь рос в бедности, но забыл и школу рабочей молодёжи, и голод и любовь! Обожрался! Рвался всё выше, а назад не смотрел! А я, я тоже хороша! С детства прилипла к тебе и сделала тебя своим идиолом! Но сейчас уверилась, что нет у меня любви к тебе... Так как готова задушить тебя. Тебя, мою первую и последнюю любовь. Но разве существует любовь, если ее обрекаешь на смерть. А я с удовольствием задушила бы тебя. Я знаю, ты давно убедился в этом и решил убрать меня. Но женским чутьём я догадалась об этом. Однако я не хочу твоей смерти! Я хочу, чтобы ты жил и мучился. Я решила сесть рядом с тобой в тюрьму. Там, в женской тюрьме, я буду первым лицом! А в мужской ты будешь последним лицом! Не спорь со мной, знаю что хочешь сказать. Чтоб я выпалила: „задушу тебя, как Эку“. Нет! Я не оговорилась. Эку я убила! Убила, чтобы убийство приписать тебе, а не Арчилу! И припишу! Но если я своего на достигну, то тебе, для мучения достаточно будут и те грехи, которые ты совершил! Ты только и знал всю жизнь, как обманывать других. Обманывал начальство, обманывал сослуживцев, друзей, обманывал женщин, так же, как и меня. Но обман никогда не остаётся тайной! Правда всегда восторжествует!...

Арчил умер, хотя и не твоими руками, но в результате твоих махинаций! Потом уже, во время похорон, ты сделал благородный жест, чтобы скрыть свои намерения. Как назвать этот жест? Щедростью благородного друга?! Но ты ошибся. „Шила в мешке не утаишь“, я знала, что ты в конце

концов предстанешь перед правосудием. И все те, кто в тебе видели честного, трудолюбивого человека и друга, увидят корыстолюбивого карьериста и предателя друзей!

Ты достиг своей цели: начал с моего обещания и добрался до вершины человеческой подлости – преступления перед другом. Но и я достигла цели: не сможешь уйти от правосудия, и вместе со мной будешь сидеть на скамье подсудимых! Преступление и наказание!

– Хватит, сука! – крикнул Шалва и вскочил с места.

– Не ори. Я долго была твоей покорной рабыней, а сегодня освободилась. Не кричи, сам ты, кобель, теперь ты мне ничего не сделаешь! „Моя милиция меня бережёт“... Не напрасно сказал поэт.

– Почему обвиняешь меня в том, что я не делал?

– По твоему приказанию случилось всё, что я совершила. И того достаточно, что я обвинила тебя в убийстве. А в действительности ты активный соучастник и этого хватит, чтобы упрятать тебя в тюрьму.

– О тебе говорят, что ты красив, а обо мне – уродка! Плевала я на такую оценку. Неужели в людях ищут только физическую красоту? Разве ты красив душой? Кроме футляра, который носит твоя душа, ты весь урод. Преступник и зверь – в красивом облике человека. Я кончила! Остальное скажу на суде. Теперь, гражданин прокурор, прикажите отвести меня в мою любимую камеру.

– Я вас вызвала не для того, чтобы вы прочли обвинение Шалве Тодадзе. Если у вас есть другие об-

винения кроме того, что вы написали в первом показании, то давайте пишите вновь. – Инга протянула лист бумаги обвиняемой Калтамзэ. Но она не взяв лист, сказала:

– Я не изменю показания!

– Хорошо! Мы написали всё о том, как было совершено убийство и представим суду. Мы начали следствие, взяв как исходную точку, огрубелые кончики пальцев Эки Асанидзе, напали на след, нашли убийцу и соучастника и теперь можем представить показания суду.

– Хорошо! Я согласна дать новые показания и написать всю правду. Только вы скажите, сколько лет тюрьмы грозит нам?

– Будь вы мужчиной, не миновали бы расстрела, но женщинам не дают больше 10 лет. Я думаю этого для вас достаточно.

– Меня больше интересует мера наказания соучастника преступления Шалвы Тодадзе.

– О! Ему, как говорят, „светит“ больше – лет пятнадцать!

– Очень хорошо! – с радостью воскликнула Калтамзэ. – Вот теперь с удовольствием напишу правду, которую вы уже знаете лучше меня. Надеюсь, суд учтет правдивое показание, написанное рукой преступницы! – с довольной улыбкой сказала Калтамзэ и придвинула к себе лист, чтобы писать всю „правду, и только правду“ о преступлении, совершенном ею, вместе со своим любовником...

А в противоположном углу сидел Шалва Тодадзе, примирившись с судьбой. Он уже не говорил таким

тоном, как при входе в кабинет прокурора, не грозил жалобой в высшие инстанции. Сидел тихо и тоже писал... „правду, и только правду“...

***

Целую неделю, не прекращаясь, шел дождь. А потом солнце рассыпало свои лучи на природу и дало почувствовать всему живому миру, что жизнь продолжается...

В то время, как в прокуратуре г. Сачхере убийца Эки Асанидзе писал признание в убийстве, во дворе Арчила Цхададзе собралась толпа народа. Все с заплаканными глазами и тяжелыми сердцами скорбили по двум погасшим жизням. Это действительно было для очевидцев ужасным зрелищем. В одном гробу лежали два безжизненных тела, одетые в свадебные одежды. Только человек с каменным сердцем смог бы без слез смотреть на доселе невиданную и неслыханную трагедию.

Не только люди, но и овчарка Арчила целую неделю выла, не переставая, и слезы ручьями текли из её покрасневших глаз. Целую неделю собака не притрагивалась к еде, не пила воды. После похорон хозяина никто больше не видел собаки и не слышал её воя.

Ну, а люди... Многих задела за живое эта трагедия, и всем сердцем скорбили они.. Но были и такие, которые не придали большого значения чужому горю и, опьянев во время поминок, целовались и обнимались, признаваясь друг другу в любви.

Так устроен человек, который считает себя умным существом, способным противостоять природе и перестроить её на свой лад. Пристально вглядываясь в горестные траурные одежды, ясно видишь поступки некоторых людей. Вспоминаются слова Аристотеля, который говорил, что „человек – это общественное животное“, он является неопознанным феноменом...

Да, горе – это огромная трагедия... Усыпанное розами смертное ложе на двоих оплакивают две матери с расцарапанными щеками, потерявшие человеческий облик, с отнятым интересом к жизни – две матери...

Разум покинул Ануки, и она не может справиться с горем.

– Дети! – вскрикнет она и теряет сознание.

Приведут её в чувство, и опять повторяется всё заново... Эх, если скорбь побеждает, то трудно спастись!

Феридэ превратилась в тигрицу, глаза её горят злым огнём, по расцарапанному лицу медленно, тоненькими струйками, стекает кровь к подбородку. Часто вытирает Феридэ кровь голой рукой и чертит крест над лбами умерших детей.

– Нет, дети, не сошла я с ума. Трудно мне переносить разлуку с вами, поэтому я похожа на сумасшедшую. Я не сойду с ума и не умру до тех пор, пока не найду и не убью вашего убийцу так, как он убил вас. Я исполню клятву до тех пор, пока кровь моя сотрётся с ваших лбов, или же умру, опозоренная... С исполненным долгом приду я к вам, дети, и буду любить вас так же сильно, как любила при жизни. В доказательст-

во к моим словам отправляю с вами прядь моих волос и кровь мою. – Произнеся эти слова, Феридэ вырвала прядь волос и укрыла ею грудь покойных. Кто-то не выдержал и потерял сознание, его вывели на двор.

– Мать Шалвы Тодадзе, – произнёс кто-то.

– Зачем она притащилась сюда? – ответил второй.

– Правда, как она постарела, – сказал третий голос.

– Перестаньте, люди! Как вам не стыдно?! – выкрикнул хрупкий юноша. – Неужели не читали вы балладу „О тигре и витязе“? Мать – это мать! И пришла она к матери, чтобы пособолезновать. Какой матери хочется воспитать плохое дитя? Не всегда получается так, как мы мечтаем.

– Что Шалва – единственный сын у Макрине? – спросил кто-то.

– Нет, есть ещё старшая дочь Теона. Она замужем в Чиатура.

Начался вынос усопших. Гроб поставили во дворе. Сначала зачитали телеграммы, затем с прощальным словом выступило множество людей.

Всё закончилось... Потихоньку разошлись люди. Это ведь обычное явление: как только усопшего предадут земле, оставляют его родственников на произвол судьбы...

На призыв судьбы были оставлены и две молодые вдовы, матери, гордившиеся своими детьми, остались одни без всякой надежды на будущее. Сорок дней оплакивали они детей, потеряв веру в любовь и добродетель.

Если в сердце поселился червь скорби, трудно выдворить его...

Счастлив тот, которому нечего терять кроме собственной жизни, но несчастен тот, кто теряет горе, которому слеза дорога больше, чем собственное счастье... Огромной радостью для матери является возможность прийти на могилу своего дитя, оросить её слезами, отдать частичку своего тепла, сажая розы, представить себе будто заплетает косы любимой доченьке.

Через сорок дней, как гласит христианский закон, душа прощается с семьёй...

Вновь собрались близкие родственники Анукиной семьи, и за освященным столом был произнесен прощальный тост за упокой души усопших. Как и в день похорон всё быстро закончилось, разошлись по своим домам пришедшие на поминки люди.

Опять одиночество, горе и слёзы остались скорбным грузом для двух, одетых в траур, семей.

Но, нет! Будто божью волю исполняет Феридэ. Посадив Ануку напротив себя, она говорит:

– Помнишь, что обещала я детям в день похорон?

– Ничего не могу вспомнить от горя, Феридэ. Хотя, нет, помню то, что ты сказала в день похорон: „Я убью убийцу моих детей!“. Эх, сестра моя, моя подруга по несчастью, моя Феридэ, если бы кровь проливалась одной только мечтой, тогда не было бы войн. Убийцы наших детей находятся под стражей в надёжном месте. Их жизнь охраняется государством, так, что им ничего не угрожает. Пройдут годы, они вернутся в свои семьи и будут жить так, будто ничего не случилось. А мы, если останемся живы, встретим их своим женским оружием: слезами и

проклятиями. Это будет единственной мезтью с нашей стороны...

– Ты поддалась горю, Ануки! Удивляюсь, почему в тебе не проснулась мезть, которая появляется у страдающей от потери дитя матери. Надеемся мы на мечту, которой суждено исполниться, а не на несбывшееся горе окружающей действительности. Счастье человеку должно приносить действие, совершенное им самим, а не чужой пример совершённого действия.

– Очень часто человек не замечает своего бессилия и не считает себя несчастным. Ты, прошедшая через горе и испытания женщина, неужели не замечаеть, что нет у тебя физических сил для мести.

– Кто тебе сказал, что нет во мне чувства мести? Оно разбудило во мне зверя. Нет на свете ничего невозможного для матери.

– Это только видимость проснувшихся чувств, это результат злых мыслей, и больше ничего. Если ты хочешь отомстить убийцам наших детей, это можно сделать и без физической расправы.

– Как?

– Давай переборем наше горе. Будем часто ходить на могилу наших детей, украсим и обустроим место их вечного покоя, не оставим друг друга. Так и проведём оставшиеся дни жизни.

– Ануки, своим личным и семейным благородством ты выше того великодушия, которым наградил тебя Бог. Но благородство считается высокой честью, тогда, когда оно может перерасти в злодеяние. В противном случае твоё благородство будет невидимым для других. Я не призываю тебя обагрить руки кро-

вью и отомстить убийцам детей. Я смогу выполнить это сама! Но если я буду нуждаться в духовной помощи, то не оставляй меня, поддержи!

– Я готова тебе помочь, только и ты меня не оставляй.

На будущее нет надежды, поэтому давай продадим один из домов, и проведём вместе оставшиеся горестные дни жизни...

– Дом, принадлежавший Арчилу Цхададзе, где должна была жить моя единственная дочь, мы не продадим! И даже после нашей смерти в нём никто не поселится, так как этот дом приносит несчастье. Годы разрушат кровлю, сравняют с землёй и сотрут наши следы. Ухаживать за обоими домами мы не сможем, поэтому я продам дом моего Георгия, а вырученные деньги потрачу на убийство тех, кто лишил его жизни!

– Хорошо! Только прогони мысли о мести из головы. Стыдно, когда руки скорбящей матери обгарены кровью. К тому же ты не достигнешь цели, так как убийцы наших детей арестованы и надёжно охраняются. Тебе придётся слоняться вокруг тюрьмы или колонии, а это стыдно для скорбящей матери...

– Я восемнадцать лет не выходила из дому, нося траур по Георгию, и никто не видел моего лица. Зов крови не даёт мне покоя, заставляет снять траурные одежды. Я уверена, что восстановлю свое честное имя, поборов чувство стыда, и покажу людям моё настоящее лицо!

– Убийца проклят, и думать об убийстве грешно. Спроси у священника, пусть даст тебе совет...

– Кого? Какого священника? Который стоит во главе разврата и убийств? Который проповедует слово Божие, а сам служит сатане?

– Не гневи Бога, Феридэ! Священники – посредники между Богом и человеком!

– Да, были посредниками, и люди верили им. Но большинство из них переманил на свою сторону сатана, и теперь они состоят на службе у него.

– Может ты и говоришь правду, но у нас, христиан, нет других настоятелей, и мы должны доверять тем, кого послал нам Господь...

– Что дал нам Господь, кроме горя и страданий? Все твои мысли о служении Богу, но ты не замечаешь, что священник, в душе которого сидит чёрт, закрыл двери в божий дом! Божья любовь родилась вместе с человеческой. „Возлюби ближнего своего“, и не обижайся, если я скажу тебе правду, что вместе с ненавистью умирает любовь к Богу. Я похоронила любовь к людям тогда, когда умерла во мне вера в будущее. Не понимаю, какая вера и чья любовь остались в тебе?..

– Умалишённые люди отрицают всё, что находится вне поля их зрения. Уже давно умерло во мне желание заботы, все мои мысли теперь о моих детях. Не хочу совершать преступление против Бога, чтобы не навредить их душам...

Кто знает, сколько времени продолжался бы их спор...

Из-за этого в России произошла революция. Нелегко посеять веру в неверующего, потому что, если он споткнётся, то считает, что это гнев Божий, так как во

всём винит его. Никогда не примет неверующий любовь к убийце своего дитя. А, если другой всю жизнь провёл в молитвах, ему не внушишь ненависть к Богу.

Так и мать убитого дитя будет молиться за то, чтобы душа его попала в царство небесное... Да, кто испытывает чувство благодарности к Богу, тот на всю жизнь остаётся его слугой. Такова сила веры. Но тот, кому жизнь уготовила нищету и, кто стал колебаться в вере, легче преодолевает страх перед будущим, так как, привыкнув к малым жизненным неудачам, так закаляется душой, что в дальнейшем стойко переносит более серьёзные испытания...

Таково испытание двух, угнетённых смертью, матерей. Феридэ, ослеплённая ненавистью, приоткрыла калитку оставленного на сорок дней собственного дома. Ни на один день не оставляла она его с того дня, как привёл её сюда Георгий. Обо всём заботилась она в своём доме: каждое деревце или розовый куст названы были ею именем дочки... Сегодня каждая знакомая ей вещь казалась чужой, потому что для себя она твёрдо решила забыть прошлое. До сих пор она не чувствовала одиночества, но сегодня ощутила в сердце своём пустоту и дала волю невыплаканным слезам.

– Забыла я, дочка, когда в последний раз была ты здесь. Не верю, что уже никогда не пройдёшь по этому двору. Ты, как и твой отец, молодой покинула свой отчий дом, оставив мне слёзы и горе. Здесь, на крыльце отчего дома, я клянусь найти и отомстить твоему убийце, убить его с такой же жестокостью, с какой он оторвал тебя от моего сердца. Целую, дочка, твой

след на земле. Печальны розы, посаженные в честь тебя. Не появлюсь перед тобой до тех пор, пока не исполню свой долг и не смою с себя позор...

На плач Феридэ собрались соседи. Плакали все: и взрослые, и дети, сочувствуя ей. Затем возбуждение понемногу стихло, плач прекратился...

– Соседи! – заплаканным и охрипшим, но в то же время твёрдым голосом произнесла Феридэ. – Прощаю всех, кто когда-то обидел меня, вдову. Считайте, что похоронили меня вместе с Экой. Завтра вы в последний раз увидите меня, попрощаюсь с вами на аукционе: продам всё, что есть у меня вместе с землёй. Прошу вас, приходите утром к одиннадцати часам!

В толпе можно было заметить троих мужчин с хмурыми лицами и глазами, горевшими злым огнём. Это были братья Георгия: два родных и двоюродный, которые уже давно положили глаз на дом и двор, так как хотели расширить свои владения. Они переживали за то, что „избушка Георгия портила вид их дворцам“. Теперь братья радовались, что избушка исчезнет вместе с Феридэ. Но кто победит в этом поединке? Всю ночь не спали эти трое с членами своих семей, строили планы на завтрашний день. В душе каждого из них горел огонь жадности, и они задались целью победить.

Уже было полночь, когда, один из братьев Георгия постучался в дверь Феридэ. Он пришёл с женой, червь жадности грыз его сердце, но Феридэ он хотел показать, как скорбит и сочувствует ей. Спрятав своё ядовитое жало, он сказал:

– Феридэ, нам очень тяжело с тобой расставаться. Куда ты пойдёшь? Что бы ни случилось, знай, что мы всегда рядом, твои верные девери. И в горе, и в радости мы поможем тебе. Не продавай дом!

Феридэ оглянулась на прожитые годы, вспомнила, как избил её этот самый деверь и, как заставлял убраться отсюда. А сейчас, надев на себя маску сочувствия, просит её остаться. Феридэ знает, что это ложь и твёрдо говорит:

– Я уже сказала, что завтра утром на аукционе продам всё, что есть у меня.

– Раз ты не отступаешь от своего, прошу тебя, не впускай чужого в этот двор, мы купим, – сказал деверь, но жена его, не давая мужу закончить начатый разговор, продолжила:

– Да, чужого ты и непустишь. По закону всё принадлежит нам! Посмотрим, как сюда войдёт чужак! И зачем нужен был этот аукцион купли-продажи? Вот, у нас с собой деньги, и мы сейчас же рассчитаемся с тобой. Правда, здесь не за что платить, но нам жаль тебя и, поэтому даём больше, чем полагается.

Горько усмехнулась Феридэ. Вспомнила, как прятали от неё, кормящей дитя, в амбаре кусок мчади*, и твёрдо произнесла:

– Я сказала, что завтра продам на аукционе. – Деверь хотел было открыть рот, чтобы сказать ещё что-то, но Феридэ опередила его:

– Прошу, уходите, а то жалко твоего брата, который ждёт во дворе, когда ты выйдешь, чтобы поговорить со мной.

---

* мчади – кукурузная лепёшка

– Убью! – выкрикнул деверь и с такой силой хлопнул дверью, что она чуть не соскочила с петель.

– Вернись! – с ненавистью крикнула Феридэ. Деверь решил, что Феридэ передумала, и вернулся обратно в комнату.

– Тихонько закрой дверь! – процедила сквозь зубы Феридэ.

Деверь удивлённо взглянул на неё, подумал:

– „Как она смеет!“

Но вдруг, увидев озверевший взгляд Феридэ, испугался, страх обуял его. Тихонько закрыв за собой двери, он растворился в темноте.

Феридэ не ошиблась. Не успела она закрыть дверь, как на пороге появился второй деверь с женой.

– Заходите! Добро пожаловать. – сказала Феридэ и широко распахнула дверь в комнату.

Братья будто сговорились: второй деверь повторил слова своего брата. Феридэ тоже не изменила своего мнения и повторила те же самые слова, какие говорила первому деверю. Последнего могла встретить ещё хуже, так как помнила от него больше зла. Второй деверь тихо закрыл за собой двери. Феридэ бросилась на кровать и горько заплакала.

Наплакавшись вдоволь и успокоив сердце, встала и начала собирать вещи. Сначала поднялась на чердак. Между чердаком и крышей она отыскала тайник, в котором лежал наган со своими гильзами, спрятанный Георгием двадцать лет назад. – „Ох! Какой тяжёлый. Интересно, смогу ли я им воспользоваться?“ – подумала она и спрятала наган в сумку. Затем все вещи, принадлежавшие Эке, сложила и

связала в один огромный узел. Кажется, закончила все дела.

Рассвело. Она подумала, что надо бы немного отдохнуть. Как раз в это время послышался стук в дверь. Не спросив: „Кто там?“, Феридэ открыла дверь и, о диво, на пороге стоял двоюродный брат её мужа, с которым она не разговаривала уже двадцать лет.

– Феридэ, – начал он, – почему ты решила продать всё? Подумай, не разорь гнезда. Кто знает, как обернётся жизнь, не пожалей потом...

Феридэ вспомнила, сколько раз двоюродный брат ломал забор и загонял во двор скотину. Вспомнила, как грозился обесчестить и убить её, если она не оставит дом и не даст ему расширить свой двор. Сегодня он пришёл к ней и стал учить уму-разуму.

– Нет, решила, буду продавать. – сказала Феридэ.

– Раз не отступаешь от своего, знай, не продавай никому кроме меня. Правда, сестра, у тебя умерла дочь, а я даже пособолезновать не пришёл, но я исправлю свою ошибку.

– Тебя и тогда не было, когда убили Георгия.

– Да, тогда у меня тоже было неотложное дело, помню...

– Тебя беспокоит только твоя собственная боль. Ты и сейчас бы не пришёл, если бы тебе не хотелось прибраться бесплатно к рукам мое хозяйство.

– Ещё и приберу! Кто дал тебе право продавать землю? Возьми свою избушку и убирайся куда глаза глядят! Никто не войдёт сюда, кроме меня, в тюрьме сгною всех! Не научить вам меня вашим законам. Ну-ка, попробуй, и пусть кто-нибудь сунется сюда, посмотрим!

– Убирайся вон и закрой за собой двери! – сказала Феридэ и в упор посмотрела на него покрасневшими от слёз глазами. Нет, это были глаза не той бедной Феридэ, которую он однажды выгонял из деревни.

– Убью ребёнка! – сказал он тогда, и Феридэ целый месяц сидела дома взаперти, боялась выйти на улицу.

Сейчас эти глаза горят огнём мести. Но жадность всё равно обманчива. Он должен во что бы то ни стало прибрать всё к своим рукам, даже, если потребуется пожертвовать жизнью ради этого. О, как обрадовался он, узнав об убийстве Георгия. Даже соседям не помог снять тело покойного с автомобиля. Забежав в дом, стал петь и танцевать со своей женой. Он думал, что молодая вдова найдёт себе другую дорогу в жизни, и он сможет расширить своё хозяйство. Но он ошибся, Феридэ приобрела имя стойкой, вынесшей все лишения матери и вырастила достойную дочь.

Строгий голос вывел его из задумчивости.

– Убирайся вон! – повторила Феридэ, и он, с угрозами, выбежал во двор.

Уже рассвело. Феридэ позвала соседа: „Зайди ко мне!“ Сосед не заставил себя долго ждать.

– Валико, исполни одну мою просьбу, – сказала Феридэ соседу, – сходи в Управление, скажи председателю, что продаю я на аукционе все движимое и недвижимое мое имущество. Пусть приведёт с собой землемера, заместителя и всех нужных лиц, и попроси, чтобы руководил аукционом.

– Конечно, не откажу, клянусь детьми, очень жаль мне тебя, мигом исполню твою просьбу, – сказал Валико и выбежал со двора.

Действительно, не прошло много времени, как у калитки Феридэ остановилась легковая машина, и шестеро мужчин вошли во двор. Председатель ознакомился с ходом дела, подумал, а затем приказал вынести во двор стол и стулья. Двор заполнили соседи. Всех интересовало, кому достанется собственность Феридэ. Но пока председатель перешёл было к делу, Феридэ во всеуслышание заявила:

– Соседи, всю свою молодость я провела здесь, очень трудно мне расставаться с вами, но у меня нет иного выхода, всё продаю, всё своё движимое и недвижимое имущество.

– Государственная земля не продаётся! – прервав выступление Феридэ, выкрикнул двоюродный брат Георгия – Калистрат.

– Землю я не продаю! – ответила Феридэ. – Я продаю на этой земле фруктовый сад, виноградник, кухонную постройку, курятник, амбар, свинарник, хлев и другое.

– Забирай всё, что ты построила и посадила! Ишь, чего выдумала: продавать землю с двумя кустами саженцев винограда! – опять выкрикнул Калистрат. Но на этот раз председатель сердито посмотрел на него и строго предупредил:

– Если ты будешь мешать мне работать, я выгоню тебя с аукциона! В шпионаже и интригах провёл ты свои дни, не жалеешь даже матери, потерявшей своего дитя!

Феридэ продолжила:

– Да, соседи, как я и говорила, продаю всё, что принадлежит мне. Только дом не продаю!

– Тогда сегодня же забери дом отсюда! – опять выкрикнул Калистрат.

– Сегодня же заберу! В любом случае, от вас подальше. С сегодняшнего дня моя избушка никому не будет мозолить глаза, – с дрожью в голосе сказала Феридэ, и слёзы выступили на её глазах.

Председатель ударил по пластине молотком, потребовал тишины и объявил:

– Как вам уже известно, продаётся движимое и недвижимое имущество, принадлежащее Феридэ Церетели – Асанидзе, без жилого дома. Первоначальная цена – три тысячи американских долларов.

– Эй, вы! Кто даст этой аферистке три тысячи долларов за имущество! – выкрикнул Калистрат, но голос его перекрыл голос младшего деверя Феридэ – Анзора:

– Я даю три тысячи долларов!

– Три тысячи пятьсот! – крикнул Гио, деверь Феридэ.

– Остановитесь! – приказал Калистрат. Я дам три тысячи долларов, только выплачу по частям!

– На аукционе торг ведётся за наличные деньги! – объявил председатель и продолжил:

– Три тысячи пятьсот – раз! Три тысячи пятьсот – два!

– Четыре тысячи! – крикнул Анзор и направился к столу.

– Пять тысяч! – заорал Гио и с силой ударил кулаком по дереву. Листья с шумом слетели с дерева.

– Чтоб тебе пусто было! – крикнул Анзор и отступил.

– Что, победил меня деньгами? И как только выдерживает тебя этот двор! – выкрикнул Калистрат и сел на ступеньку лестницы, обхватив голову руками.

А председатель объявил:

– Пять тысяч – раз! Пять тысяч – два! Пять тысяч – продано!

Тут же на месте оформили документы, произвели расчёт. Феридэ пересчитала деньги и положила их в сумку. Затем вошла в дом, взяла двадцатилитровый баллон с бензином и облила дом, оставшийся бензин разлила на балконе. Выпрямившись, обратилась к Гио:

– Любимый мой деверь, ты удостоился счастья жить в стенах этого дома. Не обижайся, что я сжигаю его, это логово несчастий. Пусть пламя уничтожит порчу, которая захоронена здесь. Стройтесь и процветайте! – сказала Феридэ и дрожащей рукой зажгла спичку. Через полчаса остались только сваи, на которых стоял маленький деревянный дом. Ветер разбросал золу и смёл след Феридэ. С тех пор прошло много времени, но жители деревни до сих пор помнят этот день.

Забрав из деревни вещи, Феридэ перенесла их в однокомнатную квартиру Эки и разложила по местам. Каждый угол комнаты оросила она слезами. Затем вышла, закрыв за собой дверь.

– Где ты ходишь до сих пор, гого*? – Увидев вошедшую во двор Феридэ, с упрёком сказала Ануки.

– Сколько времени? Вчера только ушла, а сегодня уже вернулась. В последний раз побывала я в тех местах, где прошла моя молодость.

---

* гого – девочка

– Хотя бы на ночь не оставляй меня одну, не то что-нибудь сотворю с собой. Будешь потом терзаться.

– Выбрось эти чёрные мысли из головы, лучше поддержи меня. Помни всегда, что мы – единое целое. Твои плохие мысли переходят и на меня. Смерть одной из нас означает смерть обеих, а это делает задуманное нами неосуществимым.

– Знать бы, о чём ты думаешь, чтобы поддержать тебя.

– Скоро узнаешь. Кое-что расскажу, а остальное сама увидишь.

На другой день Ануки и Феридэ отправились на безар за продуктами. Так как в Сачхере они не смогли купить нужные им продукты, то решили поехать в Чиатуру. В троллейбусе они сели на свободную скамью и стали слушать людей, роившихся как пчёлы в улье. Впереди Ануки и Феридэ сидели двое молодых людей. Они тихо беседовали.

– Работаешь где-нибудь? – спросил один другого.

– Нет, учусь.

– Где, в каком учебном заведении?

– В Чиатуре на стадионе открыта нелегальная школа по каратэ, там и учусь. Если хочешь, за тебя тоже попрошу.

– А что, для курсов по каратэ тоже необходимо протекторство?

– Очень даже необходимо. Я же говорю тебе, что это нелегально, а ты не слышишь.

– А разве не лучше на сегодня приобрести какую-нибудь специальность, чтобы она тебя кормила. Где ты сможешь использовать приемы каратэ? Если по-

бьёшь кого-нибудь, то поймают, с законом не поспоришь.

– Если у тебя проявятся хорошие способности, то сам педагог обеспечит тебя работой. У него есть связи с заграницей, и он может отправить тебя в командировку.

– Интересно, а сколько денег нужно внести заранее?

– Они сами платят в качестве стипендии тридцать американских долларов.

– Ничего не понимаю, что за интерес у твоего педагога учить тебя да ещё деньги платить?

– Не знаю, отстань от меня, и так я тебе много рассказал. На эту тему нам запрещено разговаривать, и, если ты мужчина, прошу, ни с кем не говори об этом.

Феридэ рассмеялась. Ей было приятно услышать об этом. Она искала такую школу, будто Бог послал ей этих молодых людей. Троллейбус остановился в Чиатуре у дворца культуры. Юноши спустились, попрощались, и один из них направился к стадиону. Феридэ проводила его взглядом, запомнила его лицо и побежала через мост наперерез юноше.

– Молодой человек, можно вас на минутку? – сказала она и встала на пути у юноши.

– Слушаю и повинуюсь, калбатано*!

– Понимайте как хотите, только прошу не отказывайте мне в разговоре. Хотите поговорим как мать с сыном, а можно и по-товарищески. Знаю, что вы занимаетесь каратэ, прошу познакомьте меня с вашим учителем...

---

* калбатано – вежливое обращение к женщине, в переводе – госпожа

– Что?! Каратэ?! Что такое каратэ, калбатано? Клянусь Вам, я слышу это слово впервые и не знаю, что это еда или питьё?

– Я уверена, что вас обучают не только борьбе. В любой школе читают лекции о нравственности. Не будь бессердечным, представь на моём месте собственную мать, у которой убили дитя и, которая решила отомстить...

– Не понимаю, калбатано, о чём Вы меня просите, хотите, чтобы я расправился с убийцей вашего дитя?

– Никто тебя не просит об этом. Я сама должна выполнить это, поэтому мне нужно познакомиться с вашим учителем...

– Вы просите меня о трудновыполнимом задании. Были бы Вы мужчиной, тогда... Из-за этого я могу заплатить жизнью. Но ведь человек должен умереть ради какой-нибудь цели? Пойдёмте! – сказал юноша и пошёл впереди. Феридэ и Ануки шли за ним. Через десять минут они уже были у стадиона.

– Подождите меня здесь, – сказал юноша и пропал. Через десять минут ожидания он вновь появился.

– Пойдёмте! – обратился он к ожидавшим женщинам.

Феридэ не могла себе представить, что на берегу реки под троллейбусной остановкой находится такой огромный зал. Фактически всё здесь находилось под землёй. Зал был богато оснащён, на улицу не выходило ни единого звука.

Юноша представил Феридэ тридцатилетнего мужчину. Трудно было поверить, что этот худой, без мускулов, низкий мужчина был учителем по каратэ. И только глаза его горели огнём.

– Александр Александрович Кравченко! – произнёс учитель и подал руку Феридэ.

– Феридэ Рубеновна Церетели, – тихо проговорила Феридэ и почувствовала, как руку обхватили железные клещи.

– Почему Вы решили обучиться каратэ? – спросил учитель и посмотрел на Феридэ.

– Просто мне нравится этот вид спорта! – ответила она.

– Нет, калбатано, это не спорт. Если Вы хотите спорт, тогда выберите что-нибудь другое. Здесь учатся смерти. Вы – представительница слабого пола, и я сомневаюсь, что Вы сможете убить человека даже в том случае, если Вам будет угрожать опасность.

– Убью!

– Мне кажется, что это наспех сказанное слово, так как обучиться каратэ может только бесстрашный человек. Бесстрашие – это встреча всех испытаний без страха, для этого нужна тренировка не только тела, но и духа. Чтобы стать храбрым нужно перебороть в себе страх перед ножом, выработать быструю реакцию перед пулей, чтобы ни во что не ставить огнестрельное оружие, даже страх перед смертью, которая побеждает храбрость так, что иногда храбрый человек предстаёт перед нами трусом. Ну, а Вы, калбатано, не знаю, сможете ли вынести режим, царящий в нашей школе, где обучают не только борьбе, но и применению огнестрельного оружия всех марок, метанию ножа, удушению противника и использованию всех приёмов, чтобы победить. Мы не обучаем философии, и в программу нашей школы не входит

нравственное воспитание. Мы обучаем ведению боя, ещё точнее, защите во время боя.

– Извините, но неужели кому-то нужен такой учитель?

– Тебе нужен, и знаешь, сколько таких, как ты, обиженных на закон?

На сегодняшний день во Вселенной проходят зримые и незримые бои, участие или защита в которых необходимы. Если рассматривать наше учебное заведение с точки зрения нравственности, то Вы проиграете, как Архимед на берегу моря. В первую очередь Вы научитесь вести бой, рассчитанный на победу, а для этого необходимо преодолеть страх, стать бесстрашной...

– Хорошо, не стоит больше читать мне мораль, – сказала Феридэ. – С детства я не знаю, что такое страх и предательство. Удивляюсь, когда говорят о том, как дрожит человек от страха перед пулей или ножом. По-моему, если страх и существует, то это страх человеческой жизни. Я не считаю смерть опасностью, она похожа на замужество женщины, переезд из одной деревни в другую. Вы ошибаетесь, когда говорите, что „женщина – это нежное создание“, прошу, не объединяйте женщину и мать. Мать – тоже женщина, но в организме матери дремлет тигрица, и никому неизвестно, когда проснётся она. Учёными пока не исследована внутренняя сила матери. Сходство матери с тигрицей не только в проявлении любви к своему дитя, но и в уме, ведь тигр среди хищников самый умный и сильный зверь. Вес тигра – 320 килограммов, в то время, как вес льва не превышает 200 килограммов. Тигр

может свободно перенести дикого быка на несколько сотен метров и спрятать его. Для выполнения такой операции необходимы, по меньшей мере, пятнадцать человек. Часто бывает, когда тигр нападает даже на слона и побеждает в поединке. Детёныши тигра пять лет находятся под опекой родителей. Тигрица, как и человеческая мать, является невенчанной и непризнанной сильнейшей правительницей женской природы. Не всякий зверь сразится с тигром, и не каждый мужчина может говорить о женщине.

– Мне нравится твоя речь, но, знаешь, что эта школа окутана тайной? Никто не имеет права разговаривать о чести школы! Совершив преступление, он не должен выдавать свою школу!

– Если вы, мужчины, не будете соперничать с нами, то в хранении тайны не хвалюсь, но безгранично женское молчание...

– Ты кричала во время родов?

– Кричала! Хотела кричать, вот и... Но, если бы я могла не кричать, то не закричала бы. Хотя вы, мужчины, должны задать этот вопрос только в том случае, если похожую боль испытали бы вы!

– Согласен, мы принимаем тебя. Можешь приступать к учёбе с завтрашнего дня. Желательно, чтобы и в учёбе ты проявила бы себя соответственно своему желанию. Занятия каждый день с десяти часов утра – время неограниченное. Ты кажешься ловкой девочкой, я думаю, что ты преодолеешь все трудности в учебе. Когда у тебя есть цель, то и победа неизбежна. Занятия по каратэ трудны, если с детства не занимаешься спортом. Каждая часть организма долж-

на бороться над исполнением того или иного приёма. Промедление означает поражение. Омоложение организма невозможно, хотя, если есть огромное чувство желания, то и это становится возможным! Тому примером являетесь Вы!

Шестимесячные неумолимые занятия принесли результат: тридцатилетняя женщина научилась двигаться как „огромная кошка“, и в ней проснулась тигрица. Сам учитель вызвал её на ринг для проверки на бой без правил. Феридэ приняла вызов и пригласила только одну болельщицу – Ануки для подведения итогов.

Сперва стреляли из оружия малого калибра. Из десяти пуль, выпущенных из оружия Феридэ, все десять попали в цель.

Но и учитель не остался в долгу: Александр повторил то же самое. Второй попыткой была стрельба из нагана по очереди. Всего на две девятки отстала ученица от своего учителя. Третий экзамен по бросанию ножа закончился ничьей и похвалой учителя. И вот теперь она, безоружная, должна была сразиться с вооружённым ножом учителем!

Начался бой... С первой же минуты она выбила нож из рук Александра, затем был удар ноги в грудь, от которого учитель потерял сознание. Но бой на этом не закончился. Вот теперь начиналось настоящее каратэ!

„Как может ученица, притом женщина, победить меня!“ – загорелся боевым духом Александр Кравченко. Но, что поделаешь, побеждает Феридэ своей ловкостью, хотя сама и не верит этому успеху.

Зовёт учителя:

– Притворяешься ты, Александр Александрович! Борись достойно, уважай пояс!

Борется учитель, но больше не может, проигрывает бой лев-самец тигрице. Вот и нокаут получил, упал, потеряв сознание... Феридэ привела его в чувство и сказала с упрёком:

– Зачем ты уступаешь мне? Мне не нужны твои уступки! Лучше знать свои возможности, чем обманываться на свой счёт!

– Я боролся с тобой со всей силой! Ты победила!

– Я не верю!

– Поверь, и помни, прежде, чем приступишь к бою, будь податлива и милосердна, но во время боя проявляй больше жёсткости. В схватке в тебе должен проснуться убийца! Никакой жалости, какую ты проявила ко мне, не то проиграешь бой!

Трудно мне расставаться с тобой. Я был бы рад сотрудничать с тобой и дальше.

– Нет, Александр Александрович! Мне предстоит выполнить грандиозное дело: должна сразиться с врагами. Если останусь жива, не забуду Вас.

– Если тебе понадобится помощь, не стесняйся! Мои воспитанники живут во многих городах, они такие сильные, что я мог бы сразиться с правительством! Вечером приглашаю тебя и твою названную сестру в ресторан, поужинаем, выпьем кока – колы и отметим успешное окончание школы.

– Спасибо, Александр Александрович! В связи с окончанием школы можно выпить одну бутылку шампанского.

Александр Кравченко выбрал столик, стоящий в углу зала ресторана. Сели втроём. Официант накрыл славный стол и вместе с кока-колой не забыл шампанское.

Потихоньку ресторан заполнился посетителями. Вскоре не осталось ни единого свободного места. Напротив Кравченко за столом пировали шестеро здоровенных мужчин, которые ещё раньше обратили внимание на некрасивого Кравченко и обворожительную Феридэ. Опьянев, пирующие затагнули песню, а один из них подошёл к Феридэ:

– Ну ты, сучка, никого другого не нашла, кроме этого клопа?

Феридэ, не ответив, знаком указала Александру – „Пойдём отсюда“. Они хотели уйти, но тот же „бык“ обнял Феридэ за талию и притянул к себе. „Хватит уступать“ – взглянула на учителя. Кравченко в знак согласия медленно опустил голову.

Вдруг Феридэ с такой силой ударила насильника, что нижняя челюсть его свернулась набок. Повскакали со своих мест пирующие, и каждый норовил схватить и побить эту ненормальную. Но Феридэ, будто парила в воздухе, и каждый её взлёт означал падение кого-нибудь из мужчин. Всего через пятнадцать минут все шестеро, окровавленные, валялись под столом и еле дышали, а Кравченко следил за схваткой и тихонько попивал кока-колу.

– И теперь не веришь, что боролся с тобой со всей силой? – сказал учитель с улыбкой на лице.

– Уйдём отсюда, пока не пришла милиция, – сказала Феридэ. Они вышли из ресторана через служебный вход.

***

– Феридэ, не подобает нам ходить по ресторанам, – сказала Ануки, когда они вернулись домой. – Как бы там ни было, мы – вдовы и матери, скорбящие по своим детям. Стыдно, люди придумают тысячу сплетней и оболют нас грязью.

– Если мы вдовы, то мы с честью носили траур по мужьям, до сих пор не сняли мы чёрное, и наши лица не видел ни один незнакомый мужчина. Если мы скорбим по детям, наверное, так надо для их бессмертия. И, если люди без причины будут сплетничать, на этот случай существует собственный закон и человеческая мораль. Распространителя сплетен судят этим законом за нарушение человеческой морали!

– Пока ты устроишь суд, сплетня облетит вокруг. Надёжно скрытый под маской сплетник с презрением посмотрит на твою порядочность и придумает ещё больше.

– По-твоему, как мы должны вести себя: оставить задуманное дело и из-за страха перед сплетниками закрыться дома? Ануки, тебя считают мудрой женщиной. Оставь эти мысли, кто, что скажет и услышь сердцем сказанное.

А сейчас подумай, поломай голову над тем, как попасть в мужскую колонию, где отбывает наказание Шалва Тодадзе!

– Ох, ты не оставляешь своего, ведь убийство человека – это большой грех. Брось это дело, а как выйдет он из тюрьмы – хорошо изобьём его.

– Я не просила тебя читать мне мораль, я сказала: или поддержи меня, и мы сразимся с удвоенной силой, или оставлю тебя и перейду жить в однокомнатную квартиру моей дочери...

– Смерть сказала человеку: „Умерщвлю тебя!“ А человек ответил: „Верю твоему разуму.“ С сегодняшнего дня не вымолвлю ни слова, что прикажешь, всё сделаю. Если же умру, пусть душа моя попадёт в ад.

– Наконец-то ты поняла. Зачем тебе жизнь, кому она нужна, кого ты хочешь радовать своей жизнью? Содрогаешься от страха перед адом? А, разве твоя жизнь на земле для тебя не ад?

– Нет, Феридэ, ничего я не боюсь. Жизнь нужна была мне для того, чтобы поминать детей да ходить к ним часто на могилу.

– Сколько бы ты ни ходила на могилу, все равно колючки и сорняк покроют всё и сотрут след. Не важно, когда это случится: через год или на десять лет позже. Ну, а сейчас подумай, ведь не зря зовут тебя мудрой женщиной, а утром расскажешь мне, как попасть в мужскую колонию.

– Раз ты не оставляешь эту затею, и меня сделала соучастницей в деле уничтожения Шалвы Тодадзе, не надо много думать. Колония полна убийцами, ворами и бандитами, связаться с ними не составит большого труда. Всякий, кому заплатишь тысячу долларов, выполнит твоё задание и пришлёт посылкой голову Шалвы тебе домой.

– Эх, Ануки, если бы я так хотела исполнить свой долг, то не тратила бы шести месяцев на обучение ка-

ратэ. Он должен умереть от моей руки, умереть такой же ужасной смертью, какую он уготовил моей дочери. Так поклялась я перед детьми.

– Можем же мы поговорить с начальником колонии и устроиться работать поварами.

– Ануки, я же сказала тебе подумай, а утром скажешь. Ведь „вечер – мудр, ночь – советчица, а утро – наимудрейшее“. Мы так должны повернуть это дело, чтобы ни одна ищейка не вышла на наш след, так как это только начало. Запомни, нам осталось пройти единственную дорогу в жизни, и пройти её мы должны сегодня, и ни в коем случае завтра, так как завтра мы уже можем не попасть на этот перекрёсток жизни.

– Понятно, Феридэ. Почему ты не веришь, что в мыслях я много раз убивала Шалву и Калтамзе? Сто раз я взвешивала и столько же раз отмеривала. Чувство мести давно не даёт мне покоя, но у меня нет физических возможностей, а тебя не хочется втягивать в это опасное дело. Укажу тебе безопасный и безошибочный путь в колонию, только с тем условием, что и я буду рядом с тобой в любой критический момент. Хотя, может и стану тебе обузой, и из-за меня ты можешь попасть в беду, но мне хочется внести малую долю в бессмертие моих детей. Раз ты говоришь, что мы – единое целое, будем действовать сообща.

– Согласна, ведь говорят, что „забор крепок опорю, а человек поддержкой ближнего“. Два человека: сильный и слабый поддерживают друг друга духовно и физически.

– Ну вот, слушай меня внимательно: у Шалвы есть только мать. Макринэ живёт в деревне Мерджеви.

Её жизнь тоже не усыпана розами и фиалками, мучают мать убийцы видения. Её дочь, Теона, приблизительно твоя ровесница, замужем в Чиатуре, у неё двое детей. Муж, Юрий Цицилашвили, запретил ей общаться с матерью. Очень редко видится она с бедной старухой.

– Всё-таки она мать. Почему Теона не заботится о ней?

– Эх, Макринэ не всегда была такой, как сейчас: согбенной, сломленной старухой. Она гордилась своим сыном – директором. Свысока смотрела на всех людей, никого не замечала вокруг.

Когда дочь вышла замуж, не спрося её, Макринэ хотела убить своего зятя, Юрия Цицилашвили. И, только спустя десять лет, после ареста Шалвы она помирилась с зятем. Много горьких воспоминаний у зятя о теще. Вот и отплачивает теперь ей той же монетой.

– Ну, а в чём это нам поможет: одиночество Макринэ и замужество Теоны?

– Не спеши, послушай. У меня был единственный брат, ныне покойный Рубен. В молодости случилась с ним маленькая неприятность: посадили его. Четыре года провёл он в том месте, где ныне отбывает наказание Шалва. Я и покойная моя мать часто ездили в Рустави на свидание с Рубеном. В году заключённому полагается два свидания с родственниками: одно долговременное, другое кратковременное. Долговременное свидание длится от одного дня до двух-трёх суток, а кратковременное – от одного часа до трёх.

Во время долговременного свидания заключённый получает полную свободу. Неподалёку от места отбывания наказания в изолированном месте построен обыкновенный жилой дом с водопроводом, отоплением и ухоженным двором. Комнаты выделяют по количеству прибывших на свидание людей. Как я уже сказала, там есть квартиры: от однокомнатных до трёхкомнатных со своей мебелью и коммунальными удобствами. Это всё сделано для того, чтобы заключённый чувствовал себя, как на свободе. Прибывшему на свидание с заключённым разрешается в любое время выйти за ограждение для покупки продуктов или любой другой вещи и вернуться назад без всяких преград.

Мы можем встретиться с Шалвой. Я, как мать, а ты, как его сестра. Своего лица я не покажу, чтобы он не поднял шума в ту же минуту, а тебя он может быть и не узнает, так как не видел сестру уже десять лет. Но для этого нам нужно достать паспорта, и я уже придумала, как это сделать.

– Ну, скорей же говори, не мучай меня, не то моё сердце разорвётся от нетерпения, – захлопала в ладоши удивлённая Феридэ, слушая рассуждения Ануки.

– Утром пойдёшь в бюро загса, – продолжила Ануки, – и возьмёшь свидетельство о рождении на имя Теоны Тодадзе. Скажешь, что потеряла паспорт и, даже, если свидетельство о рождении уже было выдано, всё равно дадут дубликат. Работающей там женщине положишь в карман десятку, и не будет никаких проблем. Затем снимешь фото для паспорта, и

отнесёшь в паспортный отдел вместе со свидетельством о рождении, отдашь заместителю начальника паспортного отдела Натии Квижинадзе, дай ей сто долларов и скажи, что очень торопишься и возвращайся домой. На второй день паспорт будет готов, сможешь забрать его.

– Ты, действительно мудрая, Ануки, дорогая! – воскликнула Феридэ и, бросившись ей на грудь, стала целовать её.

– Потерпи, подруга, не задуши, я ещё не закончила говорить, дослушай меня до конца.

– Остальное скажешь мне потом. То, что ты сейчас сказала – это огромная находка. С этой минуты приступаю к выполнению нашей задумки, но ведь тебе понадобится удостоверение личности.

– Зачем матери удостоверение личности, сестра. Скажу, что я мать – значит я – мать. Ты думаешь, этого недостаточно? Разве печать в паспорте сильнее этого слова? Да и кто остановит дряхлую старуху. Я оденусь так, что это прибавит мне несколько десятков лет и не вызовет подозрения у проверяющих охранников. Ну, а если всё-таки у меня потребуют паспорт, то покажу им свой, в котором вместо моей фотографии будет наклеена фотография Ленина или Франклина.

Феридэ и впрямь поступила так, как учила её Ануки, и через три дня паспорт с фотографией Феридэ и фамилией Теоны был готов, заверенный печатью начальника Сачхерского паспортного отдела. С облегчением вздохнула Феридэ, когда так легко и безболезненно завершилось это трудное дело.

Незнающий врач вместо излечения может ухудшить состояние больного, но всё равно продолжает лечить, поэтому необходимо обладать большой прозорливостью, чтобы определить настоящего лекаря.

Ануки оказалась профессором по лечебной фантазии, она превратила фантазию в действительность и обнадёжила Феридэ. Поэтому Феридэ была так обрадована, как –будто уже держала в руках висельную петлю и набрасывала её на шею Шалвы. Верила, что не придётся ей бороться против закона, а остальному не придавала значения.

Матери решили на следующий день ехать в Руставскую исправительно – трудовую колонию, чтобы повидаться с Шалвой Тодадзе. Не могли они повидать заключённого с пустыми руками, да и на проходном пункте должны были они угостить охрану и развеять всякие сомнения. Поэтому всю ночь не спали, трудились названные сёстры. И правда, приготовили знатное угощение. А утром Ануки примерила очки, сказать по правде, до сих пор они были ей не нужны, но сейчас это было необходимо для дела, взяла палку, сгорбилась и стала похожа, если не на столетнюю старуху, то на мать Шалвы Тодадзе точно. Не стала она снимать чёрную одежду, так как Макринэ тоже носила чёрное.

– Так меня меньше узнают. – сказала она уверенно.

Ну, а Феридэ впервые после смерти мужа надела на себя облегающее розовое платье и помолодела на целых десять лет.

***

Гордость и краса дороги „Икарус“ первым утренним рейсом прокладывал себе путь из Сачхере в Рустави. Положив головы друг другу на плечо, Феридэ и Ануки уснули. Здоровому человеку хватает в сутки сна 4-5 часов. Это то время, которое необходимо для поездки из Сачхере в Рустави. Выспавшись, пассажирки бодро сошли с автобуса.

Было двенадцать часов дня, когда подошли они к воротам колонии, прошли на контрольный пункт и спросили дежурного:

– Господин начальник, если можно, разрешите долговременное свидание с Шалвой Тодадзе, – вежливо попросила Ануки дежурного капитана и, опершись на палку, снизу вверх посмотрела на верзилу мужчину.

– Кем вы приходитесь Шалве Тодадзе? – тоже вежливо спросил капитан Ануку.

– Я мать его, сынок, а это его любимая сестрёнка Теона.

– Чача* есть у тебя?

– Для тебя, сынок, всё есть. Только скорее покажите мне сына, не останусь в долгу. Не могу долго стоять на ногах, постарела я, сынок.

– Пишите заявление, калбатано, и кто вам не разрешит свидание. Может кто-нибудь думает, что мы здесь душим людей?

– Разве я умею писать, господин начальник! – сказала Ануки, а капитан открыл дверцу шкафа с посудой.

---

* Чача* – виноградная водка.

Капитан следил за тем, как положила она в шкаф варёную курицу, хачапури,* зелень, фрукты и трёхлитровую банку с водкой.

– Не то, что писать, я уже и свой день рождения забыла, перешагнула уже через восьмой десяток. Может, вы уважите нас, господин начальник, мы будем вам признательны.

– Какая уж тут благодарность, ты и так заполнила шкаф! – сказал капитан, и, написав заявление на имя начальника колонии, побежал на второй этаж за подписью.

– Калбатано, ваш сын в настоящее время находится на работе, пройдёмте, мы подберём вам квартиру, отдохните. А когда ваш сын вернётся с работы, мы сообщим вам, – сказал капитан и спрятал заявление с подписью начальника колонии в журнал. Затем капитан приказал солдату, чтобы женщинам отвели комфортабельную квартиру, и вежливо проводил их до комнаты свиданий.

И правда, очень хорошо устроились женщины в двухкомнатной квартире, отдохнули. Только ожидание оказалось мучительным для обеих, хотя их устраивала задержка заключённого: ночью у них было бы меньше проблем.

Накрыли стол и наполнили ванну до краев. Настал критический момент: заключённые стали возвращаться в жилые помещения. Кажется, все бригады вернулись и разместились. Прошли минуты, ещё один час, и с жилой зоны в свободную зону свиданий завели Шалву.

---

* Хачапури* – пирог с сыром.

Ануки вышла в кухню, стала хлопотать, будто что-то готовила. Феридэ с улыбкой встретила „брата“ и стала целовать его чересчур сильно. Конвоиры наблюдали за этой сценой. Шалва вошёл в комнату, сел у стола и всем сердцем стал любоваться „Теоной“.

– Какая ты стала, девочка, я не узнал тебя! – сказал он.

– Когда ты узнавал меня. Ты не видел меня с тех пор, как я вышла замуж. Твое положение вскружило тебе голову, и ты, сытый, забыл всех. Теперь тебе понадобились сестра и друзья, когда ты голоден. Знать бы, чего ты хочешь, кто у тебя в долгу?

– Нет, ты не Теона, я не хочу разговаривать с тобой! – сказал Шалва и направился к двери.

– Куда ты идёшь? Не стыдно тебе? Бежишь от беззащитной женщины! Я хочу с тобой поговорить! Я – Феридэ, мать Эки! Почему ты убил мою дочь?!...

– Ты же не пришла мстить, я не дотронулся до принесённой тобою еды. Меня осудил закон и я добросовестно отбываю наказание. Если я и совершил преступление, то теперь раскаиваюсь.

Пошли от меня прочь! Это моё последнее слово. – сказал Шалва и направился к двери, но Феридэ быстрее молнии взвилась кверху и кистью руки сдавила ему гортань. Голова Шалвы склонилась к воде, сильным ударом в шею Феридэ бросила Шалву в воду. Несколько раз он пытался выбраться из ванны, но сильные удары по голове не давали ему такой возможности. Вскоре он потерял сознание.

Наконец тело Шалвы с открытыми глазами и ртом всплыло на поверхность воды. Феридэ, взяв нож, точ-

но хирург, хладнокровно вырезала из груди Шалвы ещё бившееся сердце и спрятала его в сумку.

Будто огромный груз свалился с плеч Феридэ. Она взяла тряпку и стала вытирать ею пол. Абсолютно спокойно она отжимала грязную тряпку в открытый рот Шалвы, чувствуя от совершения мести неописуемую радость.

Ануке передалось спокойствие Феридэ, только вот немного дрожали руки, и спина сама горбилась. Она заглянула в ванную и увидела труп с открытым ртом.

– Господи, прости её. Она сама не ведает, что она творит! – сказала Ануки в адрес Феридэ и перекрестилась.

Вытерли пол, накрыли полотенцем еду, закрыли двери на ключ. Ещё порядком не стемнело. Они направились к главному выходу. Капитан и двое его товарищей пили водку. Увидев женщин, он встал и вежливо открыл дверь.

– Почему вы уходите так рано? Вам же разрешили долговременное свидание? – спросил капитан.

– Купим сигареты и быстро вернёмся, – ответила Феридэ.

– Да, хорошо. Если вместо меня будет другой, то я прикажу, чтоб вас долго не заставляли ждать.

– Большое спасибо! – произнесла Феридэ и медленным шагом пошла по тротуару.

Дошли до остановки такси. В спешке наняли такси и покинули место происшествия.

В Тбилиси смешались на улице с людской толпой и, когда руставское такси уехало с вокзала, они наня-

ли частника до Гори, а из Гори опять на такси вернулись в Сачхере.

– Это первое убийство было для меня ужасным, – сказала Феридэ Ануке. – В душе моей что-то сломалось. Я, добрый человек, превратилась в злое существо. Была чистой, слабой, а стала сильной, была справедливой, а превратилась в несправедливую, сладкой – в горькую, любила всех, но эту любовь, это хрупкое чувство, убили в моём сердце так, что даже не дали ей распусться, и место любви заняла ненависть. Ну, а теперь могу кричать громко: „Берегись меня, человек!“

– Каменное сердце у тебя, Феридэ. Не ожидала я от тебя такого.

– Нет, Ануки, у меня было слишком доброе сердце, от одного вида крови могла потерять сознание. То, что у меня теперь каменное сердце, заслуга моего учителя Кравченко. Это он научил мир войне, и этим я сильна. Не тревожься, укройся за моей спиной, ничью печаль не заберёшь ты к детям. Правда, ты устала, но мы должны с тобой поработать и приготовить угощение нашим детям. С утра отнесём им, не то потом я буду занята: хочу поехать к себе на родину.

– До сих пор не была ты в своей родной деревне, а сейчас, что соскучилась по родному краю?

– Да, соскучилась, надо мне рассчитаться кое с кем. И знаешь, Ануки, о чём прошу тебя? Ты должна привыкнуть к одиночеству, помни, твоя жизнь принадлежит не только тебе. Ты знаешь, где хранятся деньги, и если мне когда-нибудь понадобится помощь, знай, что

я надеюсь на тебя. Будь осторожна. Завтра утром после кладбища я поеду на родину и не знаю, когда вернусь. Не волнуйся за меня, знай, что я тебя не опозорю!

В то время, как Феридэ и Ануки были увлечены разговором, Макринэ, спустя десять лет, подошла к дверям дома своей замужней дочери Теоны.

– Что привело тебя ко мне, мама? Знаю, какая ты гордая, без причины не пришла бы к своей непослушной дочери, – спросила Теона.

– Очень трудно мне стало, вот и пришла. Не дают мне покоя грехи, дочка. Почему вы не умерли у меня в утробе, если такими должны были вырасти?

– Чего тебе надо от меня, мама? Я замужем, у меня хороший муж и дети.

– Такого мужа, как у тебя, только врагу и пожелаю. Очень ты знаешь, кто хороший, а кто плохой.

Во время этого разговора мать с дочкой думали, что Юрий Цицилашвили спит, но, в действительности, он всё слышал. Он лежал в соседней комнате, и гнев переполнял его.

До сих пор, парящая в небе, Макринэ неожиданно оказалась в беде. Погасла её гордость, а так как кроме Теоны у неё не было никого из близких, кто бы мог поддержать её в беде, то пришлось обратиться к дочери.

– Хорошо, что было, то было. Был ли он виновен или нет, его арестовали, – сказала Макринэ в адрес Шалвы. – Но ведь ты здесь, рядом со мной. Можно ли оставлять мать на милость Бога?

– Что мне делать, мама? Сколько раз приходила я к тебе, а ты не принимала меня, с проклятиями выго-

няла на улицу. Помнишь, ты даже на суд Шалвы на не впустила. Продукты, которые я принесла брату, ты выбросила в мусорный ящик так, что Шалва даже и не знал. Если я тебе не нужна, оставь меня в покое. У меня очень хорошая семья. Дай мне жить так, как я хочу!

– Оставить тебя в покое? А меня оставляют в покое враги или близкие?

– Как же мне поступить, чего ты хочешь от нас?

– Ты должна поехать со мной, опостылело мне одиночество!

– Я приходила к тебе, но ты не принимала меня, а теперь говоришь: „Пойдём!“ Что я бабочка какая-то: и не прилетай, и не улетай.

– Тебя никто не выгонял, ты только „бочку с навозом“ не приводи ко мне.

– Мама, он – мой муж. С большими мучениями мы создали нашу семью, а ты хочешь всё разрушить? Я люблю его, он – отец моих детей. Что бы там ни было, он – мой хозяин.

***

– Для такой, как ты, красавицы всегда найдётся хозяин. Помнишь, в молодости, за тобой ухаживал Фридон, он и теперь не женат, тебя ждёт. Ты должна пойти со мной, дочка. Пожалей свою одинокую мать. Брось детей на „навозную бочку“, а мужа я найду тебе получше твоего.

– Не знаю, мама, что мне делать, жалко бросать нажитое, но и тебя мне тоже жаль!

– Что делать?! Делай так, как я говорю. Ты ведь всегда была послушной дочерью, вот и сейчас не обмани мои надежды, дочка.

Как только рассветёт, скажи своей „бочке с навом“, что поедешь к матери на два дня, и едем. А уж дальше я знаю, что делать. Никогда он больше не увидит тебя.

– Жаль мне его, ведь он любит меня, мама! Что, даже внуков тебе не жалко?

– Ты пока молодая, ещё нарожаешь мне внуков от настоящего мужчины, а от этой скотины мне ни дети не нужны, ни внуки...

– Ты, старая ведьма! Не разбивай мою семью! – вопя, с ножом в руке, ворвался из соседней комнаты Юрий и схватил Макринэ за волосы.

– Не трогай меня, ты, волчий выродок! – закричала Макринэ и со всей силой стала царапать ему лицо.

В нервном шоке, озверев от боли, Юрий потерял контроль над собой и со всей силой ударил ножом в грудь Макринэ. Макринэ захрипела, и с раной в груди рухнула к ногам Теоны.

– Что ты наделал, зверь! – закричала Теона и вцепилась в горло когда-то любимого ею мужа.

– Тебя тоже не оставлю в живых, проститутка, предательница! Хотела бросить детей и мужа?! На, бросай! – завопил Юрий и в помешательстве (по заключению экспертизы) нанёс сто пятьдесят два смертельных удара Теоне.

Дежурному Чиатурского городского отделения милиции Юрий положил на стол окровавленный нож и сказал:

– Я убил тещу и жену!

– Тещу и мою можешь убить, а вот жену, не одобряю! – сказал дежурный милиционер и широко распахнул двери камеры убийце.

Наступило туманное утро. Феридэ передала Ануке пакет с продуктами, а сама проверила магазин нагана, вложила семь гильз, мастерски подбросила смертельное оружие и положила в сумку, – „откуда знаешь, где понадобится“ – подумала и по одной сложила в сумку ещё двадцать гильз.

Кладбище в любое время дня навевает грусть и печаль. Вот и сейчас было пасмурно, природа будто плакала, облако печали опоясывало церковь.

Около могилы, выложенной мраморными плитами, остановились две „тигрицы“, две матери.

Заплакали матери от сердечной тоски и боли. Плача, Феридэ открыла сумку, достала сердце Шалвы, которое ещё кровоточило, разрыла руками землю на могиле дочери и бросила в яму, которую вырыла на глубине одной ладони от груди дочери, сердце Шалвы и произнесла: „Дети, вы думали, что у человека, который вас предал, нет сердца, но нет, вот оно. Я принесла вам его сердце, как украшение. Пусть земля вам будет пухом, покойтесь с миром. И если сияние ваших душ осветит мне путь, то сердце второй предательницы вскоре преподнесу вам. Высохли слезы у меня, дети, превратилась я в зверя, и мечтаю теперь только о мести. Не удивляйтесь, что не орошаю я слезами эту святую землю, которая охраняет вас, как и прежде.

Сегодня я не принадлежу ни земле, ни небу. Удивляюсь я безбожию Божьему, продала я душу Сатане

для того, чтобы он помог мне исполнить ту мечту, которую не исполнил мне Бог!

Слушала Ануки Феридэ, и слёзы душили её, не вытерпела и закричала: „Дети!“ . Стала целовать высеченную на гранитном камне фотографию. Слёзы, как воск растаявшей свечи, повисли на холодном граните.

Плакала во весь голос Ануки, не жалея себя, а Феридэ, стоя на коленях, слушала её, как тигрица, затаившаяся в ожидании жертвы. Ануки, наплакавшись и чуть успокоившись, с дрожью в голосе признала:

– Дети, простите мать Феридэ за то, что она плохо отзывается о Боге. Не знает она, несчастная, что говорит. В царстве небесном станьте ангелами, и пусть ваша тень и Божия будут покровительствовать и направлять мать Феридэ в её помыслах, разверните её к добру, заставьте её больше не проливать кровь: пусть не вершит божие судилище смертный, сам Бог накажет губителя нашей семьи. Будьте для Феридэ наставниками божьими, не оставляйте её одну, и меня. Вот на этом месте, где я стою, найдут моё бездыханное тело, если с Феридэ что-нибудь случится. Поэтому прошу тебя, дочка, пусть дух твой объявится перед твоей матерью ангелом – хранителем, отведи от неё беду, разверни её к божьей истине для того, чтобы и вы сладко почивали в царствии небесном...

– Хватит, Ануки, – сказала Феридэ, прервав плач Ануки. – Не отбивай себе колени в поклонении Богу. Пойми ты, „божья мудрая женщина“, что у самого Бога нет Бога, не то бы он так с тобой не обошёлся.

– Безбожье тогда проявляет Бог, когда поклоняешься Сатане! – сказала Ануки.

– Ладно, на дорогу Сатаны я встала недавно, когда увидела, что божья дорога обледенела. Если собрать все свечи, которые я зажигала Богу, и зажечь разом, то свет от их огня осветил бы всю Вселенную. Я просила помощи и милосердия для семьи, но что оставило мне пламя свечи, ту тень от иконы, которая закрывала пламя свечи? Да, та маленькая тень, превратившая мою жизнь в ад и бросившая меня в вечную пропасть траура. Дурой была, что искала счастье с помощью Бога, оказывается вовремя я должна была надеть воинские доспехи, вовремя я должна была пролить кровь в отместку за смерть мужа и сохранить жизнь моему дитя, а теперь уже не поможет моему дитя моя жизнь, принесённая в жертву, стараюсь убить в сердце моем нарастающий гнев.

– Неужели тебе не жаль того, кого ты убила, и нет ли у тебя видения пролитой крови? – Не сейчас я убила его, не раз мысленно предавала его такой смерти, какой убила. Именно тогда виделась мне пролитая кровь. Ну, а теперь я чувствую такое удовлетворение, что готова плясать на могиле моих детей, и ещё совершу убийства, так как мне видится, как тень моих детей смотрит на меня, и души их радуются также, как радуюсь я. Ты думаешь, что сегодня, совершив новое убийство, меня потрясёт пролитая кровь? Во-все нет, так как об этом я думаю двадцать лет, и не кровь прольётся, а свершится обряд обмывания.

– Боже, прости её, так как не ведаёт она, что говорит и что собирается совершить. Отказ истинного

христианина от духовной чистоты считается божьим гневом.

Феридэ, не совершай зла, дождись божьего суда!. Бог всё видит и каждому воздаст по заслугам. Ты не имеешь права опережать божий приговор.

– Такие, как ты, умирают на ложе с молитвами к Богу, так что память о них загнивает раньше, чем их ложе. Не думайте, что легко бороться за правду и очистить земное существование от зла... Земная жизнь разнообразна: собачья и волчья, ослиная и человеческая. Как ты думаешь, пальмовые ветви и одежду ослу расстилали или Иисусу, когда он шёл в Иерусалим! Христос был борцом. Люди увидели, что он жертвует собой и признали его Богом. Поэтому распятие на кресте и бессмертие выпали только Христу.

Я не могу быть такой же, как Христос, но буду тем, чем могу. Христос с помощью Бога очищал человеческие души, а я делаю то же самое с помощью Александра Кравченко и моего рассудка.

– Христос никого не убивал, наоборот он взывал „не убий“, ну, а ты, идя по дороге Христа, оставляешь кровавый след. Думаешь, простит тебя Всевышний за убийство соотечественника?

– При чём тут соотечественник? Мы должны почитать человека, а не национальность, о которой ты говоришь с таким величием. Христос был евреем и христианином, и никогда не объединял свою веру с Буддой. Кто тебе больше дорог: араб Або или грузин Серго Орджоникидзе, ассириец Давид Гареджи или грузин Лаврентий Берия, армянка Шушаник или знатные вельможи из старинного рода, грузинские братья,

которые до сих пор ходят с окровавленными руками, а мы ждём Божьего наказания для них.

Хватит с меня жизненной суеты. Я разменяла жизнь, данную мне Богом и судьбой, последовала беспомощным и горемычным шагом за безвольными однообразными днями, но не смогла подстроиться под череду этих дней, решила идти по жизни одна беспорядочным шагом, и горе тому, кто будет путаться у меня в ногах.

– Господи, помилуй! Феридэ, уж не задумала ли ты убить братьев? Знай, что даже мысль об этом непростительный грех. Я верю, что не будешь ты такой беспощадной, не повторишь пример Каина, не пойдёшь против воли Бога и закона.

– Я не могу верить Богу, который не внял ни одной моей мольбе, ни тому закону, которым он управляет. Я хотела трудиться на этой земле свободным человеком. Ни рабыней не хотела быть, ни рабовладелицей, первое – это бессилие, а второе – гигантизм. Но решили властвовать надо мной, склонила я голову, и, ради любви к своему дитя, позволила наденуть на себя рабское ярмо. И в этом позавидовали мне, и тот, кто надел на меня рабское ярмо, его же и снял. Даже рабскому ярму, столько лет надетому и привычному для меня, позавидовали. В этом случае необходима „борьба за существование“. А мне пусть повезёт хоть в том, что я борюсь за невыживание. Ну, как поступим? Проклятиями и молитвами уничтожим нашего врага? Мы построили дом для мученического существования, наладили жизнь, а грызуны стали грызть наш дом и разорять

наше имущество. Как ты думаешь: разрушим дом или уничтожим грызунов?

– Ты должна уважать Всевышнего, который нагнал на тебя грызунов, и без его ведома ты не имеешь права уничтожить их.

Сегодняшний день нашей жизни похож на сгустившийся туман, туманное утро означает, что целый день будет идти дождь.

– Для нас не дождь, а снег пошёл, и я совершенно не думаю о бессмертии души. Не думаю о смерти и не боюсь её. Для высшей цивилизации не существует смерти, она есть только в теле духовно неразвитых людей. В результате смерти в земле оказывается плод их неразвитости, недоспелой души. Такие люди умирают раз и навсегда, так как они не могут бороться со злом, беззащитны они перед его величием. По-другому не смогла бы Вселенная достичь вершин гармонии и совершенства, куда человечество стремится со всей скоростью.

– Для нас уже не существует этого процесса природы, прислушайся к Божьему завету, и не заставляй людей плохо отзываться о твоей жизни.

– О чём же говорят люди?

– Говорят, что Феридэ после смерти дочери начала наряжаться, прогуливается как девушка на выданьи, наверное, замуж собирается!

– Хорошо, если так думают. Я такую свадьбу покажу людям, что в зале суда негде будет и яблоку упасть!

– Ничего я тебе не втолковала, как видно, сильно укоренился в тебе Сатана, но все равно скажу, так как нет у меня права не стараться развернуть тебя к до-

бру! Ты можешь не слушать меня, знаю, что так и будет, но помни, что моя недолгая жизнь принадлежит тебе, поддержи меня и дай мне силы жить для защиты душ наших детей, постарайся не прерывать жизнь раньше срока, отведённого нам Богом!

– Очень мне хочется знать, с чего это ты так носишься со своей жизнью? Так не должно быть, ведь смерть неизбежна. Меня удивляют те люди, которые не идут туда по собственной воле, куда рано или поздно им придется уйти? Хватит, Ануки, воспитывать меня, тебе не изменить моего плана. Скажи, ты не обидишься, если я выведу машину Арчила из гаража: хочу съездить в Саванэ.

– Не поняла, кто ты: женщина или ведьма? Неужели умеешь водить машину?

– Я всё умею! Умению бороться научил меня мой брат, Александр Кравченко.

– Своих братьев не признаёшь, а украинца Кравченко окрестила братом!

– Может объяснишь мне, Ануки, что такое „брат“? Это слово или существо, что возложено на него по отношению к сестре, к людям, к Родине?

– То, что возложено было на девятерых братьев Херхеулидзе, возложено и на всех других братьев по отношению к брату, к сестре, к Родине. Это же самое возложено и на твоих братьев.

– Спасибо тебе, Господи, наконец-то дошло до тебя, что братство, похожее на братство Херхеулидзе, погибло на поле боя, на том же месте проросли, смешанные с кровью неверующих, современные братья, которые встречаются нам в изобилии среди жителей.

– Послушай меня, Феридэ, нельзя каждого, кто боролся и, кто даже не прошёл по полю боя, считать предателем. Твой долг перед всяким: быть доброй, помни, что только добром можно победить зло. Добро –вечно, на него не влияет время, оно появилось вместе с человеком, и наш долг – постараться, чтобы добро не пропало с нами вместе. Давай оставим на этой земле след от него, чтобы не быть похожими на тех людей, которые потеряли ощущение добра с рождения. Если тепло, полученное от солнца, не отдать другому, то можно сгореть. В этом то и заключается сила добра, которая вселяется в человека с божьей силой для того, чтобы победить существующий в нём грех и найти успокоение души.

Правда, эта заповедь – истина Всевышнего, и более сильная, чем земная, но каждый смертный в состоянии исполнить заповедь добра, которая заложена в нём с рождения.

– Ануки, почему ты просишь, чтобы только во мне пробудилось это чувство, и, чтобы только я боролась с несправедливостью добром? Как по-твоему, кто для меня ближе: православные мои братья или украинец Кравченко, который обучил меня борьбе со злом?

– Я считаю Кравченко слугой Сатаны, который обучил тебя бою и смерти. В таких случаях не замешана сила Всевышнего, и ты тоже не называй чужака святым.

– Обидно мне, Ануки, что ты поминаешь Кравченко с позором. Прошу тебя, не повторяй больше этого, ну, а теперь давай прощаемся с тобой на несколько лет. Я решила попасть в женскую колонию, чтобы

вскоре принести тебе сердце Калтамзе. Главное, береги себя, помни, что ты – соучастница в этом деле, и скоро понадобишься мне...

– Остановись! Остановись! – вскричала Ануки. Ведь можешь же ты немного передохнуть, а потом...

– Нет, не могу! Промедление может испортить начатое. Кто знает, может откроется руставское дело, и меня арестуют раньше, чем я выполню обещанное. Уйди с дороги, Ануки! – строго произнесла Феридэ, и, пока Ануки думала, что ответить, Феридэ переключила рычаг скоростей, и автомобиль „жигули“, сорвавшись с места, на большой скорости помчался к родной деревне Феридэ.

Ануки перекрестила отъезжающую, и, не помня, сколько времени, окаменев, простояла на одном месте.

„Жигули“ подъехали к густозаселённому району и остановились у деревянной калитки.

Здесь ничего не изменилось в течение двадцати лет: калитка выглядела по-прежнему, только чуть-чуть её подремонтировали, стоящий на каменном фундаменте деревянный дом остался нетронутым временем, точно таким, каким она помнила его с детства. Тут провела Феридэ годы своей юности, сколько грязи намесила она босыми ногами. Кто бы мог представить, что когда-нибудь она войдёт в этот двор врагом. Она, вечно творящая добро, гордость семьи и села. От воспоминаний прошлого у Феридэ сжалось сердце, на глаза выступили слёзы. Женская добродетель зывала к милосердию; приглушённым голосом оплакивала Феридэ ещё живых братьев и чуть было не передума-

ла задуманное. Но вдруг перед глазами всплыла ужасная картина; её первая любовь Георгий с перерезанным горлом, лежащая в гробу, рядом с Арчилом, Эка, разорённая и растерзанная семья, вырванные волосы, клятва, данная над бездыханным телом дочери... Как яркое солнце, выглянувшее из-за облаков, которое называют в Имерети „факелом“, блеснула в заплаканных глазах искра мести. Перекинув сумку через плечо и бесшумно закрыв дверь автомобиля, она тихим шагом вошла в дом, именно в тот дом, где когда-то раскачивалась её колыбель.

Она обошла все комнаты, в доме никого не было, вышла на балкон и только теперь заметила во дворе новый отстроенный дом. „Наверное, они в новом доме,“ – подумала Феридэ и направилась было туда, как вдруг во дворе показался младший брат Коба.

– О-о-о, кого я вижу! – крикнул он и позвал братьев. – Гамлет, Гио, Бесик выходите, посмотрите, с того света к нам явилась тень Феридэ. Интересно, что случилось с умершей, которую не поминали!

На крик Кобы из нового дома вышли ещё три брата. Они так угрюмо смотрели на Феридэ, будто она и впрямь явилась с того света.

– Кто дал тебе право, сучка, отворить калитку и ступить своей грязной ногой в этот дом? Ты для нас умерла и теперь пугаешь нас своей тенью! – крикнул старший брат Гио и сбежал по ступенькам лестницы для того, чтобы пинками прогнать со двора привидение. Но Феридэ предвидела переполох, сбор соседей и успела пройти в самую дальнюю и тихую комнату, братья вошли вслед за Феридэ.

– Убирайся вон, сучка! – не уступал своего старший брат, бешено вопил он и хватал руками Феридэ, которая прилипла к стене.

– Остановитесь, братья! – крикнула Феридэ, готовая к прыжку, если братья не остановятся. Но другой брат, Бесик, остановил их.

– Подождите, дайте ей сказать. Может она пришла сюда, чтобы умереть? Давайте исполним её последнее желание.

– Смотри! Смотри! Она уже отплакала свою дочь! – произнёс Гамлет.

– Проститутке, шалаве откуда знать о любви к своему дитя. Сколько таких Эк продала она, кто посчитает? – сказал Коба.

– Вот-вот, опозорила нас навечно, головы не можем высунуть среди соседей, сюда тоже никто не заходит. Это её вина, что вся деревня косо смотрит на нас! – кричал Гио.

– Дочь её, наверное, по стопам матери пошла, вот и убили её, как собаку! – прошипел Коба, голос которого был похож на шипение ядовитой змеи.

– Не вытерпела Феридэ того, как плохо отзываются о её дочери, угроза сверкнула в её глазах. Без лишнего волнения раскрыла она сумку, достала наган и приделала к нему глушитель.

– Вставайте к стене! – ледяным голосом произнесла Феридэ и выстрелила в портрет отца, висевший на стене.

– Не убивай, девочка! – задрожали от смертельного ужаса братья...

– Вставайте к стене! – повторила Феридэ и заме-

тила, как повернулся Коба к двери, чтобы бежать. Но пуля настигла его и, (такое происходит только в кино), мозги из расколовшегося черепа обрызгали всю стену.

– Не убивай, сестрёнка, Феридэ, не убивай! – все вместе в один голос вопили, ползая по полу, трое братьев.

– Пожалеть?! – с презрением произнесла Феридэ братьям, которые ещё минуту назад были гордыми, а сейчас выглядели жалкими, и дрожали, напуганные страхом смерти.

– Пожалей нас, Феридэ! Пожалей! – в один голос кричали все трое. Они стояли на коленях перед бездыханным телом четвёртого брата.

– Вы ведь не пожалели Георгия, и спасибо Всевышнему, что приговор исполняю я.

Феридэ нажала на курок, и пуля, отрекошетив от пола, попала в старшего брата, который стоял на коленях между братьями, пригвоздив его к стене. Ещё два выстрела, и всё было кончено. Феридэ с презрением осмотрела лежавших в луже крови братьев, перезарядила наган и, приставив дуло к груди каждого, выстрелила ещё раз.

Она действовала хладнокровно, ни одна жилка не дрогнула на её лице, только и было, что от презрения лицо её морщилось.

Феридэ открыла калитку, спрятала наган в сумку и бросила её на переднее сиденье. Затем достала из багажника двадцатилитровый баллон с бензином и вернулась в дом.

Кровь возле трупов уже свернулась.

– Я похороню вас по-индийскому обычаю, – спокойно произнесла Феридэ и облила трупы бензином. Затем, облив стены и пол дома, швырнула пустой баллон на балкон, чиркнула спичкой, и в одно мгновение пламя огня охватило весь дом. Без всякого волнения Феридэ села в автомобиль и медленно выехала на шоссе.

Вскоре послышался грохот от обвалившейся крыши дома и крики жителей деревни...

„Жигули“ медленно ползли по подъёму и остановились возле кладбища в селе Чиха. Прошло уже два месяца с тех пор, как побывала Феридэ на могиле Георгия. Очень хотелось ей рассказать любимому мужу всё, что скопилось у неё в душе. Нервничая, уставшая Феридэ присела на каменную скамью. Вдруг её охватила такая робость, будто легла она на ложе с давно не видавшимся супругом, будто из волшебного царства смотрела на неё тень Георгия. Хотела она взглянуть на него, но боялась посмотреть в глаза любимому мужу. В эту минуту её беспокоило то же, что беспокоит людей, борющихся за всемирную закономерность. И для убийцы, борющегося за правду, существуют волнение и олимпийское спокойствие, которые появляются в душе любого человека после достижения поставленных целей. Это чувство, как родник, так как бессмертие, осознанное на одно мгновение, бессмертие спокойствия лучше неосознанной вечности. Может эта вечность не будет усыпана божьими плодами, но в эту минуту для Феридэ не имело значения, будет ли это спокойствие божие или сатанинское, так как после совершения убийства ей

было спокойно вдвойне. Ни один художник не знает, каким будет его творение, так и природа не ведаёт, какой год предсказывает нам гороскоп, а убийце известно наперёд о скорби и радости задуманного убийства. Трудно понять убийцу: он же преступник в глазах общества, и почему общество должно прощать ему преступление? Никто не рассматривает вторую сторону медали, не потратит сил на защиту убийцы, но если взглянуть объективно в глаза убийце, без лишней патетики, без искривления фактов, опираясь на человеческие принципы, то станет ясно, что жизнь – это тяжкий труд, в котором присутствуют и воспитание и убийство.

Феридэ опустилась на колени, поклонилась фотографии Георгия, с которой, как ей показалось, он с укором смотрел на неё, словно спрашивал:

– Что ты наделала, Феридэ?

– Что я наделала? – заговорила она с тенью. – Тебя нет со мной, мой дорогой, у кого просить мне помощи, где искать тебя, сердце моё, не знаю, какая жизнь у тебя. Ну, а здесь, после смерти Эки, мне всё осточертело. Одни радовались, когда судьба не благоволила мне, вдове с маленьким ребёнком на руках. Другие смеялись, когда я сбивалась с пути, третьи от моих страданий ждали выгоду. Даже наши родственники, ради своей выгоды и удовольствия, довели меня до нищеты. От тебя ждала я помощи и исполнения тех желаний, о которых мы мечтали в то короткое время, которое отпустил нам Господь. Но ты ушёл и оставил меня со слезами... , не дают мне покоя мысли о тебе, скучаю по тебе, ищу тебя во сне и наяву, с молитвами

и воспоминаниями, безнадежно и с надеждой. Устала я, хочется отдохнуть, но чувствую, что нет у меня на это права. С того света отзывается твоя тень, и слышу я плач и стенания, значит, думаю, ты осуждаешь меня за совершённое. Стоят ли мои мучения нашей любви, похороненной в земле, Я надеюсь, что после достойного отмщения вырвется из земли и расцветёт наша любовь. Может и, правда, существует потусторонняя жизнь. Если это так, то побыстрее забери меня отсюда, Георгий, убей меня, не бойся смерти. Чего боишься, бичо*! – крикнула Феридэ и подняла руки к небу.

– Сын божий, Христос, сила Вселенной, ты охраняй и береги душу моего супруга. Георгий, ты ушёл из жизни таким же чистым, как Иисус, и верю, что будешь ты в царствии небесном, а я отдам тебе сердце мое, только не возвращай мне подарок, не поступай так, как поступила Мари – Луиза с сердцем Наполеона.

Да, давай поговорим, Георгий, да и о деле не забудем. – сказала и стала раскапывать землю руками. На пальцах обломались ногти, и сочившаяся кровь обогрела землю, но Феридэ не чувствовала боли; ей нужно было закончить работу. Окончив, она, довольная, обвела взглядом свою работу, приподнялась и огляделась вокруг: „Может кто-нибудь смотрит на меня?“ Но никого не было видно. Кладбище, как и всегда, выглядело угрюмым, темным, туманным, скорбным и злодейским предзнаменованием.

Феридэ взяла сумку, лежащую на каменной скамье, открыла её и проверила, на месте ли наган Георг-

---

* Бичо – мальчик.

гия. Убедившись, что наган на месте, она бросила его вместе с сумкой в яму, затем, разровняв землю, пересадила завядшие цветы, укрепила корни и выдохнула с облегчением. Ей казалось, что нет на свете никого счастливее, чем она.

– Прости меня, Георгий, опоздала я, – начала она плачущим голосом, – ты, бичо, наверно рад, что к тебе пришла твоя дочь со своим супругом. А теперь я отправила к тебе рабами твоих убийц, прости, что их сердца не похоронила на твоей груди. Видел бы ты, как дрожали они от страха перед смертью. Если ты также трусливо встретил свою смерть, знай, что больше не буду оплакивать тебя.

Братья переключивали вину в твоей смерти друг на друга, прикрывались один другим. В жизни каждый занимает своё место: и брат, и супруг, но знаешь, как я любила братьев, сильнее, чем себя, но со дня смерти моей дочери возненавидела их, а с сегодняшнего – презираю.

Сначала я хотела признаться в их смерти, но передумала. Стыдно мне, что испачкала руки в крови трусов. С удовольствием признаюсь в убийстве Шалвы Тодадзе, если меня выследят. Он мужественно встретил свою смерть. Люблю, когда настоящий мужчина перед смертью ведёт себя так же достойно, как и в жизни. Вот так.

Ты родился под несчастливой звездой, мой Георгий, и мои братья рождены под ней. Ты хоть дитя оставил мне, которое сохранило мне жизнь до сегодняшнего дня, а у них не осталось даже того, кто оплакал бы их. Не нашлось равных их благородно-

му происхождению девушек, а теперь с их телами в пепел превратилось годами накопленное княжеское имущество.

Ну, что же, Георгий, хочу попрощаться с тобой на несколько лет: иду сдаваться милиции, признаюсь в совершенном преступлении, только в преступлении, но не в убийстве.

Феридэ поставила машину в гараж, около калитки её поджидала Ануки и, увидев названную сестру живой и невредимой, чуть было не пустилась в пляс. –

– Гого, где ты до сих пор? Ослепла я, ожидая тебя, – упрекнула Ануки, увидев Феридэ.

– Что поделаешь, Ануки. Жизнь распорядилась так, теперь ещё на более долгое время придётся разлучиться нам и ждать друг друга.

– Ну-ка, выкладывай, что ты ещё натворила?

– Об этом я следователю расскажу, а ты услышишь о моем преступлении на суде. Помогите мне, не хочу, чтобы милиция забрала меня из дому, я сама должна явиться в органы. Быстро найди мне какую-нибудь сумку, сложи мыло, зубную щётку, нужную для женщины косметику, тёплые вещи, бельё и др. В общем всё, что необходимо для одинокой женщины-отшельницы.

– Покидаешь меня, Феридэ? – У Ануки задрожал голос и полились слёзы.

– Нет, я тебя не покидаю. „Закон – король королей“. Все должны отвечать за преступление. Если ты мужественный человек, ты не должен прятаться от закона, обязан признаться в совершённом преступлении и встретить приговор достойно.

– Правильное высказывание. Не надо прятаться от служителей правосудия, потому что всё равно не спрячешься от своей совести и закона. Защитнику закона, как и нарушителю, весь мир кажется мал до тех пор, пока один из них существует. Я знаю это, но снисхождение есть всегда: правосудию необходимо мягче подходить к рассмотрению совершённого преступления. Пусть поддержит того, кто желает встать на правильный путь, и не подталкивает того, кто валится в пропасть, кто готовится к падению.

Почему ты не говоришь, что ты совершила? Ты же знаешь, что у тебя есть только я, хранительница твоей тайны. Поделись с подругой, этим ты облегчишь сердце, а часть совершённого преступления ляжет на мои плечи.

– Самый надёжный хранитель тайны – ты сам, Ануки, но иногда человек не должен доверять даже самому себе. Нет, ты не думай, что я не доверяю тебе, но время уже не ждёт. Завтра приходи в милицию, и я всё расскажу тебе подробно.

Ну, а сейчас выполни мою просьбу: сложи мне нужные вещи в сумку.

Ануки достала новую сумку из шкафа и сложила все необходимые вещи, оросив их слезами.

Названные сёстры молча смотрели друг на друга, и кто знает, какая тайна многовековой вечности заключалась в их молчании. Под конец их одолели слёзы, названные сёстры обнялись, делясь любовью и душевным теплом. Они слышали сильное биение своих сердец, плач души, вызванный потерей любимых детей...

Так как всему есть конец, наступил момент прощения. Феридэ, повернувшись, прошептала что-то наподобие молитвы и быстрым шагом, не оглядываясь на Ануки, чтобы та не увидела её слёз и не сочла за женскую слабость, вышла из комнаты.

Ануки, оторопев, стояла и смотрела вслед удалявшейся Феридэ, считая её шаги. Затем, осознав, что произошло, упала на колени, подняла руки к небу и горячо произнесла:

– Матерь Божия, святая Мариам, всевышний и всемогущий Иисус, заклинаю Вас, обратите слух и сознание, помогите Феридэ, моими молитвами и с Вашей помощью с миром возвратите её мне, здоровую и невредимую, так как нет у меня больше никого, кто бы оплакивал меня, пусть слёзы Феридэ попадут на моё бездыханное тело после моей смерти.

Всевышний, услышь мою молитву, солнце, дающее свет и противостоящее злу, тёплое, как моё дитя, сладкое и желаемое, не обделяй теплом мою Феридэ, освети ей путь и убереги её...

Феридэ уже не было видно, а Ануки всё стояла на коленях и молилась. Молилась и просила Всевышнего оберегать Феридэ. Затем, встав с колен, ползком добралась до кровати и зарыдала. Она плакала, потеряв счёт времени.

А Феридэ пришла в отделение милиции г. Сачхере и попросила дежурного пропустить её к начальнику отделения.

– По какому вопросу вы хотите видеть начальника? – спросил дежурный.

– У меня личная просьба. – ответила Феридэ.

– Хорошо, так и запишем в журнал, – сказал капитан и записал в толстый журнал фамилию и имя. Затем объяснил, как пройти в кабинет начальника.

Феридэ, удивляясь своему спокойствию, поднялась по ступенькам и открыла двери кабинета начальника милиции.

– По какому вопросу пожаловали, калбатано*? – вежливо спросил майор Гулад Перадзе.

– Я совершила преступление и прошу вас арестовать меня, хочу ответить перед законом.

– Не шутите так, калбатано, такие, как вы, спокойные и красивые, не совершают преступлений! – майор произнёс приятный для женщины комплимент.

– Нет, я пришла сюда не ради шутки. Я действительно совершила преступление.

– Удивительно, но всё таки, какое преступление вы совершили?

– Я сожгла дом моих братьев, ту старую кровлю, где мы выросли.

– Почему? – удивлённо посмотрел майор.

– Этот дом не принёс радости моей семье, несчастливый считался он в деревне, поэтому я сожгла его.

– Хорошо, коротко напишите о совершённом вами преступлении, – сказал майор и положил перед Феридэ на письменный стол лист бумаги и ручку.

Вскоре она закончила писать и передала майору своё заявление. Майор просмотрел написанное, задумался на миг и затем обратился к Феридэ:

– Я к вам проникся симпатией, и, если вы больше ничего не совершали, кроме этого, то я лично пору-

---

* Калбатано – госпожа, уважительное обращение к женщине.

чусь за вас. Надеюсь, что вы не откажетесь от вашего преступления и не выедете за пределы района, тогда можете идти домой, а во время расследования мы вызовем вас.

– Ни в коем случае, я уже попрощалась с семьёй и вернусь туда только после отбытия наказания.

– Вы не женщина, а диво какое-то, такого я не слышал, кроме как грузинской пословицы: „Мышь на перину укладывали, а она в свою нору норвила убежать“.

Феридэ улыбнулась. Майор задумался, затем постучал пальцем по столу и нажал на кнопку электрического звонка, который был прикреплен под столом. В кабинет вошёл милиционер и по-военному так вытянулся, что такой выправке позавидовал бы солдат царя Николая.

– Явился по вашему приказанию! – отрапортовал милиционер.

Феридэ опять улыбнулась, так как голос милиционера был похож на голос, уставшего от крика, петуха. Милиционер пристукнул каблуками, как петух, готовящийся прокукарекать.

Майор догадался, чему улыбалась Феридэ, и сам улыбнулся, проговорив самому себе: „Нет у нас кадров,“ – затем обратился строгим голосом к дежурному:

– Отведите женщину в чистую камеру и обращайтесь с ней со всем уважением и вниманием.

Милиционер удивлённо смотрел то на майора, то на Феридэ, и, не решаясь выполнить приказ начальника, выглядел растерянным.

Феридэ вывела милиционера из замешательства, встав и пожелав майору успехов, первой вышла из кабинета.

Камера действительно оказалась чистой. Переступая порог камеры, у Феридэ возникло чувство, будто вошла она в свою спальную комнату.

– Ох, наконец-то я осталась одна, хорошо находиться за закрытой железной дверью. Здесь можно тренировать не только тело, но и сознание. – подумала она и начала раскладывать постель на деревянной койке.

Прилегла...

Одиночеству присущи мысли. Сначала из тумана показалась Эка. Она стояла рядом с Арчилом в свадебном одеянии. Эка радовалась чему-то, чему-то огорчалась. Она пришла, чтобы упрекнуть мать, но в последний момент передумала. Зачарованно улыбнулась и стала удаляться. Чтобы тень девушки не пропала, Феридэ закрыла глаза и напрягла сознание, но тень все равно исчезла. Феридэ вздохнула, сердце её чуть не выпрыгнуло из груди.

Затем ей привиделись четверо братьев; небритые, в лохмотьях, со строгим княжеским взглядом.

– Ах, как я любила вас! – произнесла Феридэ.

– Почему ты убила нас?! – строго спросил её Гио.

– Умерший может мстить. Сначала вы убили меня, уничтожили, а я – отомстила, чтобы имя моё не кануло в забвенье. Мне совсем не жаль, что убив вас, я убила большую любовь. Мне кажется, что я спасла человечество от гибели.

Ну-ка, представьте, если этот мир будет заселён такими, как вы. Какая жизнь начнётся у беспомощных

людей? Люди гибнут за то, чтобы человечество жило. Я внесла маленький вклад во спасение человечества. Вы упрекаете меня: „Почему ты убила нас?“ Я не убивала, я спасла вас от мучений, вовремя отправила на вечный покой. Такая у вас судьба, хотя каждый из вас мог развернуться к добру, так как счастье и горе зависят от человеческой природы ровно настолько, насколько зависят они от судьбы. Вы не достойны понимания. И если что-то существует на том свете, то ваши души должны мучаться также, как мучаюсь на этом свете я.

Вы убили мою любовь и превратили меня, беспомощную женщину, в зверя. Не было в вас жалости к женщине, но, неужели, и любви к родной сестре не даровала вам природа? Никто не убивал моей дочери, вы убили её тогда, когда предали смерти Георгия. С его смертью во мне была убита любовь к мужу, к ребёнку, к братьям, к родителям и к самому Господу богу. Да, я спешила повидать вас, вот и свиделись. Вы все равно считали меня слабой, и в день исполнения приговора встретили с насмешками. У меня умерла дочь, неужели вы не должны были почувствовать моему горю?. Но, нет, вы проклятиями стали вспоминать о ней, хотя это и не удивительно, ведь вы даже представить себе не могли, что такое любовь к своему дитя и человеческая жалость. Ведь ваша любовь зарождалась в проклятом доме, который я превратила в пепел, и заканчивалась в поле во время прополки. Может это и правда вина проклятого дома, оставленного вам отцом. До сегодняшнего дня ждали отмщения те братья – рачинцы, убитые вашим отцом

после окончания строительства дома из-за нежелания платить им за работу.

От имени всего человечества не было права у меня вспоминать о вас, но, всё-таки, скучала я по вам, но сегодня – ненавижу. В этом ваша вина, вы заслужили эту ненависть...

Ох, кажется, я сошла с ума, не знаю, с кем разговариваю: с призраками или с самой собою. Интересно, который час, не светает? – сказала Феридэ и раскрыла сумку. Часы показывали три часа ночи. Она встала, умылась, холодная вода чуть-чуть прояснила её сознание, затем немного позанималась зарядкой, чтобы разогнать мысли. Сев и поставив левую ногу на пол, а правую подняв чуть ли не до потолка, она всем телом прилипла к стене. Посмотрев на стену, которая была заново отштукатурена, у Феридэ возникла мысль. Она села перед стеной, раскрыла косметичку, достала чёрную тушь для крашения ресниц и бровей, нежно провела рукой по стене и начала писать:

*Какой путь, знала бы я
От памяти до забвения.
Какая дорога ведёт нас туда,
В монастырь, для души очищения.
Окружают черти стены монастыря,
Сдерживает их святой Георгий.
Лампада горит, освещает свеча,
И пламя дрожит от страха.
Покрывают иконы туман и мгла,
И лики святых не видны.
Но сегодняшним день*

*Молитвою осветился.
И вдруг увидела я
Дорогу, которая так коротка
От любви до забвения.*

– Когда меня не станет, этот стих будет жить, – сказала Феридэ и спрятала косметику в сумку. И, действительно, стих живёт. После этого случая камеру не раз ремонтировали и перекрашивали, но никто не посмел провести кисточкой по написанным строчкам, чтобы скрыть их под краской. И на сегодняшний день стихотворение существует в первоначальном виде.

Сквозь решётку камеры проник бледный утренний свет, впервые загрохотала и широко открылась железная дверь.

– Церетели, выходи, к тебе пришли! – произнёс одетый в милицейскую форму дежурный, прибавив тихо: – Без разрешения следователя я не имею права выводить на свидание, но там старушка, наверное, твоя мать. У нас ведь тоже есть сердце. Не выдержал я при виде её слёз, целую ночь провела она в дежурке, плачет, пустите мол, я должна быть вместе с ней. Выходи, успокой её как-нибудь, не то болит сердце, глядя на неё. Как только придёт начальник, я уйду отсюда, нет сил моих находиться в это проклятом богом здании. Здесь все плачут: мать и сын, брат и сестра, сосед, знакомый и незнакомый. Выходи, и если хочешь, отведи старуху домой, только убери её отсюда!

– Интересно, что это за старуха? Наверное это Ануки. – подумала Феридэ и вошла в комнату свиданий.

Ануки повисла на шее у Феридэ и запричитала:

– Где ты спала вчера, девочка, наверное, тебе было холодно? Я не вынесу без тебя ни дня, скажу, что я твоя подельница, и будем сидеть вместе. После смерти наших детей на тебя смотрю, как на ангела-хранителя семьи, никуда не отпущу тебя. Я – мать, переверну весь мир, знай, никто не разлучит нас!

– Успокойся, Ануки, что с тобой, от тебя я ожидала больше мужества. В надежде на тебя оставила я семью и могилу детей, а ты не спишь ночью и рыдаешь. Не оплакиваешь того, кого необходимо, а скорбишь по мне...

– Нет, не оплакиваю я больше мёртвых, нет, слышишь, из-за тебя я позабыла всех. Их оплакала, а теперь и ты умрёшь в тюрьме в одиночестве. Я должна оплакать тебя, не могу расстаться с тобой!

– Хорошо, успокойся, Ануки, стыдно. Вот увидишь, выйду я отсюда цела и невредима. Не думаешь ли ты, что здесь убивают людей, ты же видела, как по-доброму отнесся к нам дежурный!

– Кто отнёсся ко мне по-доброму, сорок лет ему, наверно, а ума в голове нет. И зачем мать вырастила его? Целую ночь плакала я у его ног, целовала сапоги, и, только утром сжалился он.

– Закон есть закон, нельзя каждую минуту видеться с заключённым.

– Какая ты заключённая? Что ты натворила? Не своди меня с ума. Это они должны быть заключёнными, кто толкнул тебя на преступление. Ты же никого не встретила и не избивала на дороге. Я не выдержу без тебя, Феридэ, не отталкивай меня, не выгоняй меня отсюда, не думай, что я переживаю только за себя.

Твоя печаль давит мне на сердце, и не выдерживаю я. Не хочу умереть без твоих слёз, а не то сегодня же умерла бы на могиле детей.

– Ануки, послушай, если ты действительно хочешь мне помочь, ты должна быть свободна. Кто знает, когда мне захочется пить или есть, ты передашь питье и еду. Ну, скажи, какая мне выгода от того, если мы обе будем сидеть в тюрьме? Ты умна и прозорлива, случай не ослабит твоих сил для борьбы, наоборот, твёрдость управляет тобой, помни, ты – мать, и нет у тебя права не вытерпеть горе.

– Не могу я, гого, устала, выдохлась, нет больше сил для борьбы, нет мудрости, знаю, что одиночество доведёт меня до сумасшествия, поэтому и хочу быть с тобой. Ты для меня – икона, на которую я молюсь. Если я буду под твоей опекой, может, проживу ещё ради твоего блага.

– Всё будет хорошо, не переживай, ведь видишь, что начало хорошее, справляемся потихоньку с врагами. Послушай меня, ступай домой, делай так, как я прошу. Не приходи сюда до тех пор, пока я не сообщу тебе. Помни, что своим беспокойством и безвольностью ты усложняешь моё наказание. Кто дал тебе право говорить о самоубийстве? Жизнь – это самый дорогой подарок, пожалованный Богом, и нет ни у кого права прикосновения к ней. Пусть жизнь не пугает тебя, для некоторых это душевное спокойствие, а для тебя – ураган. Наверное, так и должно быть. Кто знает, может мы вымаливаем прощение перед Богом за грехи предков. На сегодня в наших людях не сохранилось того благородства, которое было присуще

им ранее. Раньше наша порода была сильна, а теперь вероломство нашей нации разгневало Бога, и не стоит думать об уходе из этого мира прежде, чем не выплатишь долг предков перед Богом.

– Ох, Феридэ, тот благословенный Кравченко, помимо драки, обучил тебя философии? Кто ты такая, женщина, не Христос ли, оживляющий мёртвого и спроваживающий живого с тем же, с чем и в долг одалживал?

– Думай, что хочешь, а теперь ступай с миром. Думаемая обо мне, верь, что вернусь к тебе с миром.

Ануки ещё раз вздохнула и, заплаканная, как наказанный ребёнок, пошла домой. А Феридэ вновь вернулась в камеру, прилегла и стала читать написанные ею строки на стене. Перечитав стихотворение несколько раз, она решила стереть его, но подумав: – какая я поэтесса, такой стих и написала, – передумала.

Опять окунулась в водоворот мыслей. Теперь мысли кружились вокруг Ануки, ей надо было о многом ещё рассказать названной сестре, многое было не досказано, и Феридэ принялась составлять план, чтобы при следующей встрече поговорить обо всём. Мысли прервал стук железной двери, Феридэ предстояла встреча со следователем.

Войдя в кабинет, она узнала Ингу Абашидзе, – „Так вот, где работает подружка моей Эки! – подумала Феридэ, и улыбка обманутого человека мелькнула на её лице.

– Садитесь! – сказала следователь и внимательно посмотрела на вошедшую. „Интересно, где я видела эту женщину?“ – подумала Инга и напрягла память.

Вскоре перед её глазами всплыла фотография Эки Асанидзе. Обрадовавшись, что наконец-то вспомнила, Инга спросила Феридэ:

– Кем вы приходитеесь Эке Асанидзе?

Феридэ задумалась, больше всего ей не хотелось встретить здесь кого-то из знакомых, но лгать было нельзя, и она решила признаться:

– Да, я мать Эки Асанидзе!

– Боже мой, такое сходство, вы копия вашей дочери.

– Нет, я не такая красивая, какой была Эка. Она была такая прелесть, с блестящим, здравым умом.

– Я была у вас, ясно помню ваше лицо. Тогда вы показались мне деревенской женщиной, вы заметно изменились.

– В хорошую сторону или...

– В прекрасную!

– Спасибо за комплимент, как любая женщина, я люблю похвалу, только прошу, не осуждайте и не говорите – „Экина мать, а кокетничает,“ – знает Бог, не кокетничаю, вот сами увидите. Ваш опытный глаз ничего не упустит. Вы расследовали такое дело и подняли занавес с такой тайны, что это под силу не всем.

– Хорошо, у нас будет ещё время вспомнить об этом, а теперь давайте поговорим о деле.

– Спрашивайте! Я готова рассказать вам всю правду. Не буду клясться, огромной симпатией прониклась я к вам, к тому же, я в неоплатном долгу перед вами. Вы разоблачили убийц моей дочери, оживив её этим.

– Это моя работа и обязанность, не стоит благодарить.

– Это обязанность и других следователей, но они большие мастера замять дело.

– Да, есть и такие, но я не отношусь к их числу. А теперь позвольте мне представиться и побеседовать о совершённом преступлении. Я, Инга Абашидзе, следователь отдела следствия Сачхерской прокуратуры. Мне поручено прокурором расследовать совершённое вами преступление. Вы можете выразить мне недоверие и дать отвод, в этом случае вам назначат другого следователя.

– Как вы можете так думать, какой отвод! Беседуя с вами, мне кажется, что я раскрываю душу моей Эке.

– Тогда начнём. Причина вашей явки отмечена в журнале, где записано, что вы явились по своей воле и признались в совершении преступления. Это действие, конечно же, говорит в вашу пользу. Раз вы прониклись ко мне симпатией, вы дадите такое показание, которое не понадобится менять в дальнейшем.

– Постараюсь правдиво ответить вам на все ваши вопросы.

– Что заставило вас сжечь дом, в котором вы росли и где провели годы своей юности?

– Говорят: „Мой бесполезный ненужный горшок – камню, а обед – собаке.“ Этот дом принадлежал мне также, как и моим братьям. Но, когда это мне разрешали повидать родное гнездо? После замужества меня отлучили от семьи и обещали избить, если я появлюсь в родной деревне.

– Как вы совершили поджог?

– Обыкновенно. Облила стены бензином и чиркнула спичкой.

- В дом не входили?
  - Нет!
  - Братьев не видели?
  - Нет. Если бы они увидели меня, то избили бы.
  - Каким транспортом вы доехали до деревни?
  - На „Жигулях“.
  - Сколько времени вам понадобилось для совершения преступления?
  - Пять или десять минут.
  - Может ваши братья были внутри, когда вы поджигали дом? Вы не проверяли?
  - В то время никого бы не было дома, было двенадцать часов дня.
  - А если бы были?
  - Это же дом, а не спичечный коробок, чтобы они не смогли выйти из него.
  - Может, они спали!
  - Я не слышала о сне в двенадцать часов дня.
  - Может, они были пьяны с прошлой ночи, или с ними что-то случилось? Ведь дом человеку для того, чтобы укрыться в нём.
  - Об этом я и не думала, подожгла дом, вот и всё.
  - Дай бог, чтобы всё было так. Вот здесь подпишите под своим показанием, и, если вы больше ничего не совершали, легко выйдете на свободу.
- Феридэ подписала лист с показанием. Затем она вежливо попрощалась со следователем. При прощании Инга сказала:
- Я обязана проверить всё на месте, докажу истину ваших показаний, и через неделю мы с вами встретимся повторно.

***

Трудно сидеть в камере и ждать, но для Феридэ это не страшно, так как попасть в колонию – её мечта. Колония представляется ей раем, откуда не возвращаются так же легко, как попадают. Все равно, стремится она туда, там ожидает её последняя жертва, и спешит она исполнить данную ею клятву. Для неё не существует ни прошлого, ни настоящего, только в будущее смотрит она, представляя и радуясь трудному пути, по которому обязана пройти. Знает Феридэ, что скоро обратит будущее в прошлое, и забудет о нем, как и об остальном прошлом. Знает она и то, какой следователь Инга, может быть все, совершённые ею преступления, поднесёт раскрытыми, как на ладони. Но не печалится Феридэ. Стыдно ей только за обман, а боится она того, что вдруг докажут только поджог дома и не осудят её.

Смотрит Феридэ в будущее с большой надеждой, где нет места поражению в смертельной схватке. Ни одной минуты не тратит зря, тренируется столько, что может побороться с самим чемпионом мира.

Однажды, к удивлению Феридэ, её посетил Александр Кравченко. Увидев своего учителя, она очень обрадовалась. Давно мечтала Феридэ о том, как поделится с ним своими мыслями, и вот Всевышний привёл его к ней. Кравченко удивился радости Феридэ и с обидой в голосе спросил:

– Что ты тут делаешь, Феридэ? Мои люди не попадают в тюрьму, интересно узнать, чему это ты так радуешься. Я учил тебя борьбе с несправедли-

востью, и, если ты веришь в Бога, не позорь мою школу!

– Ты научил меня бороться с несправедливостью, вот поэтому я тут. Тюрьма – это место, где часто оказывается борец с несправедливостью, не мне учить тебя. Может случиться так, что самый сильный борец вызовет смех от своего бездействия. Ведь и железо без закаливания покрывается ржавчиной, только, как посмотреть, каждый по-разному представляет себе борьбу. Одни считают это справедливостью, а другие – несправедливостью. Я скучала по тебе, хотела спросить у учителя совета, но, наверное, мы опоздали встретиться. В моей жизни, Саша, ты – самый великий и умный человек. Часто вспоминаю я твои уроки. Не думай обо мне плохо. Необходимость заставила меня оказаться в тюрьме. Именно здесь я должна расчитаться со своими обидчиками.

– Не переживай, Феридэ, не позволю я тебе сесть в тюрьму, постараюсь вытащить тебя на свободу целой и невредимой.

– Не смей, Саша! Я совершила преступление только для того, чтобы сесть в тюрьму. А ты хочешь вернуть меня обратно на свободу?

– Ведь можно же было дождаться своей жертвы на свободе?

– Нет, ожидая, я сошла бы с ума!

– Когда слишком спешат отомстить, жертва считается счастливой, так как может покончить жизнь самоубийством.

– Вот этого то я не хочу. Не дай бог увидеть мне жертву, повешенной на верёвке. Она должна умереть

от моей руки такой же ужасной смертью, какой убила мою дочь.

– Ты готовишься выполнить долг перед дочерью. Я тоже выполню свой долг перед тобой: пришлю к тебе известного во всём мире адвоката и постараюсь законным путём снять с тебя обвинение.

– Это будет не помилование для меня, а наказание.

– Почему ты не хочешь понять, что тюрьма не для таких, как ты. В моем понимании грузинская женщина должна быть такой, какую её описывает Вахушти: „Прекрасная, воздушная, стройная, энергичная, труженица, терпеливая в горе.“ Тебе ведь всё дано Богом, но где же „терпение в горе?“

– Грузия была иной, когда писались эти строки, от деда и отца (от корней) воспитывалась настоящая грузинская женщина, и наравне с нею на этой почве воспитывались, прославленные своим мужеством, честностью, настоящие мужчины. На сегодняшний день в мире увеличилось число неверующих людей со смешанной кровью, которые считают позором „терпеть горе“.

– Всё равно не смогу я заставить тебя отказаться от задуманного, но прошу об одном: вспоминай всегда слова царя Пруссии Фридриха: „На западе – я, а на востоке – Ираклий.“ Помни, что царь Ираклий был твоим предком, и Георгий Блестящий, и Давид Агмашенебели, и Вахтанг Горгасали. Ты не имеешь права позорить корни твоего происхождения.

– Говорю же тебе, были такие грузины, и не только грузины, весь мир был таким. Как, разве уступал в чём-нибудь украинский народ? Только то письмо

запорожцев чего стоит, которое они написали султану...

– Свидание окончено! – ледяным голосом заорал дежурный милиционер и стукнул тяжелым ключом по железной двери.

Оба безмолвно подчинились закону и, дружески обнявшись, попрощались друг с другом.

***

Через неделю Феридэ вызвали к следователю. В кабинете они были одни. Инга заглянула в глаза Феридэ и сказала:

– Эх, мать Феридэ, не такой уж безвинной овечкой оказались вы, как представляла я. Женскую нежность сменили вы на мужскую отвагу. Почему же с мужеством не признались в содеянном?

– И всё-таки, что ты имеешь в виду, дочка, Инга? Что ты узнала, чтобы обвинять меня в обмане?

– Хорошо, мать Феридэ, я положу перед тобой достоверные документы, только не отрицай упрямо факты, не то испортим задуманное дело и утяжелим наказание. Помнишь, когда я искала убийцу Эки, во дворе мы беседовали с тобой. Ты тогда сказала: „Было у меня четверо братьев, пусть с ними произойдёт то же, что и с Георгием. „Что это значит, – говорили они – ты облила грязью нашу семью, убежав втихаря замуж.“ Прискакали к дому, избili нас. А тут ещё старший брат Георгия присвоил всё имущество, говорил, что не даст нам жить. Пусть будет проклят он так, как

мой Георгий. Эке было тогда три месяца, когда нашли Георгия на берегу Квирилы с перерезанным горлом.“

Именно это заставило меня задуматься, что не только дом хотела ты сжечь. Потеряв дочь, отчаявшись, ты во всём обвинила убийц мужа и решила отомстить им, а не дому. Ты сказала мне, что подъехала к дому на автомобиле марки „Жигули“ и пробыла там не более пяти или десяти минут. А по показанию соседа Андрэ Комладзе, автомобиль простоял у калитки около двух часов. После вашего отъезда дом загорелся. Это ещё одна ложь. Не будете же вы отрицать собранные мною факты?

– Не отрицаю, но какое имеет значение, стояла я у калитки десять минут или два часа?

– Именно этот факт имеет важное значение, который раскрывает вторую ложь! Ты сказала мне, что, когда пришла в семью, братьев не было дома. А Талико Кватадзе утверждает, что слышала голос твоего старшего брата Гио, который сказал тебе: – „Кто позволил тебе, сучка, открыть калитку и войти в дом своими грязными ногами...“

Даже, если всё это было не так, то в сожженном доме я обнаружила пепел от человеческих тел, который сильно отличается от обыкновенного пепла фосфорным сиянием. Пепел был расположен непропорционально, что делает невозможным тот факт, будто хозяева спали. Также в золе были обнаружены поплавленные латунные части, которые, по заключению экспертизы, оказались пулями от нагана. Тут возникает мысль, что ты вошла в дом ещё до появления в нём братьев. Как говорит Талико: „В дом ты ступила гряз-

ной ногой“, а не во двор. Братьям не понравился твой приход, и они вышли во двор, чтобы выгнать тебя. Они думали, что это им легко удастся, но ошиблись: в твоей руке оказался наган, и ты начала действовать. Цель, из-за которой ты явилась в родную семью, была достигнута. Трупы упали на пол в беспорядке, и пепел от них был найден в том же положении.

После этого ты достала из машины заранее приготовленный баллон с бензином и облила им деревянный дом, как снаружи, так и изнутри. На это предположение наталкивает нас тот факт, что со стороны соседей невозможно было потушить дом, или же вынести какую-нибудь вещь.

– Этот факт не отрицаете?

– Неужели эти доказательства, представленные вами, достаточны?

– Вполне, хотя, у нас есть и более веские доказательства. Мой опыт и женская интуиция, а также юридическое образование подсказали мне, что, когда человек собирается надолго расстаться с близкими, он обязательно повидается с ними. Готовясь сесть в тюрьму, ты не могла не побывать на могиле Георгия. Поэтому я решила пойти по твоему следу и обрадовалась подтверждению моих предположений.

Могила была убрана недавно. Я зашла вовнутрь, погладила цветы и заметила, что земля в одном месте была намного мягче. Раскопав землю рукой, я увидела перед собой небольшую ямку. И как вы думаете, что было спрятано в ямке?

– Очень интересно, кто же следил за мной?

– Нет, это чутьё следователя!

– И зачем вам дали расследовать мое дело? Нет, я не жалею об этом, действительно, ты достойна похвалы, дочка, Инга!

– Спасибо за похвалу. Вот я и говорю, из ямы я достала сумку, в которой находился самый важный свидетель и доказательство – наган. Может вы будете отрицать, что наган не ваш, и что следствие хочет повесить на вас нераскрытое дело? В это случае отрицать, по-моему, не имеет смысла, так как криминальная экспертиза доказала, что на рукоятке нагана отпечатки пальцев совпадают с вашими отпечатками. У вас есть вопросы?

– Никаких!

– Значит, вы согласны с версией следствия?

– Совершенно.

– Боже мой! Мама Феридэ, удивляюсь я вашему спокойствию. Как вы сохраняете его? Такой силы воли и у меня нет, и, наверное, я никогда не смогу так мастерски сыграть...

– Нет, это не актёрская игра, это настоящее спокойствие, которое овладевает человеком после исполнения его желания. Мне было трудно тогда, когда я мысленно представляла, как убиваю, сжигаю и уничтожаю врагов моей семьи и Родины. Не удивляйся, что сегодня я выгляжу совершенно спокойной. То, что дёргается левая бровь-это остался только один нерв, который я должна успокоить. После этого я со святым умиротворением встречу любое испытание.

– Я бы не выдержала столько, ты – настоящая мать, тигрица. На такой шаг может толкнуть только любовь

к родному дитя. Вглядываюсь в тебя и горжусь, что ожила передо мной мать Херхеулидзе. Рада, что есть ещё такие матери, благодаря которым не переродится Грузия.

– Ваша хвала – это уловка правосудия, чтобы выудить из меня больше показаний, или комплимент?

– Настоящий! Это благодарность, идущая из самого сердца. В первую очередь, я – женщина, мечтающая в будущем о материнстве. Это женская природа, нежность и любовь, данные ей Богом. Научиться этому и сродниться с нацией невозможно.

Следопытство – это моя специальность. Обе заповеди настолько отличаются друг от друга, насколько мы отличаемся от мужской природы.

В Руставской колонии убили Шалву Тодадзе. В его смерти обвинили его же мать и сестру, но чувствую, что это убийство совершила ты. Нет, не думай, что упрекаю тебя, повторяю, я горжусь тобой. Ты не удовлетворилась законным приговором, и сама приговорила убийцу к смерти. Помню твою клятву, которую ты закрепила кровью, начертав кресты на лбах умерших твоих детей. Я тогда потеряла сознание, а придя в себя, увидела, как ты выдираешь пряди волос и покрываешь ими грудь умерших детей. Тогда я сказала себе, что ты обязательно исполнишь клятву. Одну уже исполнила, только не могу понять, как ты попала в мужскую колонию. А теперь, ты специально совершила преступление, чтобы попасть в женскую колонию и завершить начатое, похоронив сердце Калтамзе в том же месте, где похоронено тобою сердце Шалвы.

– Откуда ты взяла этот бред? О каком сердце идёт речь?

– Я же уже говорила, что человек перед разлукой прощается со своими любимыми людьми. Ещё раз побывав в тех местах, где ты прощалась с близкими, я нашла, как я уже говорила, в одном месте наган, а в другом – сердце с ещё сочившейся кровью. Тогда мне было не известно об убийстве в Руставской колонии, но догадалась, что одна клятва уже исполнена. Не знала я, чьё это сердце: Калтамзе Чохелидзе или Шалвы Годадзе?

Правда, ты совершила тяжелейшее преступление, отрицать которое не будет ни один здравомыслящий человек. Знала бы ты, как красит и облагораживает тебя это преступление. Если бы я могла, я стала бы твоей помощницей, но этого не позволяет мне должность, да и силы нужны.

– Чем вызвана такая симпатия ко мне?

– Твоя клятва. Не думала, что так легко исполнишь её. Все отчаявшиеся матери дают такую клятву, но в дальнейшем хотят достигнуть цели проклятиями. Одни слезами утешают печаль, другие начинают употреблять алкоголь или наркотики. Великодушные клятвы варажается в том, чтобы исполнить её. Ни в коем случае не говори и не делай больше того, что необходимо. Тогда преступление, совершённое тобой, будет красивым украшением для тебя. Сравни его с генералом, примеряющим мундир, украшенный орденами. Но плохо совершенное преступление и генерала сделает уродом в своем мундире. Именно так уродливо было совершено убийство Эки. Человек не

имеет права забирать жизнь другого ради карьеры или имущества. Убийцы Эки забыли этот закон. Убив твою дочь, они убили красоту и будущее Родины, поэтому нет ничего удивительного в том, что мать, не удовлетворенная законным приговором, задумывается над личным отмщением.

Обнаружив множество улик преступления против тебя, вместо презрения я прониклась уважением, так как представила себя на твоём месте. Не каждая мать может совершить такое, поэтому я решила помочь вам. Сегодня же закрою дело и передам в суд по вопросу поджёга частной собственности. Что же до убийства Шалвы Тодадзе, то это дело закрыто и не касается меня. Я и спрашивать не буду, как вы совершили его. Братья же ваши недостойны жалости: жить в деревне и не общаться с соседями означает, что ещё до смерти ты мертв. В деревне не знают, где находятся братья: живы они или мертвы, ну, а ты, конечно же в дом не заходила, подожгла снаружи дом и ушла. Судьбой братьев ты совершенно не интересовалась, да и сейчас тебя не интересует она. Что же касается пепла, найденного нами, это, действительно, не сможем изъять из дела, придётся отвечать перед законом.

– Если меня осудят условно, то я погибла. Нельзя ли утяжелить преступление?

– В твоём деле хватает тяжкого, знаю, что тебя не пугает строгость наказания, но, не имея опыта в тюремных законах, тебе невдомёк, что значит убийство, да ещё и братьев. Поэтому пункт об убийстве мы должны убрать. Для приговора хватит и уничтожения частной собственности. Ты получишь от четырёх до

восьми лет, в зависимости от того, в каком настроении будет судья, и понравишься ли ты ему.

– Вы так составляете моё дело, будто у меня есть будущее, что до сегодняшнего дня не приходило мне на ум.

– Никогда не надо терять надежды на будущее. Верю, что Ануки будет жить надеждой на твоё возвращение и верой в будущее. Каждый человек является борцом в этой жизни, ведь нет ничего предосудительного в том, что у Ануки нет такого умения бороться, как у тебя? Ведь она борется в жизни по-своему, и нет у тебя права обмануть её надежды. Борец должен учиться мастерству своего противника, а не выявлять его недостатки. Любовь к борьбе, чувство или ненависть, печаль обязательно должны присутствовать, так как в ином случае будешь всегда побеждён в поединке с жизнью. В разрешении вопроса жизненных перипетий тебе не нужны мои указания.

А теперь, зная, что ты умеешь хранить тайну, мы напишем такое показание, которое необходимо представить суду.

„Обвинительный приговор.

Обвиняемая в преступлении Феридэ Церетели – Асанидзе, действительно совершив преступление, перед законом...“

...и в обвинительном заключении было написано, как она, Феридэ Асанидзе-Церетели, сожгла и уничтожила собственную кровлю, которая в настоящее время принадлежала её братьям, и, которые отказали ей в части отцовского наследства. Обиженная Феридэ облила дом бензином и подожгла...

Суд с той же стороны подошёл к разбору данного вопроса и присудил подсудимой лишение свободы сроком на четыре года с отбыванием наказания в колонии общего режима.

***

Два одинаковых мира, ничем не отличаясь, противостоят друг другу, но это только так кажется на первый взгляд. На самом же деле, в преступном мире даже тюремный воздух отличается от воздуха свободы. Женскую колонию можно сравнить с огромным кладбищем, где женщины отбывают наказание со слезами на глазах. Здесь в любое время дня от печали и переживаний проливается женская слеза, ведь она является единственным женским оружием самозащиты. Женщина – нежное создание, терпеливое, послушное любит находиться под защитой, но если её довести до отчаяния... Боже, сохрани! Для этой книги хватит одной отчаявшейся женщины – Феридэ, чтобы представить себе лица других, отбывающих наказание, заключённых.

Силён женский пол, всё хорошее и плохое внутреннего мира редко пробивается наружу. Женщины любят хранить тайны и легко забывают прошлые мучения. Они считают позором судимость и скрывают тюремное знакомство, а также неписанные законы зоны.

Мужчины же, наоборот, гордятся походкой, и очень часто можно услышать от них бахвальство: „Я сидел,

брат Симон*.“ Будто хорошее совершил и сидел не в тюрьме, а на троне царицы Тамары. Поэтому мужские колонии открыты для журналистов, выносящих на дневной свет их позорные дела.

Пусть женская колония останется прежней, хранящей тайны, какою была на протяжении многих веков, а мы обратим внимание на то немногое, что касается героини нашего детектива.

Женская колония, окруженная высоким забором, с цветником со стороны булыжной мостовой, без ключей проволоки, расположена в центре столицы. Внутри двора чувствуется заботливая и нежная женская рука: вечно ухоженные газоны с, цветущими в любое время года, растениями. Колония находится под опекой государства. У женщин есть лёгкая работа, небольшие швейные мастерские и фабрика по изготовлению игрушек, чистые общежития, кинотеатр, баня, прачечная, сушилка, больница, столовая, спортзал, школа, где открыты различные курсы обучения специальностям и другие необходимые строения для культурного и цивилизованного существования человека. Да, власти позаботились о женщинах и создали всё для их культурного существования. Только никто на смог уничтожить среди женщин раздора. Раздор и вражда, унижение друг друга и возвеличение себя – закон для женщин. Чувство главенства над другими сидит в них больше, чем в мужчинах. Секса в женских колониях больше, чем в мужских. Здесь функции мужчин выполняют женщины, которых зовут „жеребцами“, а выполняющих роль жен-

---

* Симон – обращение к человеку на воровском жаргоне.

щин называют так же, как и в мужских колониях, „педерасты“. Мужчины не скрывают этого и выносят на свет. Женщины же своих „жеребцов“ оберегают с нежностью, в тайне хранят их действия, и при необходимости используют эти связи на свободе.

В колонии не существует места для секса, для этой цели используют сушилки и прачечные. В сушилке стены покрыты отопительными трубами, и температура воздуха всегда высокая для того, чтобы быстро сохло женское бельё, одежда или постельное.

Прачечная расположена рядом с сушилкой. Здесь стоят вёдра различной формы и размера, ванны и единственная стиральная машина, которая закреплена в середине комнаты и похожа на атомную бомбу, внутри которой помещается пятьсот комплектов женского постельного белья, рабочих и выходных платьев и многое другое.

Именно в эту колонию, считающуюся образцом хорошего режима и поведения, определили Феридэ.

Как правило, новоприбывшую отвели в баню. Несколько пар глаз с завистью смотрели на прекрасное, натянутое, как пружина, тело Феридэ.

„Вот это да, даже у женщины быстрее забьётся сердце при виде такого тела, и „жеребцы“ не исключение,“ – сказала женщина с бледным лицом, испытывая на себе разное множество ласк и, которая сама была мастером ласки. И правда, в тот же день на зоне „жеребцы“ узнали о редкой залётной птице и принялись готовиться к встрече.

После бани Феридэ выделили кровать в общежитии заключённых, и она вежливо поблагодарила кон-

воиров. Заправив постель, решила прилечь, как вдруг перед ней, кривляясь и выгибаясь телами, встали три молодые женщины. Одна была очень высокая, сгорбленная под тяжестью огромной груди. Две другие были слишком низкие, или казались таковыми на фоне высокой, не знаю. Полненькие, они выглядели красивыми.

– Вас, калбатано, вызывают в „козлодёрку, отправляйтесь сию же минуту! – приказным тоном сказала высокая.

– Где эта „козлодёрка“ или, что это за заведение? – спросила Феридэ.

– Вах, по тебе видно, что ты новичок, но не бойся наберёшься опыта, и на втором сроке может быть станешь „жеребцом“, если сейчас хорошо потренируешься на „станке“.

– Что это за чертовщина „жеребец“, или „станок“, – опять удивилась Феридэ.

– Пойдём, пойдём, ты это сейчас поймёшь. – подержала словом низкая высокую.

– В конце концов, скажите, куда мне идти и кто меня зовёт?

– В прачечную зовут, поняла?! – рассердилась высокая.

– Что мне делать в прачечной, я только что вернулась из бани и стирки у меня нет.

– Говорят тебе, пойдём, старшие вызывают, не то силком потащим! – теперь уже, ещё сильнее разозлившись и покраснев к тому же, раскричалась высокая.

– Что вы говорите, девочки, что нужно старшим в прачечной, где там кабинет? Действительно, не же-

лаю я встречаться с подонками. А если силой потащите, то знайте пожалуйста старшим начальникам.

– Ха! Ха! Ха! – рассмеялись во весь голос все трое. Начальники сами с нами советуются. Для тебя же лучше, если ты слушаешься начальников внутри „зоны“.

– Идите и скажите вашим „внутренним“ начальникам, что у меня нет желания встречаться с ними. Если они хотят встретиться со мной, то пусть сами придут ко мне!

– Ха! Ха! Ха! „Жеребцы“ придут к тебе? Эх, сегодня же тебя так укротят, что завтра ты зачирикаешь уже по-другому! – сказала высокая и ухватила за плечо, чтобы силой повести Феридэ. Не дав высокой опомниться, Феридэ высвободила руку и схватила девушку за нос так, что белые угри вылезли и покрыли покрасневший от волнения нос.

Теперь все трое, обзлившись, кинулись к Феридэ: одна вцепилась в волосы, две другие девушки, выкрутив руки и подгоняя её пинками, повели в сторону прачечной.

– Отпустите руки, мерзавки! – приказала бравым мужским голосом, сидящая сбоку на стиральной машине, одетая в спортивную одежду, женщина тридцати лет с коротко остриженными волосами и с горящими глазами, из которых сыпались искры. Хотя, губы не прикрывали зубов, её нельзя было назвать некрасивой. Если бы не продетое в ноздрю кольцо, её можно было бы считать привлекательной, но сейчас она была похожа больше на колхозного племенного быка, чем на человека, и тем более на женщину.

– О! Почему ты бежишь от нас, птаха? Зачем понадобилось тащить тебя силком? Канарейки сами залетают в клетку, а ты... – произнесла „бык“ и оскалила зубы. (Губы не прикрывали зубов).

Феридэ улыбнулась. Заключенные восприняли её улыбку по-разному, а „бык“ произнесла приятную для женщины заученную фразу:

– Добро пожаловать в мои владения! Преклоняюсь перед вашей красотой! Считайте меня пленницей ваших лучистых глаз и солнечной улыбки.

Феридэ ещё больше улыбнулась, ей понравилась похвала, но стало неприятно, что эти слова были произнесены устами женщины.

– Дорогая, чему ты улыбаешься? – спросила её женщина-„бык“, заметив в улыбке Феридэ насмешку.

– Ваше сиятельство расселась как шах Аббас и не знает, что даже шах Аббас не был таким дерзким с женщинами, он не позволял себе не встать и не преклонить головы перед красотой, – ответила Феридэ.

– О! Это мудрая мысль, но не могу поверить, что шах Аббас склонялся перед женщинами в то время, как перед ним дрожала вся Азия. А у меня прав больше, чем у шаха Аббаса, так как я – повелительница женского царства.

– О, великая повелительница, что прикажете приведённой к вам рабыне?

– Как тебя зовут? – теперь уже, действительно, голосом шаха Аббаса произнесла женщина „бык“, так как в голосе Феридэ она подметила насмешку.

– Цици, повелительница! – ответила Феридэ.

– Что это за имя такое – Цици, ты ведь не кошка?

– Да, повелительница, я кошка, безвредная, даже мышам не наношу вреда.

– Оставь, не зови меня больше повелительницей! Цици, ты знаешь, для чего я позвала тебя?

– Нет, повелительница!

– Опять, повелительница?! Я хочу изнасиловать тебя, чтобы ты всегда была покорна мне. Вижу, что ты и так смиренная, так что можем получить удовольствие, обойдясь без насилия.

– Но вы же женщина, повелительница?!

– Ну и что с того, женщина тоже может изнасиловать красавицу, даже девственницу.

– Приходилось ли вам насиловать девственницу?

– Сколько хочешь, отсюда на свободу девственницами не возвращаются!

– Преклоняюсь перед вашей мужской силой, повелительница. Не скажете ли вы мне свое имя, чтобы я вечно помнила первого насильника?

Нет надобности знать тебе имя, которое я ношу за пределами этого мира, а здесь все зовут меня „жеребцом“!

– Ну, а теперь послушай меня, – приняв серьёзное выражение лица, сказала Феридэ, – будешь ты „жеребцом“ или „быком“, для меня не имеет значения. Будет лучше, если ты станешь кобылой, не позорь имя и честь женщины, не думай, что раз здесь нет мужчин, то до их ушей не дойдёт то, чем мы здесь занимаемся. Каждая из нас находится в зависимом от государства положении, и не надо добавлять боли и так заплаканным женщинам. На свободе мы были врагами мужчин-насильников, а здесь ты, женщина,

делаешь то же, что и они. Кто дал тебе право на то, чтобы женскую колонию, преступный мир превращать в дом разврата и возвращать нормальному обществу растленных женщин?! Кто разрешил тебе насилловать девственниц и добавлять к клейму преступницы клеймо проститутки?!

– Э-э, педагогика! Здесь не детский лагерь, а колония для преступниц. Бросай заниматься воспитательной агитацией. Мы выращены для этой системы, и все те, кто попадает сюда, становятся членами нашего общества. А ты как хочешь, чтобы мы годами мечтали о мужчинах?

– И на свободе годами мечтают о мужчинах такие, кто ещё ни разу не испытал мужской ласки, но они не становятся проститутками. Эти женщины боготворят и хранят свою честь и девственность. А ты, несмотря на то, что являешься женщиной, обязанной призывать свой род к добропорядочности, толкаешь его к смерти.

Я очень устала, хочу отдохнуть, и будет хорошо, если мои слова повлияют на тебя. Не дай бог, я узнаю о том, что ты кого-то изнасиловала!

– А если узнаешь?

– Обижусь, и поговорю с тобой по-другому.

– Что ты скажешь по поводу твоего изнасилования?

– Ничего, этого не случится.

– Ещё как, с большим удовольствием! Пять лет я здесь главенствую, и пока от меня никто не ускользал! – выкрикнула „жеребец“ и вскочила с места.

В прачечной находились около десяти женщин. Все они со страхом смотрели на „жеребца“, чувствовали, что что-то должно случиться.

Феридэ, не обратив внимания на то, что „жеребец“ встала, направилась к выходу медленным шагом, но „жеребец“ догнала её и схватила за волосы.

Тогда она, даже не обернувшись, взвилась кверху и ударила насильницу в лицо. Послышался жуткий хруст, подбородочная кость сломалась и челюстные кости сомкнулись друг с другом. „Жеребец“, перелезев через стиральную машину и пробив кирпичную стену, упала на землю без сознания. Феридэ, поправив волосы, стремительно вышла из комнаты.

***

Наргизу, (так звали „жеребца“), в бессознательном положении отправили в тюремную больницу, где главным врачом была гинеколог Элисо Табатадзе. Она не смогла помочь Наргизе выровнять челюсти и, поэтому была вынуждена позвонить в городскую клинику с просьбой прислать свободного хирурга. До приезда хирурга, доктор Элисо оказала первую помощь травмированной, привела её в чувство, и затем спросила приведших больную подруг, откуда та свалилась и получила такую ужасную травму.

– Нет, доктор, она не упала, её избил! – ответила одна толстуха.

– Кто её так сильно избил? Наверное, на неё напала целая армия, а то это не похоже даже на избивание ста людей.

– Только один раз и ударила, да так, что мы даже и глазом моргнуть не успели, уважаемая.

– Кто это такая непобедимая, удар которой крошит человеческие кости?

– Сегодня привели какую-то молодую женщину.

– Идите и позовите её, чтобы пришла ко мне.

– Нет, доктор, упаси нас Боже, и не скажем, да и не придёт она.

– Скажите ей, что это просьба доктора Элисо а, ни в коем случае, не приказ.

– Хорошо, пойду. – сказала одна, – но если окажусь на месте Наргизы, вылечишь меня?

– Дурочка, зачем Наргизе лечение? С неё умный человек должен снять мерки, и вся семья должна объявить траур, – пошутила Элисо и посмотрела на распластавшуюся на носилках Наргизу.

Феридэ лежала на кровати и читала книгу. Толстуха, не посмея войти, осторожно приоткрыла окно и почтительно произнесла:

– Калбатано Цици, вас доктор Элисо просит, если можно, прийти!

– Когда мне потребуется доктор, я сама пойду к нему, а если я нужна доктору, пусть сама и придёт!

– Как скажете, калбатано! – произнесла с уважением толстуха и повернулась для того, чтобы уйти, но Феридэ остановила её.

– Эта твоя доктор Элисо заключённая или гражданка?

– Нет, она здесь только днём работает, а вечером всегда идёт домой. Калбатано, она такая хорошая девочка, действительно вам понравиться, она наша душа прямо!

– Стой там, иду! – произнесла Феридэ и, поправив волосы и одежду, пошла вместе с толстой девушкой.

– Дай Бог тебе здоровья! Её убить надо было, кто посчитает, сколько девчонок покалечено этой испорченной тварью! – зашебетала по дороге толстушка, стараясь этими словами доставить удовольствие Феридэ.

– Здесь, на зоне, есть ещё такие, которые силой толкают женщин на аморальное поведение? – спросила Феридэ.

– Да, есть ещё одна, но она больше похожа на обезьяну, чем на человека: вся покрыта волосами. Наргиза назначила её своей правой рукой. Она там, в прачечной работает.

– Ты, случайно, не мингрелка?

– Нет, я не мингрелка, просто у меня мать – мингрелка, и отец тоже!

Феридэ улыбнулась толстушке, та тоже уважительно закивала головой.

Между тем они подошли к больнице. Толстушка смело вошла в кабинет доктора Элисо, Феридэ застенчиво последовала следом за ней и от удивления опешила. Она ожидала увидеть женщину – пенсионерку в очках, а здесь её ожидала совсем юная девушка, почти ребёнок, олицетворение красоты, в брючном костюме, поверх которого был надет белый халат.

– Это вы, Цици? – улыбаясь, спросила Элисо, ей очень шла улыбка.

– Да, это я, только не Цици, а впрочем, всё равно, Цици...

– Ну, хорошо. Пусть будет так. Про тебя говорят, что ты избила Наргизу. Это правда?

– Калбатано, вам сказали неправду. Откуда у меня такая сила, чтобы переломать кости человеку. Кто видел, что я ударила её? – обратилась Феридэ к подругам Наргизы.

– Нет, мы не видели, но и мы тоже не избивали её. Может, в неё попала молния? – спросила толстушка.

– Эх, девочки, сильны же вы, стая шакалов перед девой, вы возвращаете обществу развратниц. Если кто-нибудь пожалуется на вас, то „как это она посмела, это же не по-воровски“, ну, а если кто-нибудь заступится за свою честь и хорошенько вас поколотит, вы первыми побежите жаловаться (никто не опередит вас). Я, правда, ударила вашего „жеребца“, грешного в растлении женщин и даже девушек, но никто не сможет доказать, что травмы получены ею от руки, обладающей нечеловеческой силой.

– Слава тебе, моя грузинская женщина! – воскликнула, стоящая возле письменного стола, Элисо и расцеловала Феридэ, – считай меня своей верной подругой и в горе, и в радости буду с тобой рядом.

– Калбатано Элисо, меня привели сюда силой, а вас что вынудило прийти в колонию по собственной воле?

– Закончив медицинский институт, я всей душой начала служить делу спасения человеческих жизней. Именно здесь я ожидала встретить угнетённое женское общество, и поэтому решительно вступила в борьбу, но безрезультатно. Если бы рядом со мной была бы хоть одна такая, как ты, то победа была бы моей. Никого не оказалось, думающей так же, как и я, заступницы отверженных обществом женщин.

– Для чего вы меня позвали, доктор?

– Просто хотела увидеть вас! Мне нужна медсестра, и я бы хотела, чтобы вы сотрудничали со мной...

– С большим удовольствием, но в медицине я ничего не смыслю.

– Сначала и я ничего не умела, но научилась!

– Сюда, наверное, меня должен назначить начальник колонии...

– Это дело я сама устрою. Ты приходи завтра утром и присмотри за избитой женщиной.

Хирург закончил операцию. Выкатили каталку, на ней лежала вся забинтованная Наргиза. Кроме челюсти у неё были сломаны плечо и бедренная кость. Феридэ с мрачным видом подошла и встала перед носилками. Наргиза долго смотрела на неё, а потом из её глаз скатилось по одной слезинке.

***

На второй день Феридэ пришла в больницу и приступила к работе. Элисо объясняла ей каждую мелочь. Она провела её по всей больнице, показала каждый уголок.

У кабинета Элисо Феридэ заметила заплаканную девушку. Перед глазами встала её Эка, и она мгновенно подошла к незнакомке.

– Чего ты плачешь, девочка? – с нежностью спросила Феридэ. На девушку подействовала ласка, и она заплакала ещё сильнее.

– Не плачь, дочка, успокойся, скажи мне, кто тебя обидел? – Феридэ погладила девушку по голове.

Пришла Элисо, и заплаканную девушку завели в кабинет. Элисо подала ей воды, девушка отпила и немного успокоилась.

– „Жеребец“ Калтамзе не даёт мне покоя, – всхлипнув, стыдливо пробормотала она.

– И всё же, что она делает с тобой, чего просит? – спросила Феридэ.

– Посмотрите, что со мной! – сказала девушка и сняла халат. Тело девушки было покрыто синяками, особенно шея и грудь.

– Это что, она избила тебя? – спросила Элисо.

– Нет, покусала, так она выражает свое желание и хочет лишить меня девственности. Заставляет меня делать всякие непристойности.

– Только тебя заставляет или других тоже?

– Таких, как я, у неё много, целая колония, её и Наргизы. Разве, нет?

– За что ты сидишь, дочка? – спросила Феридэ.

– Убила возлюбленного!

– Как?

– Мы были на берегу реки, клялись друг другу в любви. Он повалил меня и хотел изнасиловать. Я толкнула его рукой, он упал в реку и утонул. Почему я не утонула вместе с ним? Тысячу раз пробовала, но не смогла покончить с собой...

– Пойдём, покажи мне эту твою Калтамзе. Больше она никого не побеспокоит! – сказала Феридэ и встала. Затем посмотрела на Элисо:

– Ну, а ты, вызывай хирурга!

– Нет, Цици, остановись! Решать дракой – это последнее дело. Давай сперва попробуем поговорить с ней. Может добрым словом мы сможем повлиять на неё, А если нет, то куда она от нас денется?

Элисо послала за Калтамзе уборщицу. С мужской важностью заявила „жеребец“ Калтамзе. У Феридэ бешено забилося сердце и, чтобы сдержаться, она так крепко схватилась за ручку кресла, что та вместе с ножкой оторвалась у кресла.

На тебя жалуются, калбатано Калтамзе, – произнесла Элисо после небольшого колебания, и посмотрела на Феридэ. Если что, говорил её взгляд Феридэ, ведь поможешь? Но нет, Калтамзе вежливо ответила врачу.

– Интересно, по какому поводу жалоба, доктор?

– У каждой заключённой есть право быть неприкосновенной и защищённой, и она должна знать свои права. Насилие женщины, как в свободном мире, так и в колонии наказывается законом. Кто позволил тебе вести развратный образ жизни в лагере для заключённых и возвращать развитому обществу морально растоптанных и униженных женщин?

– Мне дано право оттуда! – Калтамзе подняла указательный палец вверх, – у нас свой круг, который находится под покровительством, и вы, как думаете, простят ли тому, кто избил Наргизу? Ни в коем случае, я лично рассчитаюсь с ним.

– Ты знакома с той, кто избил Наргизу? – спросила Феридэ.

– Нет, счастье её, что меня не было рядом во время драки, не то она была бы сейчас на месте Наргизы.

– Рано или поздно ты встретишься с ней, будь готова.

– Я готова!

– А теперь скажи, почему ты развращаешь девушек и женщин?

– Сначала вы мне скажите, почему я должна вам говорить об этом?

– Я –врач, а это моя помощница! – указала Элисона, стоящую рядом, Феридэ. – Нас интересует, почему происходит насилие над женщинами в женской колонии?

– Очень приятно, что вы врачи, а не журналисты. Слава Богу, я не вмешиваюсь в ваши дела и вам советую не беспокоиться по поводу дела, которое вас не касается. Я вижу, что вы ещё молоды и не разбираетесь в этой жизни. Настоящий свободный мир тот, где мы сейчас находимся. Никто не перегружен работой, в положенное время дают завтрак, обед, ужин сытный и калорийный. Каждую неделю смена постельного белья, баня, если хочешь, каждый день, кино, театр, школа и, представьте себе, техническое учебное заведение есть у нас. И всё это – ежедневно и бесплатно. Если не съешь бесплатную еду, должен принести справку от врача, не то тебя накажут. А там, что вы называете свободой, никому не будет дела до того, если мы умрём голодными под забором. Никого не интересует твоя судьба. Даже за учёбу на свободе надо платить солидную плату. Больница, баня, кино, театр, нигде и ни в одной стране, не бесплатны. Этим я хочу сказать, что человек блестяще разбирается в плохом и хорошем. И вот это хорошее по сравнению

с тем плохим пришлось по душе женщинам, и тронулся женский мир в сторону лучшего. Разбилось множество семей, многие не захотели работать, и идет этот непрерывный поток, как остановить его? Конечно же, страхом. Мы должны пригрозить духовным уничтожением, и вы увидите в этом мире изменения. Я борюсь за спасение женщин, чтобы не были они в этом мире заключёнными. Поэтому я пугаю и угрожаю им насилием, чтобы они знали, если они ещё раз попадут сюда, то станут ненужными для общества, никто не примет их, как старую ненужную вещь, которая будто мешает человеческому движению вперёд.

Калбатонэбо, мудрости моей беседы вам не понять, так как вы дышите воздухом одного мира!

– Вы и после нашего разговора не прекратите обижать женщин и продолжите ваше любимое дело? – спросила доктор Элисо.

– Я вас не слушала вовсе и не собираюсь предавать дело воспитания женщин моими методами.

– Знай, что тебя ожидает такая же судьба, как у Наргизы.

– Может и хуже, знаю, что в один прекрасный день женщины восстанут и, может быть, убьют меня. Разве, мало людей погибло ради людского благополучия? В конце концов они поймут, что я борюсь ради их блага!

– В чем же проявляется ваша борьба за лучшее будущее женщин?

– Я же сказала, что вы не поймёте меня! – ответила „жеребец“ Калтамзе и с такой силой хлопнула

дверью, что с потолка посыпалась штукатурка. Феридэ догнала её и приготовилась к прыжку, но Элисо, положив руку ей на плечо, вовремя остановила.

***

Прошёл один месяц с того дня, как Феридэ попала в колонию. За это время она хорошо изучила жизнь заключённых. Преступления значительно сократились, но Калтамзе не прислушалась к совету и по-старому продолжала свое грязное дело.

– Пришло время спросить за всё с „жеребца“ Калтамзе, – сказала Феридэ доктору Элисо Табатадзе в воскресенье вечером.

– Ты не отступаешь от своего, мать Феридэ?

– На этом свете, дочка, у меня есть одна названная сестра – Ануки. Она должна была стать свекровью моей дочери, но ей не суждено было порадоваться счастью наших детей. Я очень люблю её и целиком доверяю. Есть ещё один человечек, к которому я очень привязалась за эти дни и считаю его своим близким. Это ты, Элисо. Смотрю на тебя и вижу мою дочь. Я знаю, что ты не одобряешь моего решения, но прошу тебя, не мешай мне. Женщины умеют хранить тайну, поэтому пойми всю тяжесть моего решения, тогда нам обеим будет легче нести этот груз.

– Не убивай, мать Феридэ!

– Нет, дочка, я не убью её. Преступление, совершенное ею, убьёт её. Сами люди спросят с неё за со-

деянное и, кто знает, может среди них найдутся и такие, которые одобряют...

Беседуя, Феридэ и Элисо не заметили, как закончилась ночь, и наступило утро. Со слезами на глазах слушала дочь о горьком прошлом матери, часто слёзы помогали ей не потерять сознания от ужаса, рассказанного Феридэ о своей жизни. Так встретили они рассвет нового дня – понедельника. Феридэ с лёгкостью надела спортивный костюм и отправилась в прачечную. Встав рано, Калтамзе мыла пол. Феридэ закрыла за собой дверь прачечной. Только сейчас заметила её Калтамзе, веник выпал у неё из рук, но не растерявшись, она схватила огромный нож.

– Не спеши, „жеребец“, этот нож вмиг приделаю тебе на позорное место, и если ты не спешишь умереть, советую перед смертью поговорить со мной. – сказала Феридэ.

Не произнеся ни единого слова, Калтамзе устремилась с поднятым вверх ножом в сторону Феридэ, но случилось что-то непредвиденное: плечевая кость хрустнула, и нападающая врезалась в стену. А Феридэ продолжала мирно стоять на месте. „Жеребец“ упала на колени и стала умолять Феридэ:

– Не убивай меня, Цици. Клянусь, больше ничего не сделаю, буду вести себя так, как ты скажешь.

– А за то, что ты совершила, кто ответит?

– Ты уже наказала меня: наверное, буду жить одно-рукой. Прости меня, Цици, если я в чём-то виновата перед тобой!

– Я не Цици, я – Феридэ, слышала когда-нибудь обо мне?

– Какая Феридэ?

– Мать Эки! Помнишь Эку?!

– За это преступление я отбываю наказание. И не было там моей вины, Шалва толкнул меня на это!

– Вот отправлю тебя к Шалве, и будете вместе служить рабами моей дочери! – сказав это, Феридэ тихо приблизилась, щёлкнула по подбородку Калтамзе, и та, потеряв сознание стала медленно оседать на пол. Феридэ плеснула воду в лицо „жеребца“, и та придя в себя, открыла глаза.

– Вставай! – приказала Феридэ, и „жеребец“, шатаясь, с трудом поднялась на ноги.

– Зачем ты убила мою дочь, – скрежеща зубами, спросила Феридэ.

– Быстрее заканчивай, я не пытала её!

Со всей силой Феридэ ударила кулаком в челюсть, и Калтамзе упала в ванну, наполненную водой. Она даже не пыталась выбраться оттуда. Калтамзе трудно было расставаться с жизнью, и она глубоко вдохнула воздух. Феридэ наступила ногой на её грудь, жертва скрылась под водой. Когда на поверхности воды появились пузырьки воздуха, Феридэ приподняла жертву, и та вновь глубоко вдохнула воздух, откашлявшись, сказала:

– Цици, а ты, правда, кошка. Что ты играешь со мной, как с мышкой? Перестань, кончай уже, я никого не мучила!

– Да, я кошка, потомок тигра. Это ты превратила меня в тигрицу. Зачем ты убила мою дочь?! Твое сердце я похороню на груди моей дочери также, как похоронила сердце Шалвы. – сказала Феридэ и так силь-

но стукнула кулаком по лбу Калтамзе, что глаза той вылезли из орбит. Затем она придавила грудь „жеребца“ ногой. Некоторое время жертва ещё барахталась, но вскоре всё затихло.

***

– Не надо ничего рассказывать, я все видела своими глазами! – сказала Элисо, – я тебя ещё больше полюбила, мама Феридэ. Неужели моя мать так же сильно любит меня, неужели я так же сильно люблю моего дитя?!

– Любое живое существо, будь то птица или зверь очень любят своего детёныша, особенно, человек, ты же видишь сама.

– Тебе не добавят срок, мама Феридэ?

– Нет, из-за таких зверей следствие не станет утруждать себя. Таких, как Калтамзе, используют, а затем выбрасывают в мусорный ящик, как использованный презерватив.

***

Утром в колонии поднялся переполох. Весть пулей облетела колонию: Калтамзе покончила с собой – утопилась в ванне.

– Что, не смогла найти верёвку?

– Грехи спутали ей мысли и, чтобы больше не мучаться, она решила утопиться.

– „Я так и знала, у таких конец один“, – и лагерь быстро забыл „жеребца“ Калтамзе

***

– Чувствовала, что сюда принесут! – сказала доктор Элисо, когда в операционную внесли на носилках бездыханное тело Калтамзе и переложили на операционный стол для вскрытия.

Феридэ взяв двухлитровую банку, вошла в операционную. Разрезав грудь Калтамзе и описав правой рукой круг, она со всей силой вонзила в рану пальцы, вошла по кисть в неё и выдернула ещё тёплое сердце из груди. Из раны вытекла спёкшаяся чёрная кровь. Несмотря на то, что Элисо была врачом, и в её обязанности входила операция, она не выдержала такой процедуры и вышла из комнаты. А Феридэ, положив в банку ещё тёплое сердце, залила его спиртом и накрыла банку крышкой.

Два года хранилась банка на почётном месте... Через два года произошло радостное событие. В женской колонии объявили амнистию, радость царила в ней. Частичка радости досталась и Феридэ: ей засчитали два года отбытия наказания и помиловали.

Как и прощание с умершей Экой, так и прощание с живой Элисо были самыми трудными минутами в жизни Феридэ. Наступал момент прощания двух родственных душ: женщины, сроднившейся с девушкой как с родной дочерью, и девушки, почитавшей Феридэ как родную мать. Было пролито множество слёз.

Элисо, пообещав в скором времени увидеться с Феридэ, ушла из колонии раньше, чтобы не видеть, как выйдет самый почитаемый ею человек, чьё место в сердце не смог бы занять ни один человек.

Феридэ достала спрятанную два года назад двухлитровую банку; спирт хорошо сохранил сердце Калтамзе; спрятала банку в сумку, как дорогое сокровище и на такси добралась до автовокзала. „Икарусу“ понадобилось три часа, чтобы доехать из столицы до Сачхере. Было 21 ноября, часы показывали пять часов вечера. Это был день Ангела Хранителя. Феридэ направилась прямо к кладбищу. Снег пока не выпал, но моросило, дул холодный ветер, холод пробирал до костей. Феридэ была одета в траурную одежду, она не чувствовала холода, шагала с трофеем и радовалась скорой встрече с детьми. Вот и могила, не сразу узнала её Феридэ. Всё было убрано, чувствовалась заботливая рука Ануки. Ануки расширила кладбище, она обложила его мраморными плитами, поставила два чёрных гранитных камня: один камень рядом с Арчилом, на котором было высечено имя Ануки, а второй-со стороны Эки, и на нём – имя Феридэ. Обрадовалась женщина, и слёзы радости полились из её глаз. Она попросила утреннего ангела передать слова благодарности Ануке. Затем она стала раскапывать руками землю. Сердце Шалвы было уже съедено землёй, и на его месте лежал серый комок земли. На то же место Феридэ положила сердце Калтамзе и засыпала землёй.

– Примите, дети, этот последний подарок от меня. Я честно исполнила клятву. Теперь, исполнив мой

долг, могу позаботиться и о душе, представив её вам. Я больше не плачу, слёзы уже давно высохли у меня. Боже, ты не исполнил ни одной моей просьбы, прошу вас ангелы Михаил и Габриил, дайте сил выдержать расставание с душой.

Феридэ легла на землю, предназначенную ей. Думаю, Бог услышал её; ей не было холодно, по телу разлилось необыкновенное тепло. С рассветом она уснула.

...В ту ночь Элисо плохо спала, ей виделась Феридэ, будто она просила помощи, будто она шла куда-то и взывала к чему-то, будто запрещала плакать. Был ли это сон или видение – она не поняла. Утром комнатные часы пробили пять раз. Зимняя ночь, светает поздно, но всё равно это наступило утро.

– „С Феридэ что-то случилось,“ – подумала Элисо и быстро поднялась с постели. Подбежала к телефону и вызвала скорую из своего отделения. Пока одевалась, возле калитки остановилась белая „Волга“ скорой помощи.

– Быстрее, мы должны ехать в Сачхере! – вместо приветствия сказала Элисо водителю и устроилась на переднем сидении...

Рассвело. Туман рассеялся. „Волга“ летела по покрытым инеем улицам Сачхере. В руке Элисо держала клочок бумаги, на котором был записан адрес Феридэ. Водитель стал глазами искать жителей для того, чтобы ему объяснили, как доехать до указанного места. Вот, утонувший в зелени, дом. „Волга“ остановилась у калитки. Звать не пришлось, на пороге гостей встретила Ануки:

– Заходите, дети! Заходите! Хорошую весть принесли мне, ведь так? – широко распахнула калитку Ануки.

– Нет, тётя, у нас нет времени. Мы хотим видеть Феридэ. Если можно, позовите, скажите, что её спрашивает Элисо.

– Феридэ ещё не освободили, дочка!

– Как не освободили? Вчера я сама провожала её!

– Ой, дети! Почему я ещё живая, почему я не доглядела, пойдёмте быстрее. Она будет на кладбище!

Вместе с Анукой „Волга“ устремилась к кладбищу. Феридэ лежала, окаменев, с закрытыми глазами, со сложенными на груди руками и с улыбкой на лице... Она быстро дышала, грудь поднималась и опускалась, как насос, было видно, что началось воспаление лёгких.

– Ну-ка, быстро помоги мне, Гия! – сказала водителю Элисо и приподняла Феридэ.

Феридэ открыла глаза, узнала, стоящую над ней, Элисо, и из глаз её потекли слезы благодарности.

– А ну, Гия, помоги мне, мы должны успеть доехать до Тбилиси, только так мы спасём её, не доверяю я районной больнице. Быстро, Гия!

„Волга“ со всей скоростью летела по трассе. Феридэ лежала на носилках, Элисо сидела у изголовья и держала в своей руке её руку. Ануки раскрыла вторые носилки и легла рядом с Феридэ.

– Почему ты меня убиваешь, девочка? У кого не умирало дитя? Только ты такая преданная мать? Я жила, надеясь на тебя. Почему ты не захотела оплакать меня, девочка... – без слёз причитала Ануки.

Автомобиль подъехал к Гори...

Элисо положила руку на грудь Феридэ... Ей не пришлось закрывать глаза, Феридэ сама закрыла их, и на её лице замерла улыбка... Ануки вскрикнула и потеряла сознание. Элисо привела её в себя... Доктор плакала беззвучно и, лившиеся из её глаз, жемчужины слез собирались на подбородке...

Автомобиль вернулся в Сачхере. Феридэ положили в холле.

– Бог послал тебя нам, дочка! – сказала Ануки опечаленной Элисо. – Ты выплачиваешь долг перед матерью, помоги нам, дочка, и Бог не оставит тебя!

– Я не оставлю Феридэ до последнего! – ответила Элисо и вытерла слезы платком.

Ануки за один час так состарилась, что с трудом поднялась и вышла в соседнюю комнату. Она вынесла какой-то свёрток и позвала Элисо. Открыв его, она достала фамильные драгоценности и подарила их Элисо, затем отсчитала три тысячи долларов.

– Это, дочка, наши похоронные деньги. Раз Бог послал тебя к нам, присмотри за нами! Много не плачь, не то оскорбят покойную, перепившие вина, гости.

– Как, а ты куда уходишь, тетя Ануки?

– Куда я уйду, дочка? Я тоже здесь буду, рядом с Феридэ. А теперь пойдём, хочу показать тебе кое-что.

Ануки и Элисо вышли в соседнюю комнату. Там стояли два гроба. Элисо с испугу попятилась назад.

– Это что такое?! – невольно вскрикнула она.

– Гробы, дочка. Один мой, а другой – Феридэ.

– Как ты жила в доме, где стояли гробы, тётя Ануки?

– Ты уже всё знаешь. Этот дом тоже твой, – сказала Ануки и вышла в чулан, не замеченная Элисо. Достала поллитровую банку, где хранила отвар ядовитых грибов, и с жадностью выпила... Затем взяла маленький стульчик, подошла к телу Феридэ, единственной своей соратницы, и сказала Элисо:

– Не мешай мне плакать!

Села на стульчик... Положила голову на грудь Феридэ... Сначала она почувствовала холод в ступнях ног, затем в коленях... и обрадовалась, чувствуя, как смерть подбирается к сердцу...

Содержание

Под этим голубым небом.	3
Клдекари	23
Криминальная аксиома	83

CHAPIDZE GARI
UNDER THE BLUE SKY

Редактор – Мери Придонашвили
Художественный редактор – Мака Самхарадзе
Технический редактор – Белла Зазадзе
Дизайнер – Гванца Махатадзе

Издательство – “Колор”

Книга, как человек. Она помогает автору обрести бессмертие у тех народов, на языки которых переведена...

Об этом хорошо известно писателю и учёному академику Гари Чапидзе.

Действительно, его книги, входящие в пятидесятитомник и переведённые на семнадцать языков, займут достойное место в литературной нише этих народов.

